СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПОВОЛЖЬЕ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВОСТОКА И ЗАПАДА В XII – XVI ВЕКАХ

Хотя о нравах и обычаях мира земного много чего рассказали разные люди, но знайте, что и я, брат Одорико из Форо Юлио, могу поведать вам о множестве чудес, а чудеса эти сподобился я увидеть и о них наслышался, когда по доброй воле прошел через море и побывал в страиах неверных, дабы споспешествовать спасению душ.

Одорико Порденоне
(I четв. XIV в.)

Итак, решил я, не тратя лишних слов, рассказать в этом кратком повествовании о многом из того, что довелось мне повидать и о чем я услышал на Востоке, на Севере и на Юге. Всего не перескажешь, а сообщу я немало такого, о чем узнают с моих слов впервые и покажутся кое-кому мои вести ложными; да и сам я, коли не увидал бы воочию эти чудеса и своими ушами не услышал о них, вряд ли поверил, что подобное бывает взаправду.

Одорико Порденоне
(I четв. XIV в.)

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

АЗОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПОВОЛЖЬЕ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВОСТОКА И ЗАПАДА В XII—XVI ВЕКАХ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Г. А. Федоров-Давыдов

Ростов-на-Дону

ИЗДАТЕЛЬСТВО РОСТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1989

ББК 816.32
С 28

Печатается по решению бюро отделения гуманитарных наук Северо-Кавказского научного центра высшей школы

Редакционная коллегия: Г. А. Федоров-Давыдов (отв. редактор), В. Н. Королев (зам. редактора), В. Е. Максименко, Н. М. Фомичев (отв. секретарь)

Рецензенты:
докт. ист. наук В. Л. Егоров, канд. ист. наук *Л. Т. Яблонская*

Редактор Н. Н. Арутюнянц

Введение

Территория Северного Причерноморья и Поволжья издревле была зоной активных контактов населения. Большое влияние на происходившие в этом обширном регионе исторические процессы оказывало столкновение и взаимное перекрещивание интересов стран Востока и Запада. В разные периоды влияние Востока и Запада не было одинаковым. Особое значение во взаимоотношениях Востока и Запада этот регион приобрел в эпоху позднего средневековья. Именно поэтому сейчас исследователей прошлого привлекают проблемы взаимосвязей и взаимовлияний исторического и культурного развития региона в позднесредневековую эпоху. Благодаря археологическим раскопкам и работе в архивах за последние 10 лет достигнуты определенные успехи в изучении прошлого региона, получено много новых материалов на Нижнем Дону, Северном Кавказе, Украине, Нижнем и Среднем Поволжье.

Специфика многочисленных позднесредневековых памятников истории и культуры, имеющихся на Нижнем Дону и Северном Кавказе, связана с центральным положением, занимаемым этими территориями в рассматриваемом регионе. Понять и правильно интерпретировать такие источники можно, сопоставляя их с аналогичными источниками соседних территорий. Перспективным является анализ таких материалов с разных точек зрения на стыке нескольких исторических дисциплин. Наиболее полную реконструкцию социально-экономической, политической и культурной жизни населения можно получить, обобщив достижения исследователей истории, археологии, нумизматики, эпиграфики, зодчества, торговли, религии, историографии. Очевидную пользу исторической науке принесет также ознакомление с методологическим опытом исследования источников.

Также как памятники Древней Руси, Средней Азии и Сибири, средневековые древности и письменные источники Северного Причерноморья и Поволжья образуют самостоятельный цикл научных интересов. Однако эта тематика не получила пока должного отражения в отечественной литературе. Попыткой восполнить этот пробел является организация специальных научно-практических семинаров и симпозиумов. Первый семинар был проведен по инициативе Государственного Эрмитажа в 1984 г. в городе Старый Крым, второй —

по инициативе Северо-Кавказского научного центра высшей школы, Азовского краеведческого музея, Ростовского областного и Азовского городского обществ охраны памятников истории и культуры в 1986 г. в Азове.

В основу сборника легла часть докладов, прочитанных участниками Азовского семинара. Хронологически сборник охватывает период, оказавший огромное влияние на судьбы государств и народов Юго-Восточной Европы. Важнейшими процессами исторического развития в этом регионе были: итальянская колонизация, образование, расцвет и распад Золотой Орды, образование донского, запорожского и терского казачества и их взаимоотношения с Россией, Турцией, Польшей и Крымским ханством.

В. В. Гудаков

Северное Причерноморье и Поволжье XII—XVI вв.
(по материалам некоторых исторических журналов, издающихся на Западе)

В настоящее время в Англии, США и Франции издаются журналы, специализирующиеся на изучении истории СССР и стран Восточной Европы. Основные направления исследований историков Запада во 2-й половине 70-х—1-й половине 80-х гг. представлены в журналах: «The Slavonic and East European Review», «Slavic Review» и «Cahiers du Monde russe et sovietigue». Журналы эти — историко-филологические, превалирующее место занимают в них проблемы новейшей истории. Рассмотрим два направления исследований, привлекших внимание западных историков.

1. **Взаимоотношения итальянских колоний, Византии, Османской империи с народами Северного Причерноморья.** Различные аспекты международных отношений Византии, Генуи, Валахии, Молдавии и монголо-татар исследованы в работах Д. Делетанта — преподавателя школы славянских и восточноевропейских исследований при Лондонском университете. В статье «Генуэзцы, татары и румыны в устье Дуная в XIV столетии» он рассматривает устье Дуная как пограничную зону, которую пытались контролировать несколько держав. Вторжение монголо-татар на эту территорию в 1240 г. натолкнулось на сопротивление Византии. Возник также конфликт между татарами и Генуей, проводившей активную экспансию в черноморском бассейне. Свои интересы в этом регионе преследовали Молдавия и Валахия. В такой международной обстановке автор прослеживает судьбу нижнедунайских портов: Килии, Мавракастро, Ликостомо и др.[1]

Французский историк Ф. Дюпуигренэ Десруссиль анализирует письмо венецианского байло в Константинополе Мартино да Мосто послу и советникам Негропонта[2]. В письме описаны события в Тане, где в это время от чумы скончался венецианский консул Витторе Дольфин. Итальянская колония лишилась своего консула в тяжелый для жизни города момент — Тану осаждали 6000 конных татар[3].

Наиболее интересен отрывок о клятве проживавших в Тане венецианцев и генуэзцев «вместе давать отпор захватчику, если даже обе республики будут находиться в состоянии войны»[4].

Новый аспект в изучение османо-крымских отношений вносит статья М. Казаку и К. Кевоняна «Падение Кафы в 1475 г. в свете новых документов»[5]. Она основана на еще не опубликованных письменных источниках из Государственного архива Генуи, из архивов дворца-музея Топкапы, Матенадарана и монастыря Св. Якова в Иерусалиме. Документы оставлены очевидцами этого события: генуэзцами, турками, татарами и армянами. Их свидетельства существенно уточняют и дополняют новыми фактами важное для средневековой истории Крыма событие — завоевание Кафы османами в 1475 г.

Французские историки М. Бериндей и Ж. Вейнстейн исследовали налоговую систему в османской провинции (Livă) Кафа в период правления Сулеймана I (1520—1566), при котором Османская империя достигла своего наивысшего могущества[6]. В провинцию Кафа, которую авторы статьи называют «османским анклавом», «ускользнувшим от власти хана», входили Кафа, Керчь, Копа, Тамань и Азак[7]. Проанализировав сведения о налогах, их величине, мерах веса и средствах транспорта, они пришли к выводу, что при Сулеймане I в Северном Причерноморье не было центра международной торговли, тем не менее активная торговля местными товарами (зерно, шкуры, соль, рыба, икра и т. д.) продолжалась. Товарообмен велся между областями, расположенными вдоль черноморского побережья: Стамбулом, Анатолией, Абхазией и прочими; западноевропейские купцы по-прежнему участвовали в нем.

В другой статье те же авторы исследовали фискальную и налоговую систему в провинции Бендер-Аккерман в 1570 г.[8] Использовав османские тексты постановлений по этому региону, они охарактеризовали состояние налоговой системы в Аккермане, Чанкермане, Килии и Бендерах и их соотношение с общеосманской фискальной системой.

II. **Взаимоотношения Московского государства с Северным Причерноморьем и Поволжьем.** Отношения Москвы и Бахчисарая рассматривает Р. М. Кроски[9]. Проанализировав письма Ивана III Крымскому хану, он приходит к выводу, что эти отношения имели необычную форму. Формально Москва подчинялась Крыму, который как бы являлся наследником Золотой Орды. Об этом свидетельствует встречающееся в письмах Ивана III выражение «челом бити». В действительности же лицом, определявшим эти отношения, был Иван III. Соблюдая старую формулу подчинения, он вмешивался во внутренние дела Крыма. Выражение «челом бити» употребляется Иваном III и в обращении к Казанскому хану, который, по мнению Р. М. Кроски, был «явной русской марионеткой»[10].

Для обоснования пропагандистского мифа о «советской угрозе» некоторые западные историки пытаются привлечь отдаленные события и факты прошлого, препарируя их соответствующим образом. Так поступил советолог Д. Кип в статье с апологетическим названием «Происхождение русского милитаризма»[11]. Совершенно игнорируя социально-экономические и политические причины возвышения Московского княжества, сыгравшего решающую роль в объединении русских земель, автор пытается найти истоки «русского милитаризма», бездоказательно утверждая, что он был обусловлен политикой Великого Московского княжества, начиная с **XVI** в., причем предшественниками его были Византия и татары. А позднее русское государство будто бы создавалось «в свете опыта, приобретенного московитами в борьбе с различными мусульманскими государствами на неразмеченных восточных и южных степных границах, а также с более передовыми европейскими соперниками, такими как Швеция и Польша»[12]. Д. Кип считает, что «требование «национальной обороны» напрягало примитивную аграрную экономику России и снижало социальный статус крестьянских масс, а «постоянное военное усилие явилось причиной политической, культурной, а также социальной отсталости страны»[13]. Как известно, отстаивая свое право на существование в борьбе со степными кочевниками, Русь в течение столетий напрягала все свои силы. Она как щитом прикрывала Западную Европу от их набегов, что способствовало быстрому развитию производительных сил феодальных европейских государств. Выделяя из исторического контекста одну из причин отставания России от передовых западноевропейских стран, Д. Кип делает далеко идущие выводы.

Статья М. Жанэ, основанная на русских источниках, дореволюционной и советской исторической литературе, посвящена исследованию характера походов новгородских ушкуйников на Волгу. Автор считает, что территория Средней Волги во второй половине XIV в. находилась как под контролем князей Северо-Восточной Руси, так и татарских ханов. Между 1360 и 1375 г., в период феодальной междоусобицы в Золотой Орде, накануне Куликовской битвы, этот регион стал объектом нескольких экспедиций новгородцев (так называемых ушкуйников). По мнению М. Жанэ, в это время политические события в Китае и Персии вызвали перераспределение центров мировой торговли, возросла торговая роль Среднего Поволжья и его торговых центров Булгара и Нижнего Новгорода, ставших рынками международного значения. Как считает западный историк, «Слабость политической власти и возрастающее экономическое значение Среднего Поволжья явились причиной борьбы за обеспечение своего контроля в регионе между местными русскими и татарскими властями»[15]. В этот конфликт и вмешался Великий Новгород, организовав ряд походов ушкуйников. Вопреки распространенному мне-

нию об их чисто грабительском характере М. Жанэ, проанализировав русские летописи, приходит к выводу, что эти экспедиции были направлены на разорение своих торговых конкурентов — Костромы, Жукотина и Вятки — и получение для новгородцев непосредственного доступа к торговому пути Волга—Кама с целью избежать посредничества княжеств Северо-Восточной Руси или Золотой Орды в обмене товарами между Новгородом и Волгой[16].

Отношение русских к населению Поволжья рассматривает израильский советолог из университета в Хайфе И. Крайндлер в статье «Мордва — обреченная советская национальность?»[17] Давая обширную историческую справку о мордве, предки которой «появились более 3 тыс. лет назад на территории междуречья Волги, Оки и Суры»[18], и отмечая, что мордва одним из первых волжских народов вступила в контакт с русским населением, она пытается доказать тезис о «насильственной ассимиляции» мордвы русскими. Ссылаясь на запись о первом столкновении русских с мордвой в 1103 г., исследовательница явно преувеличивает масштаб конфликтных ситуаций, упоминаемых в русских летописях. Она считает, что мордовское население после упадка Хазарского каганата было зажато между русскими княжествами и Волжской Булгарией, борьба между которыми велась на мордовской территории. Именно это обстоятельство помешало созданию «чего-то похожего на государство»[19]. Позже, когда русские стали освобождаться от монгольского ига и продвигаться на Восток, мордовское население оказалось «разделенным между русскими на Западе, Золотой Ордой и ее преемником Казанским ханством — на Востоке. Какой-либо шанс на независимое существование был окончательно утерян. С завоеванием Казани в 1552 г. вся мордва была включена в состав Москвы» (Московского государства)[20]. Таким образом автор совершенно игнорирует социально-экономические предпосылки создания государственности и абсолютизирует внешнеполитические факторы, которые якобы препятствовали образованию государства у мордвы. Совершенно не учитывается добровольный характер присоединения к Москве народов Поволжья, искавших спасения от постоянных грабежей вначале Золотой Орды, а затем Казанских ханов.

Западные историки уделяют много внимания изучению некоторых аспектов международных отношений в Северном Причерноморье и Поволжье в XII—XVI вв. Выделяется школа французских историков под руководством А. Беннингсена: М. Бериндей, Ж. Вейнстейн, М. Казаку, Ф. Дюпуигренэ Десруссиль и др. Они исследуют различные аспекты взаимоотношений Османской империи, итальянских колоний и Золотой Орды. Французские историки ввели в научный оборот и изучили много ценных источников из турецких архивов. В журнале «Cahiers du Monde russe soviétigue» публикуются и сами документы, дается их факсимильное воспроизведение на ста-

роосманском языке и перевод на французский. В целом следует отметить дискуссионность ряда статей западных историков в журналах Англии, Франции и США.

Литература

[1] Deletant D. Genoese, Tatars and Rumanians at the Mouth of the Danube in the Forteenth Century//The Slavonic and East European Review. 1984. V. 62. N. 4. P. 511—530.
[2] Dupuigrenet Desroussilles F. Venitiens et Genois à Constantinople et en mer Noire en 1431 d'apres une lettre de Martino da Mosto baile à Constantinople au baile et aux conseillers de Nègrepont//Caiers du Monde russe et soviétique. 1979. V. 21 (1). P. 111—122.
[3] Ibid. P. 115—117.
[4] Ibid. P. 116.
[5] Cazacu M., Kevonian K. La chute de Caffa en 1475 a la lumière de nouveau documents//CMRS. 1976. V. 17 (4). P. 495—538.
[6] Berindei M., Veinstein G. Réglements de Suleyman 1-er concernant le Liva de Kefe//CMRS. 1975. V. 16 (I). P. 57—104.
[7] Ibid. P. 57.
[8] Berindei M., Veinstein G. Réglement fiscaux et Fiscalité de la province de Bender - Aquerman. 1570//CMRS. 1981. V. 22 (2—3). P. 252—328.
[9] Croskey R. M. The Diplomatic Forms of Ivan III-s Relationship with the Crimean Khan//Slavic Review. 1984, V. 43. N. 2. P. 257—269.
[10] Ibid. P. 269.
[11] Keep J. The Origins of Russian Militarism//CMRS. 1985. V. 26 (I). P. 5—19.
[12] Ibid. P. 6.
[13] Ibid.
[14] Janet M. Les uskujniki de Novgorod: Marchands ou pirates?//CMRS. 1975. V. 16 (I). P. 5—118.
[15] Ibid. P. 5.
[16] Ibid. P. 17.
[17] Kreindler I. The Mordvinians a doomed Soviet Nationality?//CMRS. 1985. V. 26 (I). P. 43—62.
[18] Ibid. P. 44.
[19] Ibid. P. 45.
[20] Ibid.

С. А. Секиринский
Д. С. Секиринский

Феодальные владения генуэзцев в Восточном Крыму во 2-й половине XV века

История Крыма богата важными историческими событиями, значение которых часто выходит далеко за пределы только местной истории. В числе интереснейших и пока еще слабо разработанных проблем истории Крыма видное место занимает история социальных отношений в крымской деревне в период классического средне-

вековья. Если истории средневековых городов Крыма в исторической литературе уделялось известное внимание, то история социальных отношений в крымской деревне почти не исследовалась.

Как известно, немалую роль в истории Средневекового Крыма сыграли генуэзцы, которые в конце XIII в. обосновались в Кафе (ныне Феодосия), а в XIV в. в Чембало (ныне Балаклава) (1357 г.) и Солдайе (ныне Судак) (1365 г.). Вместе с Солдайей генуэзцы приобрели большой сельский округ, в состав которого входило 18 деревень. В административном отношении вся эта территория составила Солдайское консульство, подчиненное Кафе. Известный исследователь истории Крыма А. Л. Бертье-Делагард попытался выяснить местонахождение этих деревень и на основании источников XV в. определить границы сельских владений генуэзцев в Солдайском консульстве. 12 деревень Бертье-Делагард связывал с 12 известными ему деревнями Восточного Крыма: Козио — с деревней Козы (ныне Лагерное); Таратакси — с деревней Таракташ (ныне Дачное); Лоуолли-Волли — с деревней Ворон (ныне тоже Ворон); Силла – Тасили — с деревней Шелен (ныне Громовка); Карпати — с Арпатом (ныне Зеленогорье); Скути — с Ускутом (ныне Приветное); Безалега — с Беш-Эвэли (ныне не существует); Бузулт – с Эл-Бузлы (ныне Переваловка); Кара — с Каргалыком (ныне Зеленая); Сапкти-Еригни – с Сартана (ныне Алексеевка); Чедер — с Чардаклы (ныне не существует); Карло — с Юкары — Тайган (ныне Белогорское). Пять деревень, которых к началу XX в. уже не было, А. Л. Бертье-Делагард относил к определенным географическим пунктам: Санти Иоганнис — к долине Ай-Ван, находящейся вблизи деревни Таракташ; Сдаффо — к долине Ставогухор, расположенной в нескольких километрах от деревни Ускут; Канеха — в долине Канака, находящейся к западу от Ускута; Сарагайи — к верхней части Ай-Савской долины, которая называлась Кара-Агач; Парадикси — к церкви Параскевны, находившейся близ деревни Ортолан (ныне Земляничное). Таким образом, только одна деревня (Диауолло) осталась у Бертье-Делагарда не связанной ни с каким определенным географическим названием[1]. Как видно из этого списка, далеко не все деревни Солдайского консульства находились на морском побережье. Часть из них располагалась на северном склоне гор, в сравнительном отдалении от моря. Это лишний раз показывает несостоятельность концепций некоторых зарубежных историков о том, что генуэзцы якобы не стремились в Причерноморье ни к звоеваниям, ни к крупным территориальным приобретениям, а хотели лишь получить для торговых целей фактории на берегу моря[2]. В 1381 г. генуэзцы по договору с татарами, после разгрома русскими татарских полчищ Мамая на Куликовом поле, закрепили за собой 18 деревень Солдайского консульства и приобрели еще «Капитанство Готию», как нередко

назывался в средневековых источниках Южный берег Крыма[3]. В число поселений «Капитанство Готий» входили пункты: Фори, Лупико, Музахори, Орианда, Ялта, Сикита, Горзоуиум, Пертените, Луста[4]. В этих названиях нетрудно узнать современные Форос, Алупку, Мисхор, Ореанду, Ялту, Никиту (ныне Ботаническое), Гурзуф, Партенит (ныне Фрунзенское), Алушту.

В своих сельских владениях генуэзцы выступают не только в качестве коллективных сеньоров, как это часто бывало в Италии. Во 2-й половине XV в. на территории Солдайского консульства появляются и частновладельческие феодальные земли, принадлежащие отдельным феодальным семьям. Мы имеем в виду здесь братьев Гуаско, которые в XV в. захватили значительные территории в пределах Солдайского консульства и вступили в острый конфликт с представителем генуэзских властей консулом Солдайи. О деятельности братьев ди Гуаско свидетельствует «Дело братьев Гуаско», впервые опубликованное в 7-ом томе источников по истории Генуи в 1879 г.[5] «Дело братьев Гуаско» состоит из двадцати двух документов, представляющих переписку консула Солдайи с вышестоящими генуэзскими властями по поводу самоуправства генуэзских феодалов — братьев Гуаско. Все документы составлены на латинском языке. Издатели сохранили орфографию и пунктуацию оригиналов. Эти документы уже были частично использованы историками. На них опирался хранитель Феодосийского музея Л. Колли, опубликовавший в свое время статью «Христофоро ди Негро, последний консул Солдайи»[6]. Статья Л. Колли представляет собой пересказ «дела Гуаско», перемежающийся переводом некоторых мест из вышеуказанного дела и несколькими латинскими цитатами из них. Однако пересказ Л. Колли сделан неудовлетворительно и порою очень искажает отдельные положения этих документов до полной их смысловой противоположности. Полный перевод «Дела братьев Гуаско» на русский язык был осуществлен С. А. Милицыным и опубликован в качестве приложения к книге С. А. Секиринского «Очерки истории Сурожа IX—XV вв.»[7] Некоторые материалы «Дела братьев Гуаско» были использованы автором этих строк в вышеназванной книге.

Однако дело Гуаско далеко еще не исчерпано, в нем скрыто много новых данных для характеристики средневековой деревни Восточного Крыма. Как можно заключить из переписки консула Солдайи Христофоро ди Негро с консулом Кафы и протекторами банка св. Георгия*, братья Гуаско прочно обосновались в деревнях Тасили и Скути, которые входили в число 18 деревень Солдайского консуль-

---

* Банк св. Георгия — крупная генуэзская торгово-финансовая корпорация, к которой в 1453 г. перешла вся власть в генуэзских колониях на побережье Черного моря.

ства. С этих деревень они получали соответствующие доходы[8]. Но Гуаско не ограничились только эксплуатацией населения Скути и Тасили. Они эксплуатировали и тех жителей Солдайи, которые, хотя и жили в пределах города, но занимались в его окрестностях сельским хозяйством. К числу подобного рода граждан Солдайи, попавших под власть Гуаско, относились и жители селения Карагай[9]. Гуаско считали всех солдайцев, которые приходили в Карагай и работали здесь на их земле, своими людьми, добились освобождения их от несения городских повинностей и уплаты городских податей[10]. Во владениях братьев Гуаско существовали почти все формы феодальной ренты. В имениях ди Гуаско практиковалась отработочная рента: «Солдайцы,— говорил консул,— сделались зависимыми от них, по их воле ходят к ним на работы»[11]. Гуаско требовали от подвластного населения и несения денежных повинностей, т. е. денежной ренты: «Они заставляют тех людей,— указывается в том же документе,— платить сверх норм, существовавших при татарах, в величайший вред и убыток жителям Солдайи»[12].

Увеличение богатства Гуаско сопровождалось и усилением их политической власти. Братья Гуаско отказались признавать юрисдикцию консула Солдайи и подчиняться его власти[13]. Стремление братьев освободиться от контроля ближайших представителей генуэзских властей и признание ими своей зависимости от высших представителей генуэзской администрации в Кафе очень характерно для поведения таких разбогатевших и окрепших феодалов, какими были ди Гуаско. Признание номинальной власти консула Кафы вполне устраивало ди Гуаско, ибо консул Кафы находился «...слишком далеко, чтобы ежедневно видеть дела их»[14].

Братья Гуаско присвоили себе в деревнях Тасили и Скути право суда над местным населением, хотя обе эти деревни входили в состав территории, подвластной суду солдайского консула. Не ограничиваясь правом низшей юрисдикции «зло умножая злом»[15], братья Гуаско присвоили себе в конце концов право высшего суда над подвластным им населением. В знак обладания этим правом «...они установили от имени своего, нанося этим величайшее оскорбление консулу Солдайи, виселицы в деревне Скути и позорные столбы в месте Тасили»[16]. Как известно, виселицы на границах владений в Западной Европе устанавливали только феодалы, обладавшие правом высшей юрисдикции.

Братья Гуаско самовольно ввели на подвластной им территории «...четыре новых вида налога»[17]. Кроме того, Андреотто ди Гуаско установил еще «особый сбор, который он повелел собирать (со всех) проходящих жителей Солдайи и иных людей, идущих в селения Карагай, Скути и другие места, которые считаются принадлежащими ему, Андреотто, и его братьям»[18]. Этот сбор был, судя по всему, торговой пошлиной, самовольно взимаемой Гуаско со всех

людей, провозивших или проносивших товары через их земли.

Таким образом, солдайские землевладельцы Гуаско постепенно присвоили себе все атрибуты власти, присущие только крупным феодальным сеньорам Италии и других европейских стран. Они отвергали все права консула Солдайи, распространяющиеся на них и зависимое от них население, и признавая, да и то лишь номинально, власть консула Кафы «Светлейшего Совета Святого Георгия», превратились в фактически почти суверенных властителей значительной части солдайского консульства. Консул Солдайи не без оснований опасался также, что «... этими поступками, а также другими, о которых можно было бы сказать и будет в свое время и в своем месте сказано, он (Андреотто Гуаско.— **Авт.**) пытался возвеличить себя, дабы впоследствии узурпировать власть в самой Солдайи»[19].

Здесь видно превращение города, от которого раньше зависели окрестные феодалы, в город, который сам оказывается под угрозой зависимости от соседних феодальных властителей. Стремление ди Гуаско узурпировать политическую власть в солдайских землях вызвало резкий отпор со стороны консула Солдайи Христофоро ди Негро, который, в отличие от своих предшественников, занимавших должность только в течение одного года, вынужден был, в силу обстоятельств военного времени, находиться на этом посту в течение четырех лет. Христофоро ди Негро пожаловался на действия ди Гуаско консулу Кафы Батисто Джустиниани, но тот, по словам Христофоро ди Негро, будучи подкупленным ди Гуаско, не обратил на жалобу своего подчиненного никакого внимания[20]. При вступлении на должность нового консула Кафы Антониотто ди Кабела, Христофоро ди Негро поспешил обратиться к нему с подробной жалобой на поведение ди Гуаско и на отношение к ди Гуаско прежнего консула Кафы[21].

Христофоро ди Негро, по всей вероятности, не очень надеясь на благоприятное отношение к своей жалобе, в заключительной части письма делает следующее любопытное примечание: «Доношу вам, светлейшему господину консулу, обо всем этом для того, чтобы вы произвели должное расследование и не могли бы никогда ссылаться на свою неосведомленность»[22]. Это письмо было представлено консулу Кафы Антониотто ди Кабела 23 августа 1474 г., а уже 27 августа 1474 г. консул Солдайи, видимо, не дождавшись ответа своего начальника, отдал приказ кавалерию (полицейскому приставу) и оргузиям (конные стражники Солдайи), в котором говорилось: «... идите вы, Макаели ди Сазели, кавалерий нашего города, а также (следуют имена оргузиев.— **Авт.**) оргузии ... в деревню Скути, поломайте там виселицы и позорные столбы ... сожгите их так, чтобы следа от них не осталось»[23].

Однако ди Гуаско оказали стражникам Солдайи вооруженное сопротивление, и они вернулись домой, не выполнив приказа своего начальника[24].

Обращает на себя внимание заявление Теодоро ди Гуаско, по которому видно, что он не подчинится не только приказу консула Солдайи, переданному через служащих солдайской курии, но и личному распоряжению консула, которое должно было иметь бóльшую силу воздействия, чем распоряжение, переданное через посредников. Новый консул Кафы с самого начала возникновения конфликта по примеру своего предшественника занял по отношению к ди Гуаско примиренческую позицию и приказал Христофоро ди Негро повременить с этим делом, пока им не будут изучены права ди Гуаско[25]. Консул Кафы преднамеренно затягивал разрешение спора между Христофоро ди Негро и братьями ди Гуаско. В конце концов консул Кафы вынес решение относительно судебных прав ди Гуаско на жителей деревень Тасили и Скути, постановив, что они неподсудны солдайскому консулу и что судебные права в названных выше деревнях принадлежат братьям ди Гуаско[26]. В письме протекторам Банка св. Георгия консул Солдайи обвинял своих непосредственных начальников в том, что они подкуплены ди Гуаско и поэтому не желают защищать права и соблюдать выгоды «светлейшего Совета». Христофоро ди Негро писал, что ди Гуаско «... всеми способами и путями ежедневно узурпируют власть и покушаются на выгоды вашей светлости в этой стране, имея (в этом деле.—**Авт.**) покровителей в лице официалов Кафы, прельщенных большими денежными одолжениями и другими дарами, которые ди Гуаско постоянно делают в Кафе и дают в такой мере, что вертят по-своему правосудием»[27].

Нам неизвестно, чем закончился этот любопытный конфликт между главою солдайской администрации и могущественными генуэзскими феодалами — братьями ди Гуаско. Но это и не так важно. Сам по себе процесс братьев ди Гуаско представляет интерес потому, что в нем прекрасно отражены социальные отношения, сложившиеся в сельских владениях генуэзцев во 2-й половине **XV** в. Дело братьев Гуаско свидетельствует о том, что генуэзцы не ограничивались только торговой деятельностью в Крыму, но и проводили здесь агрессивную захватническую политику, приобретая на территории Крыма обширные участки земли, порабощая и закабаляя местное население. Конфликт между консулом Солдайи и братьями Гуаско следует рассматривать как столкновение двух категорий генуэзских хищников, которые боролись между собой за власть и доходы в Крыму.

Захват земель генуэзскими феодалами во владениях Генуи в Крыму становится в XV в. нередким явлением. В одном из писем протекторов Банка св. Георгия от 1456 г. указывается, что некоторые лица в Солдайе захватили в свое личное пользование общинные земли, были ли это члены семьи ди Гуаско или кто-либо другой, нам неизвестно[28]. В Уставе 1449 г. есть даже специальный параграф «О том,

чтобы не захватывать окрестных полей». В нем говорится: «Постановляем и повелеваем, чтобы все селения и все участки земли полевой, луговой или занятой под пастбищами, приобретенные каким бы то ни было образом или купленные у татар подданными общины Генуэзской, оставались на тех же правах свободы, на каких были, когда принадлежали еще хану татарскому...»[29].

Таким образом, Устав 1449 г., засвидетельствовав факты захвата общинных земель генуэзскими феодалами, потребовал от захватчиков соблюдения определенных условий пользования. Генуэзские власти по ряду соображений, в частности, для того, чтобы не обострять отношений с местным населением и татарским ханом, пытались ограничить такие захваты некоторыми условиями. Выполнялись ли все эти условия в реальной жизни, мы, к сожалению, не знаем, но, судя по всем деталям «дела братьев ди Гуаско», генуэзские законы не всегда точно соблюдались в их колониальных владениях.

Братья Гуаско не были единственными известными в исторической литературе генуэзскими феодалами, действовавшими на территории Северного Причерноморья. В XV в. в Причерноморье существовали и другие полусамостоятельные феодальные владения, номинально зависимые от Генуи, но пользующиеся особыми правами и привилегиями. В Матреге (Тамань) сидела генуэзская фамилия Гизольфи, в Батиаре находились феодалы, носившие имя Марини, на южном берегу Крыма действовал феодал Гримальди. Появление в Крыму наряду с генуэзскими купцами генуэзских феодалов неудивительно. Подобные явления можно было наблюдать и в других колониальных владениях итальянских торговых городов. В своих колониях генуэзцы и венецианцы применяли по отношению к местному населению, наряду с новыми методами эксплуатации, и те способы эксплуатации, которые существовали здесь до появления итальянцев.

Характеризуя политику Венеции в Византийских владениях, К. Маркс писал: «... своим собственным нобилям они позволяют делать захваты в Греческой империи и на островах и в качестве вассалов республики основывать в прибрежных городах феодальные владения»[30]. Эти слова К. Маркса, сказанные по отношению к Венеции, в равной степени относятся и к Генуе. Изучение «дела братьев Гуаско» привело нас к следующим выводам. Генуэзцы не ограничились в Крыму только торговой деятельностью, но и захватывали здесь обширные пространства с сельским населением. В своих сельских владениях генуэзцы применяли феодальные методы эксплуатации местного населения, устанавливая здесь отработочную и денежную ренту. Рост экономической мощи генуэзских феодалов в Крыму сопровождался увеличением их политической власти. Генуэзские феодалы присваивали себе право высшей юрисдикции, право на сбор

налогов и пошлины, создавали собственные вооруженные отряды и в конце концов выходили из повиновения генуэзской администрации. Усиление роли феодальных элементов среди генуэзских колоний в Крыму, обусловленное многими экономическими и политическими факторами (распад Золотой Орды, захват турками Константинополя в 1453 г.), значительно сократили объем генуэзской торговли на Черном море и изменили ее характер. В жизни генуэзских колоний в Крыму все более и более видное место занимает сельское хозяйство. Усиление роли генуэзских феодалов в Солдайском округе объясняется сравнительно ранним падением торгового значения Сугдеи-Солдайи.

Литература

[1] Бертье-Делагард А. Л. Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде//ИТУАК. № 57. Одесса, 1915. С. 22—32.
[2] Bratianu Y. Rechercher sur le commerce genois dans la Mer Noire au XIII siecle. Paris, 1929. P. 197.
[3] Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч. С. 19.
[4] ASLSP. V. 5. P. 254—255.
[5] Ibid. V. 7. Pr. 11. P. 292—324.
[6] Колли Л. Христофоро ди Негро, последний консул Солдайи//ИТУАК. № 38. 1905.
[7] Секиринский С. А. Очерки истории Сурожа IX –XV вв. Симферополь, 1955. Приложение № 2. С. 73—94.
[8] ASLSP. V. 7. Pr. 11. P. 292, 318, 323.
[9] Ibid. P. 317.
[10] Ibid.
[11] Ibid. P. 318.
[12] Ibid. P. 319.
[13] Ibid.
[14] Ibid. P. 315.
[15] Ibid. P. 319.
[16] Ibid. P. 323.
[17] Ibid. P. 319.
[18] Ibid.
[19] Ibid. P. 323.
[20] Ibid. P. 316.
[21] Ibid. P. 322 –323.
[22] Ibid. P. 324.
[23] Ibid. P. 292.
[24] Ibid. P. 294.
[25] Ibid. P. 296.
[26] Ibid. P. 306.
[27] Ibid. P. 315.
[28] ASLSP. V. 6. P. 662.
[29] Записки Одесского Общества истории и древностей. 1863. Т. 5. С. 42.
[30] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 5. С. 200.

А. Г. Еманов

Развитие торговых связей Кафы в XIII—XV веках

Имя города Кафы прочно ассоциируется с тем блестящим периодом развития мировой торговли, когда Черноморский регион в силу благоприятных политических и социально-экономических обстоятельств занял важное место в сообщениях между Востоком и Западом. Творцом славы города, как впрочем и его самого, не без оснований признают итальянцев, в первую очередь генуэзцев, являвшихся наряду с венецианцами одним из наиболее развитых торговых народов средневековья.

Однако связи Кафы с Востоком и Западом не представляли собой всей картины торговых связей, как и торговля итальянцев в Кафе не отражала всего многообразия торгово-экономической деятельности в этом городе. Помимо мировых связей Кафы, связывавших ее со странами всего средиземноморского мира и народами, удаленными вглубь европейского и азиатского континентов, развивались региональные (внутричерноморские) и локальные связи, соотношение между которыми быстро менялось к XV в. в пользу последних. Помимо торговли итальянцев, существовала торговля армян, греков, татар, евреев и других народов Крыма и Черноморья[1], постепенно эмансипировавшаяся и выдвигавшаяся на ведущие позиции по мере ослабления итальянского купеческого капитала.

Положение Кафы в обмене между Востоком и Западом не сводилось только к посреднической роли, как еще недавно утверждалось в литературе[2]. Расширение источниковедческого фонда в связи с широкой публикацией документов итальянских архивов и накоплением данных археологии позволяет видеть в Кафе центр с довольно развитой структурой производства, потреблявшего как восточный, так и западный импорт, и в качестве такового противостоявший и Западу, и Востоку. Кроме того, новейшие публикации массовых источников заставляют говорить не только о реэкспорте из Кафы западной и восточной продукции соответственно на Восток или Запад, но и о дистрибуции в ближайшей периферии и в регионе Черного моря, т. е. функции, которой до сих пор не придавалось значения.

Связи Кафы с Западом обеспечивали поступление текстиля и некоторых других продуктов ремесла, металлов и продукции аграрного производства. В конце XIII—1-й половине XIV в. среди импортировавшегося в Кафу текстиля преобладала продукция сукнодельческих центров Фландрии и Франции. Как свидетельствует анонимная

[1]/2 2. Зак. 110

«Пратика делла меркатура» начала XIV в., на кафский рынок поступали сукна Шампани, Шалон-сюр-Марн, Лангедока, Тулузы, Перпиньяна, Тури[3]. Согласно итальянским нотариальным актам 1289—1290, 1343—1345 гг., в Кафу и Крым ввозились ткани Витри-ле Франсуа, Реймса, Ипра, Поперинге[4]. В одном из кафских актов 1371 г. упоминались текстильные изделия из Гента[5]. Немалое значение имели также ткани итальянского производства. В частности, устойчивой статьей импорта в Кафу были ткани из конопли и льна[6], производившиеся в предместьях Генуи, в Савоне, Асколли, Фермо, Витербо[7]. Столь же стабильной статьей импорта были ткани из хлопка, происходившие в основном из Генуи и Перуджи[8]. Из шерстяных тканей акты Кафы конца XIII в. называли ломбардские сукна[9], производившиеся в Милане и, возможно, в Комо, Мануте и Вероне[10]. Кроме того, импортировались сукна Пьяченцы и Бергамо[11]; в отдельных документах Кафы 1382 г. упоминались флорентийское кружево с золотым шитьем, длиннополая рубаха (гонна) миланского производства[12]. Во 2-й половине XIV в. итальянские сукна, прежде всего Милана и Флоренции, занимают ведущее положение в импорте текстиля на кафский рынок[13]. В последующие годы, особенно в XV в., усиливается ввоз сукон из Германии и Англии, что отчасти обусловлено налаживанием континентальных связей Кафы в этот период[14].

Среди прочих продуктов западноевропейского ремесла, ввозившихся в Кафу, следует назвать оружие, бумагу, стекло, мыло[15]. Из металлов наибольшее значение в кафском импорте имели золото, серебро, железо, олово, медь и ртуть[16], происходившие преимущественно из рудников Мареммы в Северной Италии, из Сардинии и Испании[17]. Что касается ввоза продуктов аграрного хозяйства, то здесь прежде всего необходимо иметь в виду вино и масло, производством которых славились районы Южной Италии — Апулия, Калабрия, Сицилия[18]. Среди импортируемых в Кафу вин акты итальянских нотариев называли неаполитанское, миланское, греческое, марсельское, провансальское, рагузанское, Турпии и Котрона[19]. В одном из актов 1290 г. фигурировали известия о поставках в Кафу сушеных фиг из Вентимильо[20]. Наконец, устойчивой статьей импорта из Италии являлся шафран, лучшим сортом которого считался тосканский.

Только отчасти вся эта продукция становилась объектом реэкспорта на Восток. Можно указать лишь на единичные факты вывоза крупных партий текстиля в Сарай, Савасто и вообще в Турцию[21]. Так, в 1290 г. генуэзец Бабиллано ди Негри отправился из Кафы в Турцию с шампанским сукном, стоимостью 638 лир. Тогда же медик Джульельмо заключил два контракта на приобретение в кредит шампанских, шалонских, ипрских и поперингских сукон, общей стоимостью 2882 лиры, которые он обязался доставить для продажи в Савасто.

В гораздо большей степени западный импорт распределялся из

Кафы в пределах Газарии и Черного моря. Так например, в Тану отправлялись ломбардское сукно, ткани Витри, хлопчатое полотно, рубахи, белье[22]. В Копу (Славянск-на-Кубани) везли одежду[23]; в Севастополь (Сухуми) — плащи, сукно; в Трапезунд — шалонские ткани, сукно[24]. Согласно актам 1343 г., реализации в Газарии подлежали шампанские, реймские, бергамские и пьяченские ткани[25]. Распространение западного текстиля в Дешт-и-Кыпчаке отражает комано-латинско-персидский словарь (Кодикус Куманикус), составленный в начале XIV в. В нем встречаются названия тканей Ломбардии, Реймса, Бергамо, Германии, хорошо известные нам по нотариальным актам Кафы, и кроме того — Новары, Кремоны, Асти, Остуни, Фабиано, Орлеана[26]. С дистрибутивной функцией Кафы связано распространение североитальянских и французских материй в Крыму, на Кавказе и в Поволжье, известное по археологическим исследованиям[27]. В Крыму и Причерноморье распределялась итальянская майолика, стекло и оружие[28], поступавшие в значительной мере через Кафу. Известно, что кафиоты отправляли слитковое серебро в Солхат, Карасу (Белогорск), Чембало[29]; серебро, нередко с клеймом цекки Генуи, отправлялось также из Кафы в Трапезунд, Симиссо, Синоп и другие пункты Черноморья[30]. Итальянская бумага попадала через Кафу в Солхат[31]. Продукция западноевропейских виноделов вообще не подлежала дальнему реэкспорту. Она реализовывалась в Солхате, Тане, Матреге (Тамань), Воспоро (Керчь)[32].

Помимо реэкспорта и дистрибуции в Черноморском регионе, часть западноевропейской продукции поступала на внутренний рынок Кафы, в том числе в сферу производственного потребления. Так, текстиль, несомненно, должен был использоваться местными портными, широко известными по документам Кафы, для изготовления одежд. Этим же ремеслом занимались magistri vestium[33]. В связи с этим уместно указать на бытование в Кафе традиционной местной одежды **comanesca,** сшитой из импортных материй[34]. Металлы использовались в развитии местных железоделательных ремесел, функционирование которых в Кафе засвидетельствовано археологически[35]. Золото и серебро могли использоваться в ювелирном деле, равно как и ртуть, применявшаяся в операциях золочения. Этим ремеслом занимались fabri aurifici, упоминавшиеся в кафских актах[36]. Несомненным является то, что часть серебра потреблялась в монетном деле Кафы[37]. Кроме того, металлы могли использоваться для изготовления огнеупорных красок в стеклодувном и керамическом ремеслах, довольно развитых в Кафе[38].

Связи Кафы с Востоком обеспечивали поступление левантийских материй, шелка-сырца, хлопка, специй, благовоний и драгоценных камней. Из материй акты Кафы называли назик[39] — шелковую ткань с золоченой нитью, которую выделывали в Китае и Багдаде[40], муслин — тонкую ткань из шелка, происходившую из Мосула[41],

бокаран — блестящую шелковистую ткань, производившуюся в Индии и Эрзинджане[42]. Из текстильных изделий упоминались ковры и плащ из Зайтона (Цюаньчжоу)[43]. В отношении шелка-сырца следует отметить, что в конце XIII в. большое значение имел вывоз китайского шелка (catuya), хорезмийского (carusmisna), согдианского (merdacaxia), в названии которого отразилась латинизированная топонимия Мервского оазиса[44]. Позднее, большее значение в импорте шелка должны были приобрести шелководческие области Кавказа и Ирана. В частности, в итальянских актах находили упоминание шелка Мазендерана (manzadiana), Карабага (cannauria), Горгана (goroiana), Шеки (sechexia), Шемахии (samacha), Лазистана (leggia), Гиляна (guielia), Грузии (jurea)[45]. Гилянское происхождение, по-видимому, имеет и шелк, обозначенный нотарием как seta carnia по характерному красному цвету, присущему шелкам Гиляна[46]. Среди специй итальянские источники называли перец, гвоздику, корицу, имбирь, мускат, бразильское дерево, индиго, маренну[47]. Перец был, в основном, из Гуджарата, Малабара, Явы[48], гвоздика — с островов Индийского океана: Молуккских, Явы и Цейлона[49], корица — с Малабарского побережья Индостана и из Южного Китая[50], имбирь собирался в Восточной Индии и Юго-Западном Китае[51], мускат и бразильское дерево — в Западной Индии[52], индиго — в Куилоне и Гуджарате[53], маренна — в Малой Азии и Иране[54]. Из благовоний чаще всего упоминался ладан, происходивший из Тавриза и Багдада[55]. Из драгоценных камней особое значение имел жемчуг, собиравшийся в то время в китайских областях Гаинду, Фучжоу, Цюанчжоу, на Коромандельском и Малабарском побережьях Индии и Цейлоне[56]. Кроме того, в кафских актах упоминались алмаз, рубин, сапфир, бирюза, оникс, кошачий глаз[57]. Месторождения алмазов в средние века разрабатывались в индийских областях Райчур и Кулур, рубин и сапфир добывались в Бадахшане, бирюза — в Кермане[58]. На связи с Индией и Китаем способно указать также упоминание в документах Кафы об индийских рабах и рабах с Дальнего Востока[59]. Следует учесть, что импорт с Востока в конце XIII—1-й половине XIV в. поступал в основном через Тану и Трапезунд, отчасти Солхат. В последующий период импорт восточной продукции осуществлялся через порты Кавказского и Анатолийского побережий Черного моря.

Часть восточного импорта, прежде всего шелковое и хлопковое сырье, реэкспортировалось из Кафы на Запад. Реэкспорту в Италию подлежал жемчуг, упомянутый в одном из актов Кафы 1381 г.[60] Отправляли в Константинополь, а через него, по-видимому, в Италию: перец, бразильское дерево и туцию, фигурировавшие в бухгалтерской книге Бадоэра[61]. В конце XIV — начале XV в. в Италию вывозились шелк-сырец, имбирь, индиго, ревень, произраставший в то время в Китае[62]. Особенно важно то, что с конца XIV в. реэкспорт

восточной продукции из Кафы налаживается не через посредничество итальянской транссредиземноморской торговли, а через посредничество народов Юго-Восточной и Центральной Европы.

Однако Кафа не только участвовала в реэкспорте восточной продукции на Запад, но осуществляла ее дистрибуцию в Крыму и в Черноморском регионе. Этот факт до сих пор находился вне поля зрения исследователей. Так, подавляющая часть мосульских тканей, упомянутых в кафских актах 1289—1290 гг. была отправлена отнюдь не в западном направлении, а в Тану[63]. В тот же порт были отправлены и некоторые специи, как например цератоний, произраставший в странах Восточного Средиземноморья[64]. Почти весь бокаран, упомянутый в актах конца XIII в., также был послан в Тану и Копу[65]. Только до Константинополя направлен фигурировавший в тех же документах ладан[66]. Массарии Кафы конца XIV — начала XV в. столь же отчетливо свидетельствуют о дистрибуции восточного импорта в Крыму и Причерноморье. В частности, в Солхат посылали кремозин, алую шелковую ткань, выделывавшуюся в Багдаде, приправы, ароматические специи[67], в Копу вывозились различные тонкие специи[68], в Орду — рис, плоды кассия, прочие специи[69]. Согласно одному из кафских актов 1381 г., в Тану были вывезены жемчуг, индиго, перец, имбирь, кошениальная краска[70]. С дистрибутивной функцией Кафы связано распространение среднеазиатского селадона и малоазийской керамики поблизости от Феодосии, в Крыму и даже в Белгороде-Днестровском, засвидетельствованное археологически[71].

Наконец, часть восточной продукции находила сбыт непосредственно в Кафе. С внутригородским потреблением, вероятно, связано прибытие в Кафу из Тавриза небольшой партии перца в конце XIII в.[72] Местный спрос отражает упоминание жемчуга и других драгоценных камней в завещаниях и описях имуществ кафских жителей[73]. Об этом же говорит и реализация в Кафе небольших партий шелка, хлопка, перца, гвоздики, мускатного ореха, бразильского дерева во 2-й половине XIV в.[74]

В настоящее время можно поставить вопрос о производственном потреблении некоторой части восточного импорта в кафском ремесле. Шелк-сырец мог использоваться в местном шелкоткачестве, которое, судя по всему, существовало в Кафе. Как свидетельствует Джованни Галонифонтский, посещавший Кафу в начале XV в., в этом городе действовали прославленные мастера по выделке шелка[75]. В связи с этим возможна новая интерпретация происхождения «кафимских» шелковых материй*. Парчовые ткани Кафы упоминаются в итальянских нотариальных актах Рагузы и Генуи[77], что говорит о высоком экспортном значении этой ремесленной продукции.

---

* Определение «кафимский» рассматривается как указание на пункт реэкспорта[76].

Помимо шелка, производственное потребление могли находить ценные восточные минералы. В этом смысле небезынтересно сопоставить факты деятельности в Кафе ювелиров с широким распространением ювелирных изделий с импортными камнями — обычным украшением кафских женщин. Они, судя по их низкой стоимости, могут считаться предметами местного производства[78]. По-видимому, местное происхождение имел и неоднократно упоминавшийся в позднесредневековых русских источниках «кафимский» жемчуг[79].

Таким образом, Кафа XIII—XV вв. занимала в обмене между Востоком и Западом особое, еще не до конца выясненное место, как центр с собственной структурой спроса и предложения, тесно связанный с ближайшей периферией и Черноморским регионом.

Литература

[1] О торговле армян в Кафе см.: Микаелян В. А. На крымской земле: История армянских поселений в Крыму. Ереван, 1974; Хачикян Л. С. «Гости-сурожане» в русских летописях и сказаниях о Мамаевом побоище//Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982; С. 333 -358; О торговле прочих народов Черноморья в Кафе см.: Карпов С. П. Трапезундское купечество в черноморской торговле конца XIII—1-й пол. XV вв.//BB. Sofia, 1981. T. 7. P. 239—245; Musso G. Gli orintali nei notai genovesi di Caffa//Archivie e cultura. Roma, 1973. N 7. P. 97 110; Jacoby D. Les quartiers juifs de Constantinople à l'époque byzantine//Société et démographie à Byzanze et en Romanie latine. L., 1975. P. 215—216.

[2] Ср.: Malovist M. Kaffa — kolonia genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453—1475. Warsz., 1947; Bratianu G. la mer Noire: Des origines à la conquête ottomane. Monachii, 1969.

[3] Bautier R. H. Les relations économiques des occidentaux avec les pays d'Orient au moyen âge//Actes du 8-e Colloque intern. d'histoire maritime. P., 1970. P. 311 -316.

[4] Bautier R. H. Op. cit. N 2; Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto (1289—1290)/Ed. M. Balard. P., 1973 (Далее: ALS). N 87, 191, 262, 543, 619, 631, 684, 687, 688, 899; Les relations commerciales entre Gênes, la Belgique et l'Outremont d'aprés les Archives notariales génoises aux XIII-e et XIV-e siecles/Ed. R. Doehaerd. — Brux.; Rome. 1941. V. 3. N 1481, 1533; L. Liagre de Sturler — Brux.; Rome; 1969. V. I. N 124, 125, 144, 145; Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV)/ A cura di G. Balbi, S. Raiteri. Genova, 1973. N 15.

[5] Balletto L. Genova. Mediterranco. Mar Nero (secc. XIII—XIV). Genova, 1976. P. 226.

[6] Bautier R H. Op. cit. P. 314—315.

[7] La pratica della mercatura di F. B. Pegolotti/Ed. by A. Evans. Cambridge Mass., 1936. P. 51, 160; (Далее: Pegolotti) La pratica della mercatura scritta da G. A. di Uzzano nel 1442//Pagnini del Ventura G. Della Decima e delle altre gravezze imposte dal commune di Firenze. Lisbon; Lucca. 1766. V. 4. P. 180 -184 (далее: uzzano).

[8] Ibid., P. 180.

[9] ALS, N 237, 669, 834.

[10] Uzzano. Op. cit. P. 195.

[11] Liagre de Sturler L. Op. cit. N 146.

[12] Airaldi G Studi e documenti su Genova e l' Oltremare. Genova. 1974. N 25, 35.

[13] Jorga N. Registres de comptes de la colonie génoise de Caffa//Revue de l'Orient Latin. P., 1896. V. 4. P. 27—63.

[14] Ibid. P. 52; Codice diplomatico delle colonie Tauro — Liguri/A cura di A. Vigna// ASLSP. 1868—1870. V. 6. N 136; Thiriet F. Régestes des déliberations du sénat de Venise concernant la Romanie. P., 1961. V. 3. N 2349.
[15] Bautier R. H. Op. cit. N 2 (оружие); Airaldi G. Op. cit. N 25 (spata latina); Balleto L. Op. cit. P. 220 (carta pro scribendo), 247 (оружие), 286 289 (libri); Balard M. La Romanie génoise (XII-e — début du XV-e siècle). Rome, 1978. P. 397, 441, 442, 841 (оружие); El libro dei conti di G. Badoer/Ed. U. Dorini, T. Bertelè Roma, 1956. P. 492, 616 (бумага); El libro di mercatantie et usanze de'paesi/A cura di F. Borlandi. Torino, 1936. P. 60 (carta); Lopez R. Nuove luci sugli italiani in Estremo Oriente primo di Colombo//Su e giù per la storia di Genova. Genova, 1975. P. 89 (стекло); Belgrano L. Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera//ASLSP. 1877—1884. V. 13. P. 200 sq (мыло).
[16] Bautier R. H. Op. cit. P. 314—315.
[17] Lopez R. Su e giù per la storia di Genova. P. 189—202.
[18] Pegolotti F. Op. cit. P. 39, 164.
[19] ALS. N 1, 18, 254, 293, 299, 880, 883; Balard M. La Romanie génoise. P. 843; Jorga N. Op. cit. P. 39, 60; Krekić B. Dubrovnik (Raguse) et le Levant au moyen âge. P., 1961. N 357.
[20] ALS. N 534.
[21] Ibid. N 460, 543, 687, 688.
[22] Ibid. N 218, 448, 449, 460, 611, 759, 834, 852, 870, 899.
[23] Ibid. N 525.
[24] Ibid. N 2, 87, 175, 191.
[25] Liagre de Sturler L. Op. cit. N 124, 125, 144 -146.
[26] Codex Cumanicus/Ed. K. Gronbech. Kopenhagen, 1936. Fol. 47 rv.
[27] Государственный Эрмитаж, экспозиция «Золотая Орда и Северный Кавказ», № 11, 13; «Северное Причерноморье и левантийская торговля в **XIII XV** вв.», № 10; «Белореченский могильник», № 1—4; Шарапова Э. М. Торговые связи Золотой Орды в **XIV—XV** вв.//Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1975. Вып. 3. С. 70 -80.
[28] Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, 1901, д. 282, л. 5—15; ф. 2, оп. 1, 1927, д. 198, л. 6; 1929, д. 113, л. 25—26, 28; 1929, д. 211, л. 59; Государственный Эрмитаж, экспозиция «Северное Причерноморье и левантийская торговля в XIII—XV вв.», № 5—9, 11; экспозиция музеев в Феодосии, Судаке, Херсонесе, Азове.
[29] Bautier R. H. Op. cit. N 2.
[30] ALS. N 60, 171, 173—177, 221, 632, 652.
[31] Borlandi F. Op. cit. P. 59.
[32] ALS. N 18, 390, 393.
[33] Codice diplomatico. V. 7. Parte 2. P. 544.
[34] **Balletto L. Op. cit. P. 215**—217, 226.
[35] Петерс Б. Г., Айбабин А. И., Айбабина Е. А. и др. Феодосийская экспедиция//Археологические открытия 1976. М., 1977. С. 353—354.
[36] Codice diplomatico. V. 7. Parte 1. P. 362.
[37] Lunardi G. Le monete delle colonie genovesi. Genova, 1980.
[38] Крамаровский М. Г. Крымская Ривьера и Северный Кавказ в XIII—XV вв.// Душетская научная конференция. Тбилиси, 1984. С. 123—126; Balletto L. Op. cit. P. 275—277.
[39] ALS. N 95.
[40] Polo M. il M. Milione. Torino, 1982. P. 27.
[41] ALS. N 448, 768, 802, 851, 857, 874, 898.
[42] Ibid. N 65, 414, 442, 467, 470, 471, 524, 554.
[43] Ibid. N 47; Balletto L. Op. cit. P. 226.
[44] ALS. N 118, 148, 151, 152; Racine P. Le marché génois de la soie// Revue des études sud-est européennes. 1970. An. 8. N 3. P. 403 sq.
[45] Bautier R. H. Op. cit. P. 291.
[46] ALS, N 148.

[47] Borlandi F. Op. cit. P. 59—65.
[48] Книга Марко Поло//Изд. И. П. Минаев. М., 1955. § 163, 171, 180, 182 –184.
[49] Там же, § 163, 171.
[50] Там же, § 183.
[51] Там же, § 110, 113, 117, 126, 145, 182, 183, 184.
[52] Там же, § 180, 184, 186.
[53] Там же.
[54] Borlandi F. Op. cit. P. 199.
[55] Книга Марко Поло, § 194; **Pegolotti F. Op. cit. P. 370.**
[56] Книга Марко Поло, § 11, 146, 174, 177.
[57] Balletto L. Op. cit. P. 228—232; Airaldi G. Op. cit. N 22, 35.
[58] Книга Марко Поло, § 35, 47, 173, 175.
[59] ALS, N 388.
[60] Airaldi G. Op. cit. N 7.
[61] Badoer G. Op. cit. P. 616, 721.
[62] После Марко Поло. М., 1968. С. 155.
[63] ALS, N 448, 802, 851, 856, 857, 898.
[64] ALS, N 399, 403.
[65] Ibid., N 65, 414, 442, 467, 470, 471, 524, 554.
[66] Ibid.., N 22.
[67] Jorga N. Op. cit. P. 41, 42.
[68] Ibid. P. 39.
[69] Ibid. P. 36, 45.
[70] Airaldi G. Op. cit. N 7.
[71] Айбабин А. И. Работы на территории средневековой Кафы//Археологические открытия 1972. М., 1973. С. 251; Клейман И. Б., Кравченко А. А. Исследования Белгород-Тирской экспедиции//Археологические открытия 1977. М., 1978. С. 329—331; Они же. Исследование эллинистической Тиры и средневекового Белгорода//Археологические открытия 1978. М., 1979. С. 336—337.
[72] Balard M. La Romanie génoise. P. 720. N 11.
[73] Balletto L. Op. cit. P. 228, 331; Airaldi G. Op. cit. N 22, 35.
[74] Airaldi G. Op. cit. N 44; Balard M. La Romanie genoise. P. 155, 723; Heers J. il commercio nel Mediterraneo alla fine del sec. XIV-e nei primi anni del XV// Archivio storico italiano. Firenze, 1955. T. 115. N 2. P. 169, 185—189; Pistarino G. Le fonti genovesi per la storia del mar Nero//BB. 1981. VII. P. 62.
[75] Де Галонифонтибус И. Из сочинения «Книга познания мира». Баку. 1980. С. 14.
[76] Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.; Л., 1935. С. 53; Beldiceanu N. Les actes des premiers sultans. P., 1960. P. 117.
[77] Krekić B. Op. cit., N 427; Belgrano L. Op. cit. N 156.
[78] Balletto L. Op. cit. P. 228—232; Airaldi G. Op. cit. N 22, 35.
[79] Саввaитов П. Описание старинных русских утварей. Спб., 1896. С. 16, 35, 38, 126, 179.

А. А. Иванов

Надписи из Эски-юрта

Осенью 1924 г. археологическая экспедиция под руководством А. С. Башкирова и У. А. Боданинского обследовала предместье города Бахчисарая того времени — Эски-юрт. Результаты работы были описаны в краткой статье руководителей экспедиции, опубликован-

ной в 1925 г.[1] Она — единственный документ о работе экспедиции, поскольку других материалов (отчетов, дневников, чертежей, фотографий) почти не сохранилось. В Бахчисарайском историко-археологическом музее есть только несколько прорисовок надписей на могильных камнях и там же хранятся могильные камни, вывезенные из этого городища.

Шестнадцать из этих камней хранится на ханском кладбище в музее, один находится в экспозиции (в лапидарии), а остальные — в хранилище. Сколько было зафиксировано камней на Эски-юрте остается неясным, хотя в статье есть ссылки на опись, которая не сохранилась. Последний номер описи — 17, но есть и камень под номером 6 а. Таким образом, непонятно, сколько камней могло быть в этой описи[2]. В инвентарную книгу музея в октябре 1924 г. было вписано 25 могильных камней (или саркофагов — так они именуются) под номерами 2449—2473. Записи эти очень кратки, без описания индивидуальных признаков и указания размеров. В редких случаях приведены имена покойных и даты. Из-за этого удается отождествить с опубликованными только 9 камней из 25 (на самих камнях никаких инвентарных номеров нет).

Сейчас в музее хранится 23 камня. Два из них, воспроизводившихся в статье А. С. Башкирова и У. А. Боданинского, разыскать не удалось[3], также как и двух частей одного надгробия, о котором будет сказано позже. Один могильный камень с арабской надписью был вывезен в 20-е гг. из Эски-юрта в Чуфут-кале и судьба его неизвестна[4].

Описание формы могильных памятников было в статье А. С. Башкирова и У. А. Боданинского[5]. Два первых типа этих памятников надписей не имели и поэтому их датировка затруднительна. Надписями украшены памятники наиболее распространенного — третьего типа. Они представляют собой вырубленные из монолитного известняка сундукообразные саркофаги на платформе с двускатным верхом и, так называемыми, «рогатыми» выступами. Из 23 сохранившихся памятников 20 имеют именно такую форму, хотя не все они с надписями и орнаментами. Один из несохранившихся могильных камней[6] тоже имел такую форму. Подобные могильные камни находились не только в Эски-юрте, но и на кладбище Газы-Мансур у подножия Чуфут-кале. Я его сам видел в 60-х гг., теперь он разбит[7].

Судя по находкам в Старом Крыму, такой тип могильных памятников был известен уже в конце XIII в. Сохранился фрагмент такого надгробия с датой 690 г. х.=1291 г.[8] Форма их, возможно, возникает под влиянием форм могильных памятников Малой Азии (Анатолии). Пока опубликовано мало могильных памятников эпохи Румского (Сельджукского) султаната, чтобы судить об этом с полной определенностью, но деревянные саркофаги XIII—XIV вв. такого типа на территории Малой Азии сохранились[9].

В свое время А. С. Башкиров правильно отметил влияние архитектурных форм Малой Азии на формирование и отделку выступов («рогов») на могильных камнях Эски-юрта: они повторяют форму башенных мавзолеев (также выполнены и деревянные саркофаги Малой Азии). Среди сохранившихся камней из Эски-юрта 3 имеют форму саркофагов с двускатным верхом, но без выступов на концах (такие надгробия тоже встречаются в Старом Крыму). И последний из интересующих нас камней был изготовлен из круглой мраморной колонны с крестом на одной стороне, а на другой была арабская надпись с именем покойного и датой 770 г. х. (или 777 г. х.)=1368—1369 (или 1375—1376 г.)[10]. Этот памятник пока не удалось разыскать.

Перейдем к анализу самих надписей на камнях. Почерк их — «сульс» или «насх» без каких-либо элементов «куфи». Надо отметить, что из 23 сохранившихся памятников на 3 надписей нет. Таким образом, придется иметь дело только с надписями на 20 камнях, прибавляя к ним надпись на колонне с крестом[11], прорисованные надписи на двух недошедших до нас камнях (листы хранятся в Бахчисарайском музее) и надпись на камне, привезенном из Эски-юрта в Чуфут-кале[12].

Из дошедших до нас 23 памятников точные даты кончины покойных имеют 12 — от месяца Джумада II 716 г. х.=21.8—18.9. 1316 г. и до 812 г. х.=1409—1410 г. К ним следует добавить дату на колонне с крестом — 770 (или 777) г. х.=1368—1369 (1375—1376) г. (колонна пока не найдена) и прорисовку надписи на торце какого-то могильного камня с датой месяц Джумад I812 г. х.= 11.9—10.10. 1409 г. Кроме того, в старом инвентаре музея под номерами 2469 и 2473 упоминаются два саркофага с датами 821 г. х.= 1418—1419 гг. Эти последние не сохранились, а даты были самые поздние на интересующих нас памятниках. Всего тогда у нас получается 16 точно датированных камней.

Самый древний из памятников принадлежит некой Шах-хатун: «Хаза ар-рауза ал-мархума ал-магфура ас-са' йда аш-шахида Шаххатун бинт Махмуд ал-Кирими... рахмат Аллах та' ала...» — «Это гробница покойной, прощенной, счастливой, мученицы за веру Шаххатун, дочери Махмуда ал-Кирими, милость Аллаха всевышнего (над нею?)...» Кроме того, на нем есть арабская надпись: «Сказал пророк, мир над ним;» «Верующие не умирают, но переходят из мира тленного в мир вечный». В конце стоит дата — в месяце Джумада II 716 г. х. =21.8—18.9.1316 г. Это надгробие загадочное: оно сделано из мрамора и стоит на плите из другого камня. Но самое главное — чтение надписей на нем было опубликовано еще в 1849 г.! [13] Отсюда возникает сомнение: а из Эски-юрта ли это надгробие? В инвентаре музея 20-х гг. оно, вроде бы, не записано, но, как я упоминал, далеко не все вписанные в инвентарь саркофаги удается отождествить. Сей-

час это надгробие стоит вместе с группой эски-юртовских памятников на ханском кладбище. Но в 1920-е гг. в Бахчисарае было наводнение, когда многое во дворце было перепутано, и землетрясение в Крыму тоже было в этот период. Поэтому нет твердой уверенности в происхождении этого камня с городища Эски-юрта, да и форма его отличается от других своими прямыми очертаниями — без выступов по краям.

Следующим по времени памятником была исчезнувшая колонна с крестом, на другой стороне которой написан арабский текст — «это могила мученика за веру, прощенного Хаджи-бека, сына Хасана Кирими, год 770 (или 777)»=1368—1369 (1375—1376) г.[14] Дату уточнить не удается. Далее идет саркофаг с надписями на торцах: «... покойный господин наш Ахмад ибн Махмуд ал-... год 793, да помилует его Аллах». Его дата 793 г. х.=1390—1391 г. Начало и конец надписи с именем покойного пока не понятны. В конце явно должна стоять нисба, но А. С. Башкиров и У. А. Боданинский предлагали чтение этого места как «... ал-Балигый ибн Хусейн»[15], но в надписи явно нет слов «ибн Хусейн», а остается непонятная нисба.

Еще один могильный камень относится к XIV столетию, хотя дошел он до нас в неполном виде: в 20-е гг. у него были вертикальные стелы из мрамора на торцах, где были помещены имя покойной некой Хасене-хатун, дочери имама Анис ад-дина ас-Семаи и дата 770 г. х.=1369 г. Это чтение имени и даты приведены по статье авторов раскопок[16]. Памятник состоит из известнякового основания с геометрическим и растительным орнаментом и мраморного надгробия, украшенного надписями. На концах основания сохранились остатки пазов для установки стел.

К счастью, в Бахчисарайском музее сохранился лист, на котором имеются прорисовки надписей на этом памятнике, сделанные, видимо, во время работы экспедиции. Дата на одном из торцов читается совсем иначе: «В месяце Джумада I года... 99». Слова, обозначающего сотни, здесь нет. Конечно, в статье А. С. Башкирова и У. А. Боданинского дата 770 г. х. приведена с вопросом, цифры «семь» и «девять» (также как «семьдесят» и «девяносто») пишут по-арабски словами графически очень близко. Но в данном случае в слове, обозначающем единицы, первая подставка (буква) выше следующих, что заставляет полагать, что тут «девять» а не «семь». В слове, обозначающем десятки, в начале сверху стоят две точки, что позволяет думать, что тут, скорее, «девяносто», а не «семьдесят», хотя это числительное вырезано не очень четко. Таким образом, наиболее вероятной мне представляется дата — месяц Джумада I [7] 99 г. х.=31.1—1.3.1397.

На верхних скатах сохранившегося мраморного надгробия идет арабская надпись: «Сказал пророк, да приветствует Аллах его и род его...»; «Смерть — чаша и все люди пьют из нее» и «Могила —

врата и все люди войдут [в] нее...» (конец не понятен). А на боковых его гранях находится еще одна надпись, сделанная на персидском языке. Она поставила в тупик членов экспедиции 1924 г., так как на упомянутом выше листе приведены чтения арабских надписей, но нет никаких попыток чтения персидской. Персидский язык был фактом совершенно неожиданным, так как это первая пространная персидская надпись на камне в Крыму.

Однако полностью прочитать эту надпись не удается. Понятно только начало: «Рузи ки бар гозари бар сар-и хак-и бихишт...» — «День, когда ты взойдешь на землю рая...» Вероятно, это стихи, так как стихотворные персидские надписи часто встречаются на могильных камнях на разных территориях: Анатолия, Закавказье, Иран, Средняя Азия, но стихотворный размер не принадлежит к классическим.

Даты этих памятников написаны по-арабски, а на 10 других могильных камнях начала XV в. только две даты написаны по-арабски, остальные — по-тюркски.

На камне, стоящем в лапидарии, надписи были на верхних гранях[17]. Они сильно разрушены и сейчас удается разобрать только: «ат-тарих сикиз йуз...» — «... дата 800 ...», т. е. камень был сделан не ранее 800 г. х.=1397—1398 гг., а, точнее, где-то в начале XV в. Такая же дата читается на сильно поврежденных верхних гранях одного из саркофагов на ханском кладбище, но здесь еще видно и название месяца: «ат-тарих... шахр сафар сана сикиз йуз...» — «Дата... месяц сафар года восемьсот...». Однако на боковых гранях этого камня находится вторая персидская стихотворная надпись. Об этом говорят редиф и рифма, но вот размер, а вместе с тем и полное чтение пока не удается установить. Во всяком случае, это вторая пространная персидская надпись на камне в Крыму. Сейчас можно понять смысл второго полустишия (мисра'): «Аз на-и у офтадам хун шод джагар-и ман» — «Я упал [без чувств] от [звука] ее флейты — окровавилась моя душа» (букв. «печень»).

Следующей по времени идет надпись на могильном камне, находящимся в кладовой (она арабская полностью)[18]: «Хаза ар-роуза ал-мархума Сайф ад-дин ибн Гази ва кана залак фи-т-тарих сана тиса'ва саманмиа» — «Эта могила покойного Сайф ад-дина ибн Гази и это было в дату года 809». Дата 809 г. х.=1406—1407 г.

Далее следует камень, стоящий на кладбище: «Сахиб хаза арроуза Тарлы (?) худжа ибн Хусни, фи шахр раби ал-аввал тарих сикиз йуз оун» — «Владелец этой могилы Тарлы (или Назлы?) худжа, сын Хусни, в месяце Раби I 810» (810 г. х.=8.7—5.8 1407 г.). В этой надписи пока не понятно собственное имя покойного и вторая часть его имени, которая в статье А. С. Башкирова и У. А. Боданинского была прочитана как «Джудже» и добавлялось: «Надписи на надгробиях по описи № 5 и № 6 одним общим им собственным

именем связывают нас с именем сына Чингиз-хана и отцом Батыя Джудже»[19]. Думаю, что вряд ли здесь есть связь с именем Джучи, а мы имеем дело со стяженной формой (написанным без «алифа») словом «ходжа» — «господин».

Два других саркофага были сделаны не ранее 810 г. х.=1407—1408 гг., так как надписи на них сильно повреждены и уверенно читаются только начала дат и остается еще место для единиц: «ат-тарих сикиз йуз оун...». На одном из них прослеживается начало арабской надписи: «Сказал пророк, мир над ним»; «Смерть — чаша...».

Четыре могильных камня были сделаны в 812 г. х.=1409—1410 г. На первом из них надписи на торцах: «... ал-мархум Йахши (?) бек ибн Хизр-ходжа, ат-тарих фи шахр джомади ула сикиз йуз оун ики» — «... покойный Йахши-бек ибн Хизр-ходжа, дата в месяц Джумад I 812 г. х.». Здесь не совсем понятно собственное имя.

На втором из них арабские надписи были на верхних скатах и сильно повреждены: «... ал-мавт... садака расул Аллах. Хаза роуза (?) ал-мар... ал-мархум аш-шахид ас-са' ид Мухаммад Кирими... ... ат-тарих шахр раби (?) ал-аввал сана асна ашара...» — «... смерть ... сказал посланник Аллах. Эта могила... покойного, мученика за веру, счастливого Мухаммада Кирими... дата в месяц Раби I года [8] 12». (812 г. х.=14.7 — 12.8.1409 г.). Слово, обозначающее сотни, разрушено и я восстанавливаю его как «восемьсот».

На третьем камне надписи расположены на торцах и сильно повреждены: «Хаза ар-роуза... тарих фи... [й] уз оун йаки» — «Эта могила ... дата в... двенадцать». Очевидно, здесь дата 812 г. х. Кроме того, в музее сохранилась прорисовка надписи на торце какого-то могильного камня, который пока не удалось разыскать: «... шахр джумад ал-у[ла] сикиз йуз оун ики» — «... месяц Джумад I 812» (812 г. х=11.9—10.10.1409 г.).

Последний из осмотренных мною могильных камней датирован 816 г. х.=1413—1414 гг. Надписи на нем располагались на скатах и сейчас сильно разрушены: «Хаза ар-роуза ал-мархума (?)... тагаммадху Аллах тарих ... шахр (?)... сикиз йуз алты оун» — «Эта могила покойного (?) ... да осенит его Аллах своим прощением. Дата... месяц (?) ... восемьсот шестнадцать». Не удалось разыскать два могильных камня с датами 821 г. х=1418—1419 гг., которые были записаны в инвентарь музея. Сохранилась прорисовка одной из этих надписей, которая упоминается и в статье А. С. Башкирова и У. А. Боданинского[20]. Это самые поздние даты на памятниках Эски-юрта.

Кроме датированных еще семь саркофагов в музее имеют надписи. По своей форме и орнаментам они аналогичны рассмотренным выше памятникам. На двух из них были даты, которые сейчас уже не удается разобрать, на двух сохранились имена покойных: «Йуки —

эфенди ибн Буз-бур» и «Сузени, дочь хаджи...». На одном камне видны речения: «[Смерть] — чаша и все люди пьют [из] нее» и «Смерть — врата и все люди входят в них», а на другом — отрывок из Корана. На трех остальных памятниках надписи сильно разрушены и связного текста на них не удается разобрать. Таким образом, особо важных исторических данных на них нет.

Какие же выводы следуют из разбора этого, к сожалению, малочисленного и фрагментарного материала? Судя по датам, жизнь на городище Эски-юрта шла достаточно активно с 70-х гг. XIV и до 20-х гг. XV в. Разумеется, здесь жили и раньше, и позже этих дат. Камень с датой 716 г. х.=1316 г. остается непонятным — происхождение его неизвестно, хотя сейчас он стоит среди камней из Эски-юрта.

Всего на 10 камнях удается более или менее полностью разобрать имена покойных. И только в пяти случаях они сопровождаются нисбами: в трех случаях — «Кирими», в четвертом «ас-Семаи» (за точность не ручаюсь, чтение старое) и в пятом — нисба не понятна. Этот вопрос с нисбами важен, ибо тут мог содержаться ответ, как же называлось это городище в XIV—XV вв. Вряд ли его тогда называли «Эски-юрт» — «Старое становище» (или поселение). Можно полагать, что это название более позднее и старым это городище стало считаться по отношению к Бахчисараю, возникшему в начале XVI в. или по отношению к крепости Кырк-Ор, где была ставка крымских ханов в XV в. Вряд ли это место тоже называлось «Крым» (Кирим), наряду с Солхатом — Крымом (позднее Эски-Крым), где было найдено 10 могильных камней с нисбой «ал-Кирими».

Можно полагать, что Эски-юрт был весьма значительным поселением в XIV—XV вв. Ведь кроме могильных памятников здесь сохранились четыре мавзолея и прекрасный каменный мимбар (вероятно, единственный в СССР), что говорит о существовании мечети в свое время. Тот микроскопический план кладбища Кырк-Азизлер, опубликованный в статье А. С. Башкирова и У. А. Боданинского, дает возможность подсчитать, что это кладбище занимало около 16 га. Однако в статье остается неясным, является ли этот план только частью Эски-юрта или нет и где располагалось само поселение, чьи жители были здесь похоронены. Из статьи не ясно также время функционирования его, т. е. использовалось ли это место как кладбище в период существования крымского ханства? Употребление тюркских имен покойных и числительных в датах позволяет говорить о нарастании (или преобладании) тюркского населения в Эски-юрте (в Старом Крыму был найден только один камень с тюркской датой — Раджаб 800 (?) г. х.).

В Эски-юрте во 2-й половине XIV и 1-й четверти XV в. существовала своя хорошо развитая школа обработки камня, о чем свиде-

тельствуют прекрасно выполненные могильные камни и мавзолеи. Художественные связи этой школы были направлены (как и в Старом Крыму) на юг — в Анатолию, хотя здесь в надписях на могильных памятниках мы не находим выходцев из этого региона.

На эти же связи указывают и две персидские надписи на камнях, ибо персидский язык был широко распространен в Анатолии до включения ее в состав Османской империи. Необходимо отметить, что эти две персидские надписи не единственные и не самые ранние образцы персидского языка, зафиксированные в Крыму: знаменитый «Codex Cumanicus» все же был создан где-то здесь[21] во 2-й четверти XIV в. (а в нем имеется «иранская колонка») и в Джумаде II 776 г. х.=7.11—5.12.1374 г. в городе Крым (очевидно, современный Старый Крым) был переписан персидский текст отрывков из евангелий[22]. Все эти факты заставляют более внимательно отнестись к этнической ситуации на Крымском полуострове в XIV в. и искать тут место, где жили носители персидского языка. Но об этом подробнее придется поговорить в другой статье.

Литература

[1] Башкиров А. С., Боданинский У. А. Памятники крымско-татарской старины. Эски-юрт. «Новый Восток». М., 1925. Кн. 8—9. С. 295—311.
[2] Там же. С. 298, 301, 311.
[3] Там же. С. 298, 307. Рис. 4 и 8а.
[4] Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-кале//ИТОИАЭ. Симферополь, 1928. Т. 2 (59). С. 1—15. Рис. 14.
[5] Башкиров А. С., Боданинский У. А. Указ. соч. С. 298.
[6] Там же. Рис. 4.
[7] Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н., Акчокраклы О. А. Чуфут-кале по материалам раскопок 1928—1929 гг.//ИТОИАЭ. Симферополь, 1929. Т. 3 (60). С. 1—20. Рис. 16.
[8] Акчокраклы О. Старо-Крымские надписи (По раскопкам 1928 г.)//ИТОИАЭ. Симферополь, 1929. Т. 3 (60). С. 1—8. Рис. 7.
[9] Oral Z. Le sarcophage et le mausolée d' Ahi Seref-ud-din. «First International Congress of Turkish Art. Ankara, 19—24 October 1959. Communications presented to the Congress.» Ankara, 1961. P. 276—278. Pl. 213.
[10] Башкиров А. С., Боданинский У. А. Указ. соч. С. 307. Рис. 8а.
[11] Там же. С. 307. Рис. 8а.
[12] Ачокраклы О. Новое из истории Чуфут-кале. С. 1—15. Рис. 14.
[13] Бахчисарайские арабские и турецкие надписи. Одесса, 1849. С. 41—42. Надпись № 15.
[14] Башкиров А. С., Боданинский У. А. Указ. соч. С. 307. Рис. 8а.
[15] Там же. С. 308. Рис. 8в.
[16] Там же. С. 306. № 17.
[17] Там же. С. 303. Рис. 6 (на втором плане).
[18] Там же. С. 308. Рис. 8с.
[19] Там же. С. 308.
[20] Там же. С. 308.
[21] Дашкевич Я. Р. Codex Cumanicus — вопросы возникновения//Вопросы языкознания. М., 1985. № 4. С. 82.
[22] Richard Fr. Un lectionnaire persan des Evangiles copié en Crimée en 776 H./1374. «Studia Iranica». Paris, 1981. T. 10. Fasc. 2. P. 225—245.

Д. Г. Мухаметшин

О региональных вариантах булгарских эпиграфических памятников XIII—XIV веков

На рубеже IX—X столетий на территории Средней Волги и Нижней Камы складывается одно из ранних государственных объединений Восточной Европы — Волжско-Камская Булгария, сыгравшее значительную роль в формировании тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. В XIII –XIV вв. оно занимало современную территорию Татарской АССР, западные пределы Башкирской, восточные пределы Чувашской АССР, а с севера и юга его границы доходили до среднего течения реки Вятки и Самарской Луки[1]. На этой территории сосредоточены памятники материальной культуры булгарского народа, в том числе и эпиграфические.

Картографирование выявленных эпиграфических памятников XIII—XIV вв. показывает, что основная их часть расположена на территории Татарской АССР, хотя окраинные памятники выходят за эти пределы. Так, самым северным пунктом расположения булгарских эпитафий является поселок Гурья-Кала Балезинского района Удмуртской АССР, самым южным — поселок Правая Волга Сызранского района Куйбышевской области. На востоке булгарские эпиграфические памятники встречаются в Чишминском районе Башкирии, а на западе около таких селений восточных районов Чувашской АССР, как Байглычево, Байтеряково и Большие Яльчики.

В 92 пунктах выявлено около 400 булгарских намогильных камней. Основная масса (55 пунктов) — расположена в закамской территории Татарской АССР — самой густонаселенной части Волжской Булгарии. В Предволжье обнаружено 20 пунктов с эпиграфическими находками, а на Предкамье — 18 пунктов. Булгарские эпиграфические памятники расположены в основном вокруг крупных городов и феодальных центров Волжской Булгарии золотоордынского периода, таких как Болгары (150 эпитафий), Старое Ромашкино (21), Кирменьчук (14), Большие Атрясы (17) и др. В таких городах и феодальных центрах как Болгары, Тяжбердино, Большие Нырсы, Татарский Толкиш было по два и более кладбищ с надгробиями.

Как известно, Волжская Булгария имеет немногим более 500-летнюю историю, а подавляющее большинство обнаруженных эпиграфических памятников относится к довольно небольшому отрезку времени — началу 80-х гг. XIII — середине XIV в. Выходящие за эти рамки эпитафии немногочисленны: они составляют всего 1,5%

от общего количества плит с надписями. Из них три памятника относится к середине 70-х гг. XIII в., а два — к более позднему периоду — 2-й половине XIV в.

Булгарские эпиграфические памятники имеют четко выделенную форму в виде плоской плиты с определенным каноническим текстом в соответствующей части камня. Размеры плит составляют: толщина 17,5—22 см, ширина 52—62, длина 152—220 см. Камень устанавливается на могиле у изголовья в вертикальном положении лицевой стороной на восток. Все булгарские надгробия с эпитафиями вкапываются в землю на $^1/_4$ или $^1/_5$ часть, которая бывает чистой — без надписи.

Тексты памятников оформляются рельефным или углубленным шрифтом почерками куфи, сульс, насх. Надписи на эпитафиях делаются четкими каллиграфическими буквами, только некоторые из них, отличающиеся своей величиной и пышностью оформления, написаны трудночитаемой арабской вязью. Значительная часть булгарских эпитафий богато орнаментирована. Затейливый орнамент, как правило, украшает верхнюю часть камня и бордюр. На нижней и боковой частях камня рисунок наносится реже. На булгарских памятниках наблюдается три орнаментальных мотива — геометрический, растительный и зооморфный, причем преобладают первые два. Геометрический отличается еще своим разнообразием: это различного характера розетки, прямые и ломаные линии, плетенки и т. д.

По своему внешнему оформлению, языку и шрифту среди булгарских эпиграфических памятников Н. Ф. Калинин впервые выделил два стиля: арабоязычные эпитафии, написанные рельефным сульсом (I стиль) и булгарские памятники, написанные шрифтом куфи (II стиль). Немногочисленные надгробия на «поволжском тюрки» по характеру надписи он относит к I стилю. Из эпитафий Болгарского городища, на основе которых была разработана данная классификация, памятники I стиля представлены массивными надгробиями с высокой техникой исполнения надписи и орнамента, а II стиль — надгробиями меньшего размера и относительно простым оформлением[2].

По мере накопления материала стало видно, что многие эпитафии, особенно из периферийных районов Волжской Булгарии, не укладывались в эти жесткие рамки. Например, в эпитафиях XIII—XIV вв., обнаруженных по рекам Ик и Урень, и которые относятся к I стилю, тексты написаны простым врезанным почерком, характерным для памятников II стиля. В то же время имеются эпитафии II стиля по оформлению и по шрифту, а по языку их следовало бы относить к I стилю (Большие Тарханы). Некоторое своеобразие по оформлению и орнаменту отмечается и для памятников из Кирмени и Аксубаева. Г. В. Юсупов, известный эпитафист, каждый такой случай отметил особо. Проанализировав большое число

памятников, он пришел к выводу об одновременном существовании камней I и II стилей, на которых последовательно отражены сменившие друг друга два языка[3].

Неудачной является классификация эпитафий Ф. Х. Валеева по их художественному оформлению, без учета других сторон — стиля, языка, графики и др. По характеру декорировки он разделяет булгарские памятники на два типа: 1-й тип, характеризующийся определенной массивностью, сравнительно большой шириной и закругленностью углов, и 2-й тип с прямоугольной формой с килевидной или стрельчатой аркой. По своему происхождению 1-й тип он связывал с периферией, а 2-й — с городом Болгаром и некоторыми княжескими резиденциями[4].

В настоящее время, благодаря сплошному археологическому исследованию территории Татарской АССР и соседних республик, выявлено значительное количество новых памятников[5], расположенных на обширной территории. Это позволяет ставить вопрос о новой классификации. В основу ее должен быть положен региональный принцип, а типологический и языковой должны занять подчиненное положение. Хронологический принцип, лежащий в основе классификации булгаро-татарских эпиграфических памятников вообще, должен быть соблюден при рассмотрении памятников внутри регионов. В частности, внутри Болгарского округа памятники XIII в. и эпитафии XIV в. рассматриваются отдельно.

По месту обнаружения булгарских эпиграфических памятников XIII—XIV вв. нами выделено четыре региональных округа: Болгарский, Кирменьско-Джукетауский, восточный и северный (рис. 1). Болгарский региональный округ, с центром в Болгарах, территориально охватывает Предволжье, часть Закамья по течению Малого Черемшана, Предкамье к западу от линии рек Ошняк, среднее течение Меши, верховье Казанки и Ашита. На этой обширной территории расположены 47 кладбищ с более чем 280 надгробиями. Таким образом, памятники Болгарского округа распространялись как по правому, так и по левому берегам Волги, от южных до северных границ Волжско-Камской Булгарии. Характерными чертами памятников Болгарского округа является стрельчатая арка с плечиками и почерк — стройный каллиграфический булгарский куфи или изящный рельефный сульс. Все памятники имеют бордюрное украшение из линейного или геометрического мотивов. У некоторых памятников на бордюре есть растительный мотив. Эпитафии Болгарского округа отличаются тщательностью отделки, наличием ярко выраженных боковых оборотных сторон где, как правило, высечены коранические формулы или орнамент. Памятники Болгарского регионального округа можно разделить на две группы: памятники с шрифтом сульс на арабском и тюркском языках и булгароязычные эпитафии с куфическим шрифтом.

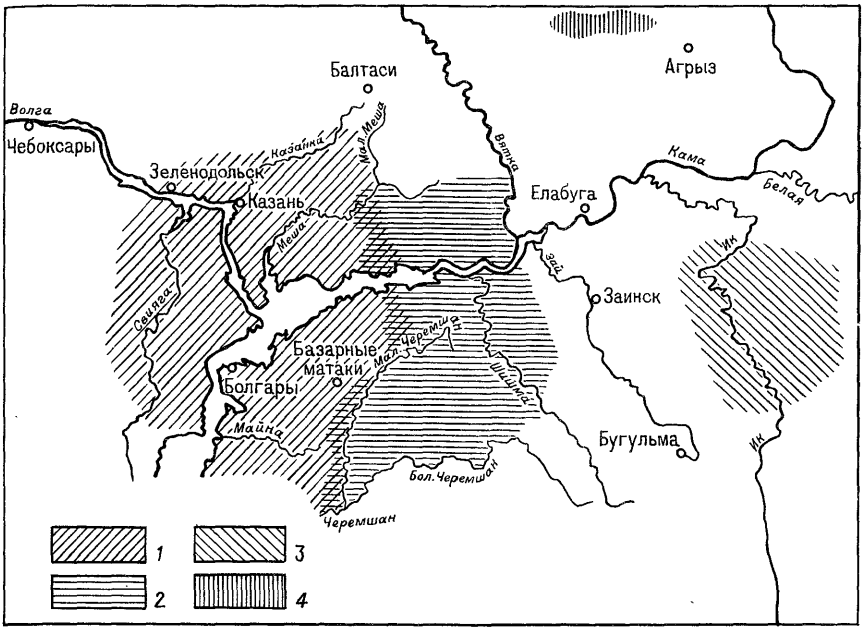


Рис. 1. Региональные варианты булгарских эпиграфических памятников XIII—XIV вв.

1 — Болгарский; 2 — Кирменьско-Джегутоуский; 3 — восточный; 4 — северный.

Намогильные камни I группы по языку и структуре текста разделяются на 3 типа: 1-й тип — эпитафии с надписью, выполненные полностью на арабском языке, 2-й тип — эпитафии, тексты которых выполнены поволжским тюрки с поэтическими эпитетами, 3-й тип — эпитафии смешанного оформления по языку, т. е. на арабском и поволжском тюрки.

Намогильные камни II группы по оформлению и структуре текста мы разделяем на 4 типа: 1-й тип — памятники с коранической формулой в тимпане, 2-й тип — памятники с розеткой в тимпане и коранической формулой «Верховный суд принадлежит Аллаху великому, всевышнему» в первой строке текста, 3-й тип — памятники с различным оформлением заглавной формулы и основного текста и 4-й тип — камни с полукруглым верхом, без арки и даты с коранической формулой «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь» в первой строке. Структуры текстов эпитафий II группы близки друг к другу.

Следующим из наиболее крупных региональных округов распространения булгарских эпиграфических памятников XIII—XIV вв.

является Кирменьско-Джукетауский, который занимает восточную часть Волжско-Камской Булгарии. В Закамье его территория охватывает земли между Черемшаном и Зай, в Предкамье к востоку от линии рек Ошняк, среднего течения Меши до реки Вятки. На этой значительной территории расположено 37 кладбищ с более чем 90 эпитафиями. Характерными чертами эпитафий этого округа являются: в оформлении — отсутствие арки, бордюрного украшения, закругленность верхней части, врезанный простой шрифт; в структуре текста: отсутствие коранической формулы «Он живой, который не умирает», столь характерной для памятников Болгарского округа. В этом округе отмечается некоторое увеличение толщины и ширины памятников при одновременном сокращении их длины. В Кирменьско – Джукетауском округе мы также выделяем 2 группы, хотя ярко выраженных стилевых особенностей, характерных для памятников Болгарского округа, здесь нет.

Немногочисленные памятники I группы ни по оформлению, ни по орнаментации от других памятников этого региона не отличаются, а среди памятников II группы, характеризующихся куфическим или простым шрифтом, разнообразием орнамента и типологических элементов, мы выделяем 3 типа: 1) эпитафии с трехчастной композицией в тимпане и формулой «Верховный суд принадлежит Аллаху всевышнему, великому» в первой строке; 2) эпитафии без арки, с многолепестковой розеткой в верхней части; 3) эпитафии без орнаментации и без даты.

Восточный региональный округ булгарских эпиграфических памятников связан со средними течениями рек Ик и Белая, занимает большую, но редконаселенную территорию, где расположено 7 кладбищ с 12 надгробиями. Среди эпитафий Восточного округа по своему оформлению и языку мы выделяем 3 группы: 1) памятники, написанные почерком рельефный сульс на арабском языке; 2) памятники, написанные почерком куфи на булгарском языке; 3) памятники, написанные простым врезанным шрифтом на поволжском тюрки.

Первые 2 группы происходят из центра округа — Чишмы, где сохранились мавзолеи булгарского типа и эти группы эпитафий полностью идентичны с эпитафиями города Болгара. 3 группа памятников, характеризующаяся своеобразной геометрической орнаментацией с большим количеством коранических формул в тексте — особенность этого региона. Наблюдается значительное увеличение размеров памятников этой группы, особенно ширины и длины.

Четвертый региональный округ — Северный, охватывающий территорию современной Удмуртской АССР, включает только 1 памятник, обнаруженный у поселка Гурья-Кала Балезинского района. Памятник остроконечной формы со стрельчатой аркой и своеобразной формулой в тимпане значительно отличается от эпитафий других округов.

Выделение локальных вариантов булгарских эпиграфических памятников XIII—XIV вв. указывает на существование региональных школ резьбы по камню. Наиболее ранняя из них — Болгарская — имела большое влияние на формирование и развитие других школ. О существовании в Болгарии больших мастерских по изготовлению надгробий говорят и сохранившиеся заготовки, производственный брак. Видимо, работали мастера и в других местах округа, например, в районах Северного Предволжья и Заказанья, памятники которых типологически несколько отличаются от эпитафий Болгара.

В начале XIV в. эпиграфические школы формируются в Жукотине и на востоке Волжской Болгарии, в Чишме. Несмотря на жесткие рамки мусульманских канонов, мастера разных регионов внесли разнообразие в развитие булгарской эпиграфики. Локальные варианты эпиграфических памятников показывают распад единой Волжской Булгарии и возвышение княжеств — Болгарского, Жукотинского, Кирменьского. Территория распространения эпитафий Болгарского и Жукотинского округов совпадает с границами этих княжеств. Подобный процесс, вероятно, шел и на Востоке — в районе Чишмы, и на севере в среднем течении реки Вятки.

В возникновении и развитии традиции становления булгарских эпиграфических памятников не чувствуется заметного влияния более ранних арабоязычных эпиграфических школ Средней Азии и Северного Кавказа. Некоторую близость почерка и орнамента, в частности, виноградной лозы, следует рассматривать как общую закономерность развития мусульманской культуры Востока, самой северной провинцией которого являлась Волжская Булгария. Наиболее близкие аналогии орнамента, шрифта, текста эпиграфических памятников мы находим в оформлении монет болгарского чекана 2-й половины XIII и 1-й половины XIV в. Региональные особенности тюркоязычной, булгарской эпиграфики продолжают сохраняться и в период Казанского ханства вплоть до XVIII в.

Литература

[1] История Татарской АССР. Казань, 1973. С. 14.

[2] Происхождение Казанских татар. Казань, 1948. С. 96.

[3] Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960. С. 54, 88.

[4] Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975. С. 156.

[5] Мухаметшин Д. Г. О новых эпиграфических памятниках Болгарского городища//Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С. 60 72; Хакимзянов Ф. С. О языке межэтнического общения в Волжской Булгарии//К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С. 76 99 и др.

[6] Смирнов А. П. Волжские Болгары. М., 1951. С. 61.

А. Г. Герцен

Оборонительная система столицы княжества Феодоро

В середине XIV в. в Юго-Восточной Европе в связи с ослаблением Золотой Орды возникают условия для формирования самостоятельных политических образований[1]. Сказывается в этом процессе влияние уже окрепших феодальных государств Центральной Европы[2]. По данным письменных источников, во 2-й половине XIV в. в Юго-Западной Таврике возникает княжество Феодоро. Некоторые авторы предполагали, что княжество могло возникнуть еще в конце XIII в.[3]

Для решения проблемы формирования города на Мангупском плато, являвшегося столицей княжества, важно изучить его оборонительную систему, которая отражает различные этапы жизни поселения. Ранее считалось, что главной линией обороны крепости (дальше — ГЛО) являлся пояс стен и башен, пересекавший плато по линии юго-запад — северо-восток и отделявший от заселенной территории мысы Чамнубурун и Чуфутчеарганбурун (рис. 2)[4]. Стена, перекрывавшая балку Табанадере, определялась как «передовая».

Рис. 2. Схема крепостного ансамбля Мангупа.
А1 — укрепление ГЛО; В1 — башни ВЛО; С — цитадель; 1 — дворец; 2 — большая базилика; 3 — лагерная балка.

При такой схеме незащищенными оставались бы не только упомянутые мысы, имеющие несколько доступных для всхода участков, но и балка Табанадере, куда противник мог попасть с флангов, минуя передовую стену. Слабость такой системы несомненна. В ней полностью игнорировались бы преимущества «естественной фортификации», а они диктовали необходимость включения в крепостной полигон всей территории плато.

Археологические исследования, проводимые в последние два десятилетия, показали, что крепостные сооружения на плато, соответствующие принципам ранневизантийской фортификации, были основаны, вероятнее всего, в конце VI в. Они создавались с учетом естественной неприступности и обеспечили защиту территории площадью около 90 га[5].

В крепостном ансамбле Мангупа хорошо заметна расчлененность на три укрепленные линии. Первая, внешняя (ГЛО), обеспечивала оборону всего контура плато и была максимально подчинена естественным рубежам. Вторая линия (в дальнейшем — ВЛО) — это непрерывный пояс стен и башен, протянувшийся от юго-западного обрыва плато до западного края Гамамдере. В ее начертании менее всего учтены особенности местности. И, наконец, третьей линией стало укрепление на мысе Тешклибурун. Это — цитадель, выбор места которой был подсказан естественной композицией плато. Действующий узел из этих трех элементов сложился не ранее превращения Мангупа в столицу княжества Феодоро, Несомненно, что к этому времени ряд укреплений ГЛО нуждался в ремонте, прежде всего линии в балках.

Сооружения ГЛО возводились в раннее средневековье в соответствии с принципами позднеримской фортификации. Применялась тенальная (клещевая) планировка укрепленных линий в виде входящего угла, обеспечивавшая фланговый обстрел на крутых склонах балок. Стены возводились в технике эмплектон (двухпанцирная кладка с забутовкой). Лицевой панцирь выкладывался из хорошо отесанных известняковых блоков. Толщина стен достигала 3,5—4 м.

По археологическим данным, на рубеже X и XI вв. крепость подверглась серьезному разрушению. О ее восстановлении после длительного запустения и возведении новых укреплений свидетельствуют археологические и эпиграфические источники. Надпись 1361—1362 гг., обнаруженная в 1913 г., «... построена эта башня верхнего города почтенной Пойки... и (совершено) восстановление Феодоро, вместе с Пойкой построены в 6870 г.»[6] дает основание думать, что крепость до этого пребывала в разрушенном состоянии.

Особенно большие по масштабу ремонтно-реконструкционные работы проводились в 60-х гг. XIV в. на самом слабом звене ГЛО, хуже всего обеспеченном с флангов, укреплении А-XIV. Во-первых,

здесь к куртине А была пристроена квадратная в плане башня А4 размером 3,35×3,35 м, толщина ее стен достигала 0,6 м. Сложена она из бутового грубооколотого камня среднего размера, углы выкладывались штучным камнем. В основание сооружения, поставленного на предварительно выровненную поверхность земли, был засыпан бутовый камень без связующего раствора. Внутри башни было помещение для воинов, о чем свидетельствует проход в оборонительной стене, причем ряд ее квадров на одном уровне образует порог, на котором были обнаружены кости защитника крепости, погибшего в период турецкой осады 1475 г. В целом создается впечатление, что пристройка башни делалась в спешке, без достаточного инженерного обеспечения. Это сказалось во время турецкого артобстрела: башня была почти до основания снесена пушечными ядрами.

Вторым мероприятием по усилению ГЛО была надстройка стен. О характере ее на примере А.XIV судить хотя и трудно, но можно. Верхняя часть сооружения была сбита артиллерийским огнем турок, а затем подверглась разборке на последнем этапе жизни поселения (XVI—XVIII вв.). В завале с тыльной стороны стен сохранился слой строительства, содержащий почти в чистом виде известь, песок и мелкую сеяную гальку. Такая консистенция строительных растворов обычно рекомендовалась теоретиками фортификации развитого средневековья для бутовых кладок[7]. Вероятно, именно такой характер имела надстроенная часть укрепления А.XIV.

Наконец, третье новшество существенно усилило прочность оборонительных стен. С их тыльной стороны была сделана подсыпка из бутового камня, образовавшая валганг с отлогостью, направленной к верховьям Лагерной балки. Это укрепило стены, сделав их менее восприимчивыми к ударам метательных снарядов, и облегчило подъем защитников к боевым площадкам. Появление сооружений подобного рода теоретики фортификации относили ко 2-й половине XV в., связывая их с распространением огнестрельного оружия, ставшего опасным для стен старого образца[8], которые имели достаточную толщину лишь для сопротивления метательным машинам. Вероятно, ремонт был произведен и на других участках ГЛО, однако, в целом, она сохранила первоначальное начертание своих рубежей, а значит и принципы организации активной обороны.

Иную картину представляет укрепленная линия, возведенная на плато. Несомненно, что главной задачей ВЛО было удержание неприятеля в случае прорыва им звеньев ГЛО. Невозможно представить, что ВЛО была главной крепостной позицией. Ее высокие (до 8 м), но тонкие (около 1 м) стены, не прикрытые ни рвом, ни протейхизмой, не могли бы обеспечить оборону на фронте протяженностью около 700 м. На нем противник мог атаковать эту линию, беспрепятственно развернув штурмовые средства. Открытие ГЛО

позволило понять действительное значение оборонительного рубежа, прикрывшего заселенную территорию плато. Его появление объясняется тем, что в эпоху развитого феодализма произошли изменения в тактике наступательного и оборонительного боя, и тем, что изменилась социальная структура поселения. В его планировке хорошо выражены кварталы, центрами которых становятся небольшие церкви с примыкающими к ним кладбищами. Так, в верховьях Капудере можно выделить район с церковью св. Георгия, исследованной Р. Х. Лепером в 1912 г.; в верховьях Гамамдере выделяется район с церковью Богородицы. Очертания кварталов неправильные, подчиненные рельефу плато. Особое положение занимают цитадель на мысе Тешклибурун и княжеский дворец в центральной части плато. Кроме того население было дифференцировано по религиозно-этническому признаку. В верховьях Табанадере локализовалась караимская община, имевшая свой храм (кенасу).

ВЛО стала конкретно выраженной границей этого сложного по структуре поселения, приобретшего черты феодального города. Иным по сути оно быть не могло, поскольку в эпоху феодализма укрепления мог иметь только город или замок[9], замком Мангуп XIV—XV вв. не был. Уже само наличие сложной фортификационной системы, на примере средневековой Руси, говорит о принадлежности его к городам[10]. Строгая оконтуренность ядра городских поселений крепостными стенами — характерное явление в XIII—XV вв., типичны для них и административные укрепленные резиденции.

Расположение ВЛО указывает, что ее создатели считали балки Табанадере и Лагерную наиболее опасными в случае военной угрозы. Возможно, в появлении нового укрепленного рубежа отразилась неуверенность в способности гарнизона и ополчения обеспечить надежную оборону всего контура плато (около 6,6 км), предотвратить проникновение через периферийные звенья ГЛО мелких групп неприятеля.

В компановке ВЛО хорошо выражены иные принципы, нежели заложенные в ГЛО. В целом прямолинейность начертания ВЛО, за исключением участка, пересекающего истоки балки Табанадере, говорит о новой системе флангового обстрела. Он обеспечивался теперь не тенальным расположением куртин, а башнями, расставленными с частотой, зависящей от степени вероятности удара неприятеля по тому или иному участку. Наиболее насыщен башнями северо-восточный фланг, здесь на протяжении около 350 м почти равномерно расставлено шесть башен, среднее расстояние между ними составляет 46 м. Юго-западный участок ВЛО протяженностью 270 м имеет только три башни. Такая неравномерность в распределении башен находится в зависимости от защитных свойств рельефа, она хорошо видна во многих русских крепостях XIV –XV вв. (Изборск, Порхов); это, по мнению В. В. Косточкина, свидетельствует о делении

обороны на «активную» и «пассивную»[11]. Только широкое распространение артиллерии со 2-й половины XV в. привело к более строгой ритмичности в расположении башен, обеспечивавшей равномерное фланкирование участков[12].

Видимо, центральный участок северного фронта, в особенности основание Чуфутчеарганбуруна, считался в крепости самым опасным, концентрация башен здесь говорит о том, что прорыв неприятеля через ГЛО ожидался прежде всего через Лагерную балку. Это подтвердили события 1475 г. Конструктивно стены ВЛО резко отличаются от раннесредневековых. Кладка эмплектон с применением квадров ушла в прошлое. В XIV—XV вв. главный строительный материал — ломаный известняк, господствует иррегулярная бутовая кладка.

Возведение стен из необработанного или грубообработанного камня требовало введения в конструкцию деревянных продольных и поперечных связей, образовывавших жесткие пояса, разбивавшие кладку на ярусы. Отверстия поперечных балок хорошо видны в стенах, во многих из них дерево неплохо сохранилось. Вероятно, концы балок когда-то выступали из тыльной плоскости стены, служа пальцами лесов, хорошо знакомых по древнерусской фортификации. Такая анкеровка стен предотвращала рассадку кладки до оптимальной степени отвердения строительного раствора, достижение которой требует десятков и даже сотен лет[13].

О характере венчания стен ВЛО можно судить по участку на юго-западном фланге, сохранившемся на полную высоту. Здесь верх стены с напуском в обе стороны покрыт кладкой из мелкого бута и щебня, образующей кордон для защиты сооружения от дождевой воды. Зубчатого венчания стены не имели. К XV в. все большее распространение в фортификации приобретает сплошной брустверь, что связывается с появлением огнестрельного оружия, легко разбивавшего отдельно стоящие мерлоны[14]. Защитники размещались на деревянном помосте, настланном на выступавшие из стены балки и, вероятно, опиравшемся на вертикально поставленные столбы. Стрельба велась поверх бруствера.

С особой тщательностью сооружались башни, о чем свидетельствует их хорошая по сравнению с куртинами сохранность. Углы башен выкладывались из крупных грубоколотых камней, поочередно впущенных то в одну, то в другую стену. По высоте башни незначительно превосходили примыкающие к ним куртины, что, вероятно, отражало новые веяния в военно-инженерном деле, связанные с внедрением огнестрельного оружия.

Все башни ВЛО имели открытую тыльную сторону. Такая конструкция была относительно дешевой и позволяла осуществлять контроль за происходящим в башнях с командного пункта крепости. Последнее достоинство особенно важно. Оно было учтено при созда-

нии комплекса ВЛО: наряду с укрепленным рубежом в него входил еще один элемент — так называемый дворец князя Алексея, расположенный в центральной части плато в 100 м к юго-востоку от большой базилики.

Исследования этого памятника были начаты в 1912 г. В самом их начале была обнаружена надпись на плите из местного известняка, к сожалению, сохранилась лишь вторая половина текста. Из нее явствует, что в октябре 6934 (1425 г.) на плато была возведена какая-то постройка вместе с дворцом. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, под ней надо понимать донжон, представлявший собой башню в северной части комплекса, построенную без перевязи с прилегающими стенами и имевшую вход на уровне второго этажа[15].

Для нас вывод о крепостном характере дворца, делавшийся всеми его исследователями[16], весьма важен. Данный комплекс вполне характерен для эпохи развитого феодализма, когда в городах дворцы становятся фактически замками сеньоров, обеспечивавшими не только защиту людей, но и материальных ценностей, и прежде всего запасов продовольствия. При раскопках в северной части мангупского дворца были обнаружены в большом количестве обгоревшие зерна пшеницы, проса, гороха и фасоли[17].

Донжон дворца, как это видно на плане крепости, был прекрасным наблюдательным пунктом, с которого просматривалось внутреннее пространство почти всех башен ВЛО, развернутых тылом к дворцу. Только башня В.6 закрывалась массивом большой базилики, оказавшейся расположенной вплотную к обороне в связи с возведением нового укрепленного рубежа.

Рассматриваемая система планировки укрепления, т. е. сочетание оборонительной линии с командно-наблюдательным пунктом, получила распространение в Крыму со времени появления итальянских крепостей. Они стали своеобразной демонстрацией достижений западноевропейского военно-инженерного дела. Военное противостояние Феодоро и генуэзских колоний стимулировало изучение военного опыта противника. Закрепляясь на новых территориях, возводя быстрыми темпами крепости, генуэзцы давали предметные уроки новых веяний в области долговременной фортификации. В то же время они перенимали местный опыт, всесторонне учитывая факторы природной неприступности места расположения укрепления.

А. Л. Якобсон, говоря о крепостных сооружениях, включаемых нами в ВЛО, справедливо отмечал их сходство с генуэзскими постройками[18]. Можно добавить к этому, что планировка данного узла крепостного ансамбля Мангупа очень напоминает крепость Солдайи, где ГЛО опоясывает подножье горы. Управление обороной осуществлялось из высоко расположенного Консульского замка. Конечно, стены и башни Судака более монументальны, но на Мангупе это был второй оборонительный пояс, поэтому его сооружения

скромнее и проще. Все башни здесь одноярусные, в Судаке же были двух- и трехъярусные. В то же время расстояния между башнями в Судаке весьма близки к ВЛО Мангупа, составляя в большинстве случаев от 50 до 65 м[19]. В генуэзской крепости Кафы башни расставлены с интервалом 40—50 м[20], причем протяженность внешней оборонительной линии города достигала в середине XIV в. 5474 м; она была самой длинной в Крыму, составленной из искусственно созданных укреплений. Протяженность ГЛО была на 1 км больше, однако 3/4 ее составляли естественные рубежи.

Особое положение в крепости Мангупе — Феодоро занимал ее акрополь, располагавшийся на крайнем северо-восточном мысе Тешклибурун. Ни один другой участок плато не подходил так для этой роли. Защита мыса с напольной стороны требовала минимальных затрат: длина укрепленной линии составляла 102 м, в то время как обвод мыса, представляющий отвесный обрыв высотой 25 —30 м, протянулся на 535 м. Защищенная площадь равнялась 1,2 га. Место для цитадели было удачным и потому, что она могла выполнять две функции: во-первых, служить убежищем гарнизону и командованию на случай прорыва неприятелем ГЛО и ВЛО; во-вторых, с мыса хорошо просматривалась и простреливалась главная колесная дорога, что делало цитадель не только последней надеждой города, но и стратегическим ключом крепостного ансамбля в целом.

Куртины цитадели возведены из бутового камня с использованием для облицовки фасов крупных блоков, возможно, взятых из руин каких-то более древних сооружений. В донжоне цитадели использован в большом количестве материал различных построек, разобранных при строительстве для освобождения эспланады. На этом месте в IX—X вв. находились жилые усадьбы, погибшие в пожаре на рубеже X и XI вв. В дальнейшем на месте руин, затянувшихся землей, был вырыт котлован для строительства стен цитадели. В нем обнаружены характерные для XIV —XV вв. фрагменты красноглиняной поливной керамики. Можно согласиться с Р. Х. Лепером и Н. В. Малицким, что упоминание в надписи 1361 —1362 гг. о сооружении «башни верхнего города почтенной Пойки» имеет прямое отношение к возведению цитадели. «Верхним замком» называет ее в середине XVI в. Мартин Броневский[21]. Отметим, что нередко в средневековых городах акрополь носил особое название.

Таким образом цитадель сооружается параллельно с восстановлением укреплений ГЛО. Что касается ВЛО, то, возможно, ее возведение отражено в надписи, относящейся к 80-м гг. XIV в. и упоминающей о строительстве крепостных сооружений неким сотником Чичикием в правление хана Тохтамыша[22]. Формирование комплекса завершилось возведением, или, скорее всего, реконструкцией в правление князя Алексея в 1425 г. дворца замкового типа. После падения Константинополя и первого появления у берегов Крыма турецкой

эскадры в 1454 г., возможно, были усилены валгангом укрепления ГЛО А.XIV в Лагерной балке, что могло быть подсказано известиями об эффекте применения осадных орудий против каменных стен.

Оборона Мангупа от турецких войск в 1475 г. стала своеобразной апробацией инженерных решений и тактической силы крепости. Полугодовая осада города была одной из самых трудных кампаний османской армии в Северном Причерноморье. Успех осаждающих в конечном итоге определило применение тяжелой артиллерии. Данный сюжет заслуживает особого рассмотрения.

Литература

[1] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 59 и др.

[2] Параска П. Ф. Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства//Юго-Восточная Европа в средние века. 1. Кишинев, 1972. С. 190.

[3] Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 123; Тиханова М. А. Дорос — Феодоро в истории средневекового Крыма//МИА, 1953. № 34. С. 324; Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957. С. 595.

[4] Герцен А. Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа//Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1983. С. 88—104.

[5] Герцен А. Г. Система оборонительных сооружений Мангупа: Автореф. канд. дис. Л., 1984. С. 6—7.

[6] Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа//ИГАИМК, 1933. Вып. 71. С. 9 10.

[7] Альберти. Десять книг о зодчестве. М., 1935. С. 89.

[8] Ласковский Ф., Болдырев Н. Курс фортификации. Долговременная фортификация. Спб., 1864. С. 15—16.

[9] Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X –XV вв.//МИА, 1961. № 105. С. 64.

[10] Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X –XIII вв.// МИА. 1956. № 52. С. 58.

[11] Косточкин В. В. Оборонительные системы русских крепостей XIV — нач. XVI в.//СА, 1957. № 1. С. 132—140.

[12] Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 267.

[13] Значко-Яворский И. Л. Очерки истории вяжущих веществ. Л., 1963. С. 88.

[14] Ласковский Ф., Болдырев Н. Указ. соч. С. 16.

[15] Бертье-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро//ИТУАК, 1918. № 55. С. 31.

[16] Якобсон А. Л. Дворец//МИА, 1953. № 34. С. 417—418; Суров Е. Г. Раскопки дворца на плато Мангупа в Крыму//КСИА, 1972. Вып. 129. С. 96 –97.

[17] Веймарн Е. В., Иванов Л. И. Раскопки на Мангупе//АО — 1974. М., 1975. С. 263 264.

[18] Якобсон А. Л. Средневековый Крым. С. 125.

[19] Секиринский С. А., Волобуев О. В., Коганашвилли К. К. Крепость в Судаке. Симферополь, 1980. С. 58—64.

[20] Халпахчьян О. Х. Этапы планировки и застройки Феодосии (с древнейших времен до конца XVIII в.//АН, 1976. Вып. 25. С. 40.

[21] Броневский М. Описание Татарии//ЗООИД, 1867. Т. 6. С. 343.

[22] Малицкий Н. В. Указ. соч. С. 5 9.

И. А. Баранов

Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости

Историческая периодизация фортификационных сооружений Сугдеи-Солдайи — один из наименее разработанных вопросов градостроительства этого крупного средневекового политического и торгово-ремесленного центра. В соответствии с традициями отечественной историографии XIX — начала XX столетия их принято датировать временем генуэзского господства (1365—1475 гг.) и считать продуктом творчества итальянских зодчих[1]. Идея генуэзского происхождения архитектурно-фортификационных комплексов Судакской крепости господствует в современной западноевропейской историографии (М. Балар, П. Стринга и др.[2]) и абсолютизирована в работах отечественных архитекторов и реставраторов (Е. И. Лопушинская, А. И. Опочинская[3]*). От нее не сумела отойти и М. Нистазопуло, ставившая своей задачей изучение греко-византийского влияния на все стороны жизни города[4]. Генуэзский «крен» объясняется узостью источниковедческой базы исследований, ограничивавшихся архитектурными обмерами (В. В. Данилевский, А. А. Фомин, В. Ф. Маркузон, Е. И. Лопушинская) и материалами генуэзских архивов и эпиграфики (Н. Н. Лапин, Е. Ч. Скржинская, М. Балар). Комплексные архитектурно-археологические исследования оборонительных сооружений не производились. Исключение составляют эпизодические раскопки А. А. Фомина в Консульском замке и Георгиевской башне в 1926 и 1928 гг., Е. Ч. Скржинской — в Круглой башне в 1946 г. и М. А. Фронджуло — в башне Якобо Торселло и Угловой в 1969—1970 гг.[5] Однако археологические материалы из этих раскопок утрачены, а информации кратки и не дают представления о хронологии и строительной истории изучавшихся объектов.

Планомерное изучение фортификационных комплексов Судакской крепости проводилось в 1977—1986 гг. Судакской экспедицией Института археологии АН УССР. Были исследованы все участки крепостного ансамбля. Полученные в ходе археологических раскопок материалы позволили отказаться от господствующего в литературе взгляда на историю градостроительства средневекового Судака и показать, что его фортификация сложилась не только в генуэзский период, а прошла в своем развитии длительный путь через

---

* Идея генуэзского культуртрегерства оказала отрицательное влияние на реставрацию Судакской крепости, архитектурные комплексы которой, относящиеся к разным историческим периодам и стилям, воссоздаются Е. И. Лопушинской на основе весьма спорных аналогий отдельных деталей как западноевропейские эпохи поздней готики и ренессанса.

ранневизантийский, хазарский, византийский, генуэзский и турецкий этапы. Процесс формирования городской обороны, как и самого города, завершился, в основном, к концу 3-го этапа задолго до появления на Крымском полуострове генуэзских колоний[6].

На ранневизантийском этапе (VII—1-я половина VIII в.) Сугдея представляла собой рядовую приморскую крепость, служившую для обслуживания и охраны каботажного плавания византийских судов между Боспором и Херсоном. Исходя из такой задачи, ее первоначальная оборона была сосредоточена в портовой части и на вершине горы Дженевез-Кая, где находился небольшой замок с византийским гарнизоном (рис. 3). В 1985 г. на площадке перед замком нами раскопано небольшое кладбище, состоящее из плитовых могил византийского типа[7] и датированное серебряной поясной бляшкой-тройчаткой с пуансоном VII в. Стены раннесредневекового замка в XII—XIII вв. были перестроены. От оборонительной системы VII в. сохранился лишь пятиметровый участок куртины к югу от замка на краю скалы (рис. 3). Эта стена, толщиной 2,5 м при высоте до 2,5 м, сложена из известняковых блоков на хорошем цемянковом растворе и поставлена в вырубленную в скале «постель». У ее внутреннего панциря образовался культурный слой, в котором задержаны, смытые с верхней части скалы, фрагменты западнопонтийских амфор — круглодонных с крученными ручками и амфорами типа «Истрия», датированных в комплексах Истрии, Херсонеса и Ильичевского городища на Тамани 2-й половиной — серединой VII в.[8] Фрагменты стенок таких же амфор обнаружены и на замковой площадке, а также на мысу над морем, где имеется кострище и остатки стен средневекового маяка. Последний функционировал еще в середине XVII в. и являлся, по сообщению Эвлии Челеби, главным маяком этой части крымского побережья[9].

Портовая слобода VII — 1-й половины VIII в. находилась под замковой скалой на берегу бухты и занимала вместе с участком, затопленным морем, территорию около 15 га. С напольной стороны она была защищена оградой, толщиной 1,1 м, сложенной из бута на цемянковом растворе. Эта стена перегораживала наиболее узкую часть ущелья между горами Дженевез-Кая и Палвани-Оба. По мнению М. А. Фронджуло, она использовалась до IX в. и была разобрана при строительстве новых крепостных стен внешнего пояса обороны Сугдеи (рис. 3)[10]. Корабельная стоянка в бухте контролировалась большой башней — так называемым приморским укреплением, первый этаж которой мог использоваться в качестве цистерны[11]. Башня закрытого типа и прямоугольная в плане. Ее размеры 11,65×12,8 м при толщине южной стены, обращенной к фронту — 2 м, восточной и западной — 1,5 м и северной, врезанной в склон — 1 м (рис. 3). Кладки двухпанцирные: внешний панцирь сложен из известняковых блоков, уложенных логом и тычком, внутренний — из плиток песча-

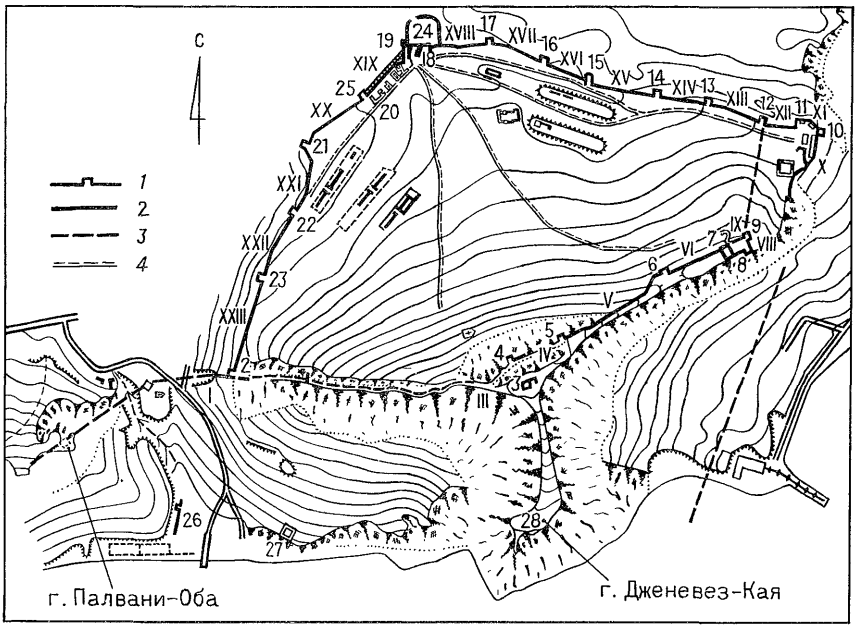


Рис. 3. План судакской крепости, 1 — башни; 2 — куртины; 3 — участки обороны реконструируемые на основании иконографических материалов и разведок; 4 — современные проселочные дороги.

Арабскими цифрами на плане обозначены башни, римскими куртины; система горизонталей условная: 1 — башня Фредерико Астагвера и храм 12-ти Апостолов; 2 — башня Портовая, башня — донжон Кыз-Куле (Сторожевая); 3 — замок на горе Дженевез-Кая; 4 — безымянная башня № 7; 5 безымянная башня № 1; 6 — башня Георгиевская с воротами в Верхний городок; 7 - донжон генуэзского консульского замка Санта-Кроче начала XV в.; 8 — безымянная башня замка Санта-Кроче; 9 — угловая башня; 10 — безымянная башня № 8; 11 — безымянная башня № 2; 12 - безымянная башня № 9 (башня Коррадо Чикало); 13 — башня Флиско Лавани; 14 - безымянная башня № 3; 15 - турецкая бастида (башня круглая); 16 башня Джудиче; 17 - безымянная башня № 4. 18 — башня Раффаеле Ультрамарино 1381 г.; 19 башня Якобо Торселло 1385 г.; 20 — торгово-ремесленный квартал 1; 21 — башня Джиовани Марионе; 22 — башня Гварко Румбальдо; 23 — безымянная башня № 6; 24 предмостное укрепление (барбакан) XVII—XVIII вв.; 25 — безымянная башня № 5; 26 порт с портовой слободой; 27 — портовая укрепленная цистерна 2-й половины VII—1-й половины VIII в.

ника и плоской морской гальки «в елку» на цемянковом растворе, не отличающемся по составу от раствора оборонительной стены VII в. на вершине горы Дженевез-Кая. Первый этаж башни был вымощен крупными плитами. Приморское укрепление было разрушено хазарами около середины VIII в. и на его мощеных полах салтовцы соорудили жилища (рис. 4). Судя по тому, что основания салтов-

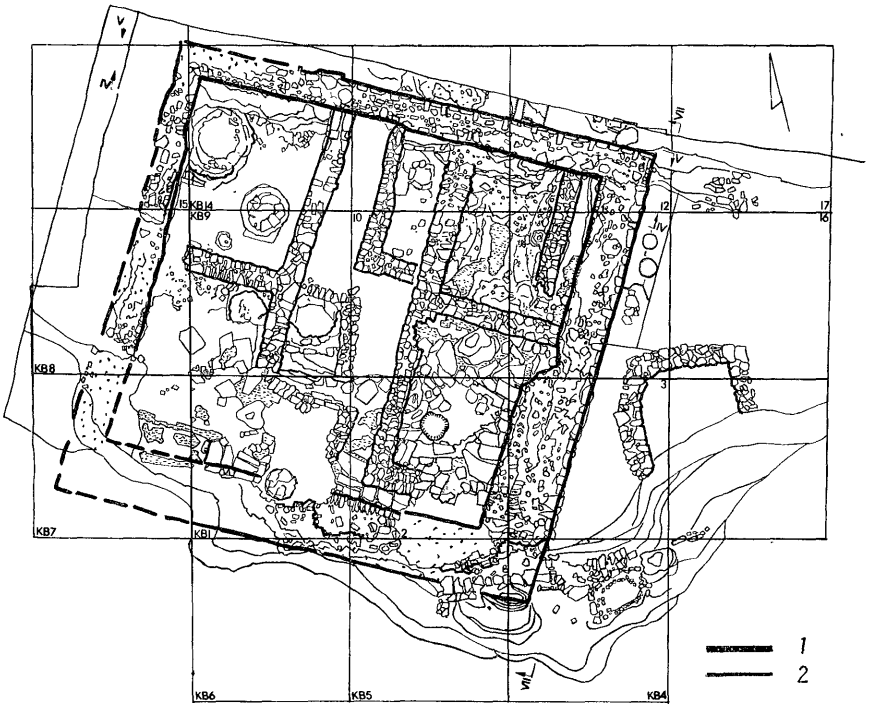


Рис. 4. Византийская укрепленная цистерна 2-й половины VII в. (Приморское укрепление).

1 — стены цистерны; 2 — салтово-маяцкие жилища 1-й половины VIII—X вв., возведенные на полах разрушенной цистерны.

ских домов поставлены на плиты пола башни, а между основаниями их кладок и отмосткой не успел скопиться мусор, разрушение приморского укрепления и застройка его внутренней части произошли практически одновременно. Такая же картина использования салтовцами ровных мощеных полов византийских монументальных построек предшествующего периода наблюдается и в Тиритаке, где протоболгарские жилища были поставлены внутри разрушенной ими же базиликальной постройки (так называемая тиритакская базилика) [12].

Хазарский период Сугдеи (2-я половина VIII—X в.) характеризуется упадком порта и разрушением его византийских сооружений хазаро-булгарами. Жилые и хозяйственные постройки последних во 2-й половине VIII—1-й половине IX в. были сосредоточены исключительно на территории портовой слободы и повсеместно перекрыли предшествующие им византийские строительные остатки и культурные отложения. Капитальных сооружений хазарской эпохи в порту

Сугдеи не найдено. На первом этапе хазары, вероятно, использовали имевшуюся слободскую ограду, а тархан с дружиной занял замок на вершине горы. Застройка северного склона горы Дженевез-Кая ниже замка впервые началась не ранее середины IX в. Салтовские жилища, сложенные насухо «в елку», датируются на основании византийского импорта: высокогорлых кувшинов с ленточными ручками и фрагментами белоглиняных столовых глазурованных сосудов, время появления которых в Таврике принято определять не ранее середины IX—X вв.[13] Ту же дату имеют и найденные в жилищах фрагменты амфор константинопольского производства. Салтовские дома были разбросаны по всему северному склону горы на значительном расстоянии друг от друга. С напольной стороны они были защищены оборонительной стеной, построенной хазарами не ранее середины IX в. Время возведения стены устанавливается на основании того же археологического материала, что и салтовские постройки этого участка, поставленные, как и оборонительная стена, на материк без подстилающего культурного слоя византийской эпохи. Кроме того, к куртине XV в. (рис. 3) было пристроено салтовское жилище «в елку», пол которого соответствовал дневной поверхности времени строительства куртины. Внутри дома и за его пределами на значительной площади прослежена прослойка известковоцемянкового раствора, насыщенная каменными отесами и строительным бутом.

Хазарская оборонительная стена 2-й половины IX —X вв. прослежена нами на трех самостоятельных участках: с внешней стороны куртины XIII, перекрытой генуэзской башней XV в., под византийской и генуэзской куртинами (XIV—XV) у башни № 3 и в основании генуэзской цистерны у Главных городских ворот. Общая протяженность изученных отрезков стены хазарского периода составляет 45 м. На первом участке обнажена субструкция куртины, дающая основание говорить, что она установлена на материковый суглинок без фундамента. С целью выравнивания нижних рядов кладки под них подведены крупные плоские плиты. Панцири этой же оборонительной стены зачищены на втором участке, где ее ширина составляет 2,7 м при сохранившейся высоте до 1,5 м (рис. 5, 6). Панцири стены сложены в разной технике: внешний — из штучных камней, обработанных зубаткой, без соблюдения системы, внутренний — из плоских известняковых плит, поставленных орфостатно, в результате чего кладка стала напоминать кардонную, однако без перевязи плит с забутовкой, т. е. хазарская кладка отличалась от византийских облицовочным характером. Внутренний панцирь сложен на светло-розовой цемянке, напоминающей по составу харасан и отличающейся меньшей степенью насыщенности толченной керамикой от византийской цемянки VII в. в приморском укреплении и замке; внешний — на глине, а забутовка на грязи. На участке же оборонитель-

Рис. 5. Участок хазарской оборонительной стены IV—X вв., перекрытый кладками городской цистерны XIV—XV вв.

ной стены, перекрытой генуэзской цистерной, на цемянке был сложен лишь орфостатный панцирь, а забутовка сделана на зеленоватой плотной глине.

При возведении оборонительных стен Сугдеи 2-й половины IX—X вв. использовались необычные для Таврики приемы кладки. Несмотря на значительную толщину, у них отсутствуют фундаменты, а основания поставлены на довольно рыхлый суглинок. Однако под блоки кладки перпендикулярно укладывались широкие плиты, игравшие разгрузочную и нивелировочную функцию. Этот прием с заменой

Рис. 6. Хазарская оборонительная стена IX – X вв. (куртина XIV).

плит на доски широко применялся при возведении оборонительных стен Маяцкой крепости[14]. Кроме того, на всех участках судакской стены хазарского периода панцири не перевязаны с забутовкой, а лишь примыкали к ней. Швы же между блоками и плитами панцирей тщательно замазывались раствором «под мастерок». В Тав-

рике подобная техника кладки отмечена лишь в оборонительных стенах Мангупа, связываемых А. Г. Герценом с хазарским строительством[15]. Однако за пределами Крыма такие приемы широко применялись в салтовских каменных крепостях Подонья (Маяцкая крепость), на синхронных им городищах Алании и Дагестана (Хумаринское городище), а также на протоболгарских укреплениях Первого Болгарского царства в низовьях Дуная (Преслав, Плиска, Пекуюд луи Соаре)[16]. Все перечисленные памятники объединяет принадлежность родственным культурам, связанным с алано-булгаро-хазарским миром. Об этом же свидетельствуют и находки ремесленных знаков на блоках из оборонительных стен Судакской крепости. В лицевой кладке куртины XV обнаружены две тюркские тамги (в виде трезубца и двучасная), а на вторично использованных блоках в городском некрополе Судак-II (раскопки М. А. Фронджуло 1964 г.) — тюркообразные руны — знак долголетия — и тамга, аналогичная двучастному знаку на блоке из куртины XV. Типологически близкие знаки обнаружены А. Г. Герценом на блоках хазарской стены Мангупа[17] и известны на синхронных ранней стене Сугдеи оборонительных сооружениях Саркела и Плиски[18].

В Судакской крепости оборонительные стены IX—X вв. ограждали территорию более 20 га, что было бы достаточно для расположения среднего приморского города. Однако признаков городской территории на северном склоне горы Дженевез-Кая в хазарский период незаметно. Такие признаки города как упорядоченная квартальная планировка, наличие ремесленных мастерских и внутренний рынок появились здесь лишь после ухода хазар не ранее 2-й половины X в. и были связаны с возрождением византийской Сугдеи. Для хазарского же периода реалией является ограждение мощными оборонительными стенами территории с очень слабой застройкой сельского типа. Та же картина наблюдается и в хазарском Мангупе, где на площади 90 га отмечены лишь несколько комплексов VIII—X вв.[19] Мощность оборонительных сооружений Сугдеи хазарского времени намного превышала потребности огражденных ими протоболгарских поселений в необходимой обороне. Проживавших внутри крепости взрослых мужчин-воинов вряд ли могло хватить для контроля и защиты хотя бы десятой части крепостного периметра. Логичнее предположить, что население крепостей охраняло их лишь в мирное время, а в случае войны здесь могли собираться крупные военные силы, т. е. Сугдея Крымской Хазарии могла играть роль военного лагеря. Сообщения о хазарских укрепленных лагерях можно найти у Марвази и Шукруллы, писавших об устройстве походного лагеря при помощи колов и щитов, перевозимых в походе воинами[20]. Аналогичные лагеря эпохи аваро-византийских войн, по сообщению Феофилакта Симокатты, укреплялись рвами и валами[21]. Подобные лагеря, по Кекавмену, создавались воюющей армией на чужой терри-

тории с враждебно настроенным населением[22]. Их необходимость в Таврике в IX–X вв. была связана с необходимостью удержания в составе Хазарского каганата завоеванных в VIII в. византийских владений и Готии. Население последней, подогреваемое византийским Херсоном и церковью, регулярно восставало, и хазары были вынуждены держать здесь защищенные базы для карательных походов.

На численность хазарских войск в Сугдее указывает ранг находившегося в ней постоянно хазарского наместника, названного в «Житии» Стефана Сурожского «тархан»[23]. По Ибн-Фадлану, тархан у тюрок являлся крупным военачальником (вероятно, командующим крыла), подчиненным только командующему войсками и кагану[24]. Как известно, самым крупным подразделением в тюркском войске, составлявшем основу крыла, был тумен — 10 тыс. всадников. Можно предположить, что Сугдея, во главе которой стоял тархан, предназначалась для развертывания и отдыха хазарского тумена. Ситуация, аналогичная Сугдее, сложилась в хазарский период и в Тмутаракани, этимологию которой М. И. Артамонов выводит из тюркохазарского «тумын-тархан»[25].

Формирование городских кварталов и создание единой системы оборонительных сооружений Сугдеи началось лишь после разгрома Хазарии и окончательного включения Таврики в состав Византийской империи при Иоанне Цимисхие (969—976). В его правление, по Н. Икономидису и Э. Арвейлер, произошло создание фем Понта Эвксинского и Боспора, а также последовавшая за этим передислокация византийского военно-морского флота из Херсона в Сугдею и создание там корабельных верфей[26]. В этот период город приобретает квартальную планировку с двухэтажными домами понтийского типа, а вновь возведенные оборонительные стены разделяют его на пять самостоятельных, но объединенных общей градостроительной идеей участков.

Городской доминантой Сугдеи по-прежнему являлась замковая башня-донжон Кыз-Куле на вершине горы (рис. 3). Ее полный архитектурный облик нам неизвестен. Судя по имеющимся изображениям, она была руинирована до уровня свода первого этажа еще в XVIII в. Башня представляла собой в плане неправильной формы постройку размером 13,25×8,1×6,4×5,83 м, при высоте стен до 5 м. В помещение первого этажа можно было попасть лишь через глухой сводчатый коридор длиной 5 м и шириной 1, 45 м, защищенный с западной стороны дверью с деревянным брусом, который утапливался в противоположных стенах. Помещение первого этажа — сводчатое с профилированными нервюрами, опиравшимися на пилястры в его углах. В восточной стене имелся камин. Между южной стеной коридора и западной стеной башни находится трапецевидное помещение без окон и дверей, в которое можно было попасть лишь со

второго этажа. А. Н. Полканов в 1928 г. видел в нем фреску с изображением Богоматери и на этом основании справедливо предположил, что там была замковая часовня[27]. Судя по архитектуре, замок Кыз-Куле в его настоящем виде не может быть раннесредневековым. Характер сводов и нервюр позволяют говорить о перестройке первоначальной византийской постройки в романскую эпоху. Более точную дату реконструкции замка в настоящее время, ввиду отсутствия раскопок, предложить не представляется возможным.

Между X—XII в. замок Кыз-Куле с северной стороны был защищен дополнительной оборонительной стеной, поставленной на краю гребня и усиленной башенным выступом (башня № 7) и небольшой трехстенной башней с восточной стороны. Башенный выступ прикрывал полутораметровые сводчатые ворота, к которым из Нижнего города вела относительно широкая дорога, укрепленная на крутых склонах каменными крепидами и частично вырубленная в скале.

С восточной стороны к замку Кыз-Куле примыкают каменные дома аристократического Верхнего города, защищенные со стороны северного склона оборонительной стеной с двумя трехстенными башнями — Георгиевской, контролировавшей подходы к воротам, и Угловой (рис. 3), замыкавшей в доордынский период систему городской обороны и включенной в XV в. в комплекс генуэзского консульского замка Санта-Кроче. Оборонительные стены толщиной до 2 м сложены на белом известковом растворе в два панциря из хорошо подобранного плитняка. Культурный слой Верхнего города был уничтожен вдоль всех его куртин без изучения в процессе реставрации, поэтому время возникновения этих оборонительных стен может быть установлено лишь на основании датировки Георгиевской башни. Размеры последней 2,75×3,5×6,3 м. На ее первом этаже имелась привратная часовня, размером 5,1×4,25 м, с циркулярной абсидой, конха которой была украшена фреской[28]. При раскопках этой часовни в 1928 г. в нижнем горизонте заполнения башни были найдены пастовая вставка-литик XII—XIII вв., всевозможная поливная керамика с гравированным орнаментом, а также золотая с эмалью византийская иконка-образок X—XII вв.[29] Все эти материалы могли сосуществовать в одном слое закрытого комплекса лишь в XII в. Таким образом башня Георгиевская и пристроенные к ней две куртины, вероятнее всего, были возведены в XII в. Аналогичные материалы, подтверждающие дату строительства фортификационных сооружений Верхнего города и второго пояса укреплений замка Кыз-Куле, получены нами в 1980 г. в нижнем слое заполнения Безымянной башни № 7.

Фортификационное обеспечение Нижнего города с его торгово-ремесленными кварталами и общественными зданиями осуществлялось хазарскими оборонительными стенами 2-й половины IX—X вв.,

функционировавшими на протяжении всего доордынского периода. Портовые районы Сугдеи в X—XII вв. были укреплены новыми стенами, одна из которых заменила византийскую ограду VII в. в ущелье над слободой, а другая — оградила территорию между восточным обрывом горы Дженевез-Кая и современным рыбколхозом. приблизительно третья часть этой стены в древности шла по гребню каменного мыса к отдельно стоящей небольшой скале, на которой имеются следы каменной постройки, сложенной на известковом растворе. Она, вероятнее всего, была портовой башней. В настоящее время в результате геологических процессов этот участок порта оказался на глубине 2—2,5 м и был обнаружен во время подводной археологической разведки водолазами экспедиции в 1985 г.

В целом площадь Сугдеи, обнесенная оборонительными стенами в X—XII вв., составляла около 50 га. О количественном составе ее населения в доордынский период у нас нет данных. Единственная перепись населения, согласно Судакскому Синаксарю, была произведена 27 апреля 1249 г. после второго опустошительного разгрома города ордынцами[30]. Ф. И. Брун и В. Г. Васильевский показали, что оставшиеся в живых 8300 человек составляли не все городское население, а лишь его боеспособную часть. Исходя из среднестатистических данных демографии, В. Г. Васильевский определил численность населения Сугдеи в 1249 г. в пределах 40 тыс. человек, не считая феодально-подневольного населения городских посадов и рабов[31]. Но даже это, сильно поредевшее в ходе погромов 1223 и 1249 гг. население, ставит Сугдею в один ряд с наиболее цветущими и многолюдными городами Византийской империи. Так, Салоники, второй после Константинополя город Византии, в 1423 г. насчитывал 40 тыс. душ, Пруса — 30, Пера — всего 2, а Трапезунд эпохи расцвета — 4 тыс. жителей[32]. К этому добавим, что византийский Херсон, согласно расчетам А. Л. Якобсона, имел в XII в. около 5 тыс. жителей[33].

Ситуация в Сугдее резко ухудшилась в конце XIII—1-й половине XIV вв. в связи с включением ее в состав улуса Золотой Орды. Раскопки 1985—1988 гг. на северо-восточном участке показали, что куртины XIV—XV, сооруженные хазарами во 2-й половине IX—X в. и использовавшиеся на протяжении всего доордынского периода, были разобраны до основания и на их руинах были возведены ордынская баня с сырцовыми стенами и три постройки, составлявшие ремесленный комплекс карханэ. Западную часть куртины XV перекрыл могильник XIV в. Вероятнее всего, уничтожение внешнего пояса обороны Сугдеи явилось следствием антиордынского восстания, поднятого в Восточной Таврике ее населением в 1307—1308 гг.[34] Тогда же Токтаем были уничтожены деревянные городские стены Кафы, а генуэзцы надолго покинули территорию полуострова[35]. В течение первой половины XIV в. город контролировал-

ся ордынцами. Судя по тому, что еще в 1322 г. всадники Толактемира вошли в Сугдею без боя, «спустили все колокола, и разбили иконы и кресты и двери (храмов) закрыли»[36], город все еще был легкодоступен и не имел укреплений. В 1327 г. Агач Пасли вновь его разграбил и убил митрополита Сугдеи и Фулл, а приемник последнего смог занять престол только спустя несколько лет[37]. По свидетельству Ибн-Батуты, посетившего Таврику в 1334 г., часть города находилась в развалинах, а большое количество его жителей было убито или изгнано [38]. Население начало возвращаться в Сугдею между 1334 и 1358 гг., когда она вновь появляется в документах в качестве торгового порта и станции венецианской торговли в Северном Причерноморье[39]. Однако ее оборона была разрушена до 1380 г. и восстановлена лишь генуэзцами, вошедшими в город в соответствии с генуэзско-ордынскими договорами 1380 г. Время восстановления оборонительных стен устанавливается на основании монет Токтамыша из слоя пожара, уничтожившего баню и карханэ на участке куртин XIV—XV, а также мастерских на участке главных ворот Санта-Элиа.

На первом этапе генуэзцы попытались восстановить раннесредневековую оборонительную систему, используя стены IX—X вв. в качестве фундаментов и полностью повторив их в плане. Расхождение в толщине стен (0,2 м) наблюдается лишь с внутренней стороны куртин, т. е. стены 1380 г. на северо-восточном участке имели толщину 2,5 м. Они сложены в два панциря с забутовкой на белом известковом растворе из вторично использованных блоков хазарской оборонительной стены. Для этих кладок характерна небрежность и отсутствие порядовки. Кладка 1380 г. прослеживается в восточном направлении до башни Коррадо Чикало. К моменту сооружения генуэзской стены между ней и раннесредневековой разобранной кладкой с внутренней стороны последней успел накопиться почти двухметровый культурный слой и поперечная кладка XIV в. лишь в месте стыка «села» основанием на угол кладки предшествующего времени. К югу от угла поперечная куртина сооружалась в неглубокой (около 0,5 м) траншее и выше фундамента сохранилась на высоту до 1,5 м. В XIV в. она шла по направлению к восточной башне в системе Консульского замка (рис. 3) и была разобрана при реконструкции этого участка обороны крепости генуэзцами. В отличие от других стен догенуэзского периода, куртина между башнями № 9 и Коррадо Чикало была поставлена на культурный слой и сложена из бута на известковом растворе. Толщина кладки всего 1,5 м. У ее основания зачищены деревянные антисейсмические связи, характерные для церковной и гражданской архитектуры Сугдеи XIII—XIV вв.

Помимо оборонительных стен на том же участке обнаружены синхронные им трехстенные башни, перекрытые более поздними

конструкциями. Две поперечные стены одной из них раскопаны в 1946 г. Е. Ч. Скржинской в основании Круглой башни, а западная стена другой — зачищена нами в 1980 г. в нижнем горизонте башни Флиско Лавани 1409 г. Оба сооружения в XIV в. фланкировали 90-метровую куртину (рис. 3), излишняя протяженность которой делала ее центр уязвимым при штурме. Он находился на пределе убойной силы стрелы лучника из башни. По-видимому, это же соображение вынудило генуэзцев построить в конце XIV—XV вв. новую промежуточную трехстенную башню № 3 (рис. 3).

Еще одна трехстенная башня догенуэзского периода — Безымянная башня № 5 — раскопана в 1979—1985 гг. близ Главных городских ворот (рис. 3,7). Она сохранилась до уровня перекрытия амбразур первого этажа; выше башня была разобрана в XIX в. при строительстве поселка. Внутренние размеры башни 5,16×5,06× ×4,66 м при толщине стен 1,6 —1,7 м. Она возведена на краю оврага и опиралась фундаментом на материковый сланец. Ее высота со стороны северного фасада около 6 м. С внутренней южной стороны под стены башни произведена подсыпка до 4 м по вертикали. В каждой из стен башни № 5 были прорезаны по две щелевые амбразуры для лучников. В отличие от амбразур XV в., сооружавшихся для стрельбы из арбалетов и имевших ассиметричные откосы, амбразуры башни № 5 — симметричны. Они были заложены в конце XIV в. генуэзцами при переносе оборонительной стены между этой башней и привратной башней Якобо Торселло 1385 г. на 3 м к северу на край оврага. Трехстенные башни XIV в. типологически близки башням X—XII вв. (Георгиевской и № 9), что дает основание говорить о неизменности их планировки и основных конструкций с доордынского времени. Генуэзцы лишь восприняли традиционный тип башни, приспособив его для решения современных тактических задач, связанных с появлением новых видов оборонительного и наступательного вооружения.

Не будем останавливаться на анализе генуэзской фортификации Сугдеи, вошедшей в состав Генуэзской Газарии в 1365 г. под названием крепости Солдайя. Стены и башни этого периода, надежно датированные геральдическими плитами со строительными надписями, подробно рассмотрены в специальной и краеведческой литературе. Необходимо лишь отметить, что, исключая какие-то эпизодические работы консула Леонардо Тартаро в 1371 г.[40], планомерная перестройка оборонительных сооружений Солдайи была начата лишь в 1381 г. строительством консулом Рафаэле Ультрамарино большой (по нашему мнению, привратной) башни и примыкающей к ней куртины, длиной 72 голда (около 54 м)[41] и завершена в 1414 г. Бернабо ди Франки ди Пагано возведением подъемного моста Консульского замка Санта-Кроче[42]. При строительстве Главных городских ворот Санта-Элиа в 1380 —1381 гг. были снесены ремесленные

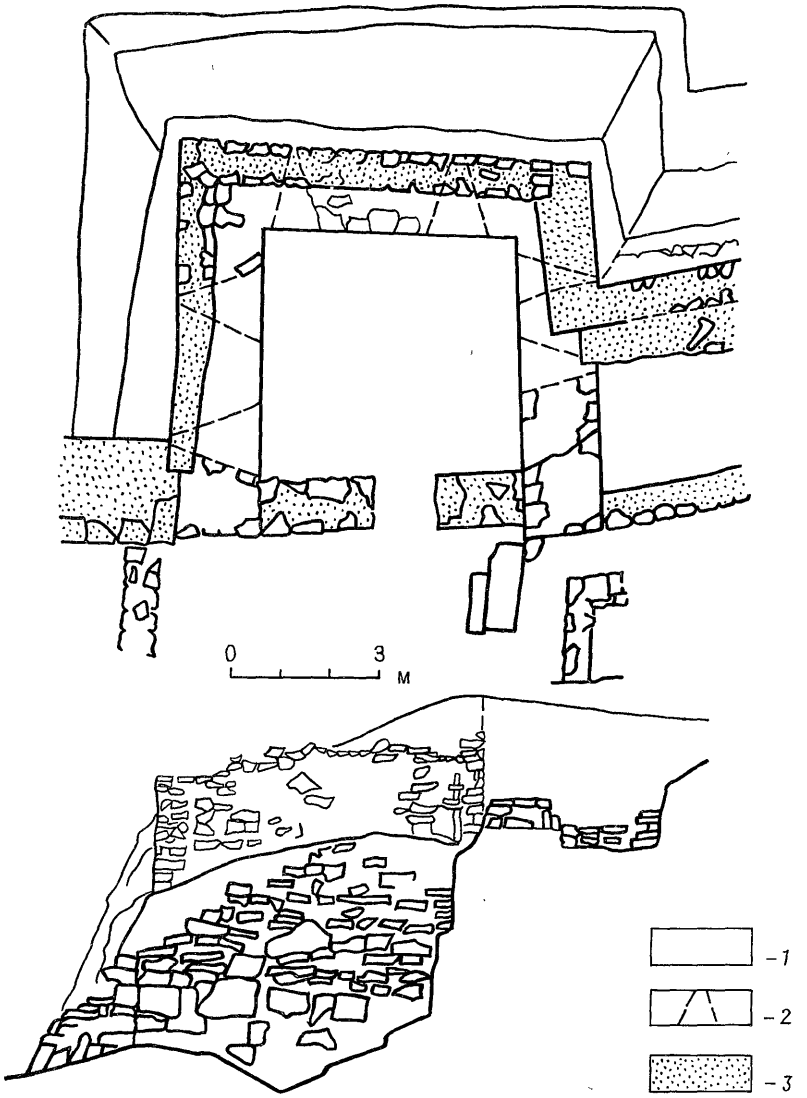


Рис. 7. Безымянная башня № 5 на западном участке обороны Нижнего города.

1 — кладки византийского периода; 2 — заложенные амбразуры византийского периода; 3 — кладки генуэзского периода.

мастерские и лавки византийского торгово-ремесленного квартала, сформировавшегося еще в X—XII вв. Этот квартал был сожжен, оче-

видно, карательной экспедицией генуэзцев в 1380 г., дату дают монеты хана Тохтамыша. Подобные акции были направлены на низведение Солдайи до уровня рядовой крепости, что соответствовало политике генуэзской администрации колонии.

Использовав фундаменты стен XIV в., генуэзцы реконструировали фортификационные сооружения своих предшественников. При этом, толщина стен и башен была уменьшена ими до 1,6—1,7 м, а в трехстенных башнях традиционного типа появились асимметричные щелевые амбразуры для арбалетчиков. Собственно генуэзскими в Солдайе являются лишь главные ворота Санта-Элиа, возведенные в 1381—1389 гг. (рис. 8). Консульский замок Санта-Кроче, башня

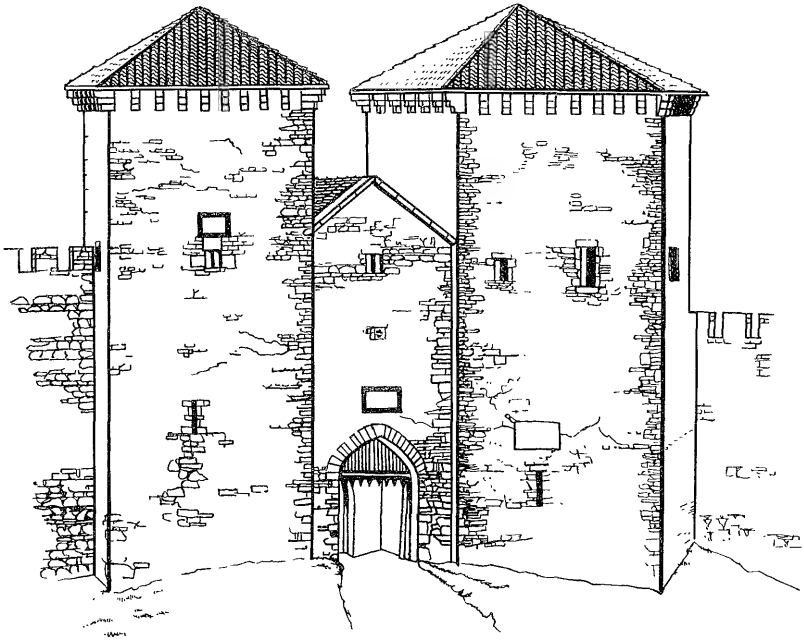


Рис. 8. Реконструкция северного фасада главных ворот Санта-Элиа

закрытого типа с коробовым перекрытием и подпружной аркой, построенная при консуле Флиско Лавани в 1409 г., и являющаяся уменьшенной копией донжона Консульского замка, а также участок оборонительной стены с двумя башнями над восточным обрывом близ общественного купольного здания XV в., являющегося, по нашему мнению, зданием генуэзской лоджии (ратуши)[45]. В этих памятниках исследователи справедливо находят черты западно-европейского зодчества XIV—XV вв. и не без основания связывают с

инженерной мыслью генуэзских фортификаторов. В остальном же фортификационный ансамбль генуэзской Солдайи сохранил облик поздневизантийского города.

Литература

[1] Секиринский С. А. Очерки истории Сурожа. Симферополь, 1955. С. 31—58, 63—72.

[2] Stringa P. Genova e la Liguria nel Mediterraneo insediamenti e culture urbane. Genova, 1982. P. 378—382; Balard M. Les Gènois en Crimèe aux XII—XIV siècles//Arxeion Pontoy. Athnai, 1979. P. 208; Balard M. La Romanie Gènoise (XII — debut du XV siècle)//ASLSP. Nuova Serie. V. 18 (52). Fasc. I. Genova, 1978. P. 159—160.

[3] Опочинская А. И. Судакская крепость//Архитектурное наследство. 1986. № 34. С. 255—265.

[4] Nystazopoulou M. 'Η'εν τη Ταυρικῆ Χερσόνησω Πόλις Σουγδαια Athenes. 1965. P. 54.

[5] Материалы раскопок А. А. Фомина неопубликованы, а их отчеты и полевые материалы не сохранились. Информацию о раскопках см.: Готье Ю. В. Археологические работы в Судаке//Новый Восток. 1928. № 20—21. С. 501; Секиринский С. А. Указ. соч. С. 68; Фронджуло М. А. Раскопки Судакского отряда//АО—1973. М., 1974. С. 354; Он же. Раскопки в Судаке//АО—1974. М., 1975. С. 306.

[6] Баранов И. А. Сугдея в VII—XIII вв. (К проблеме формирования средневекового города)//Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 53—54.

[7] О плитовых могилах в Крыму см.: Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского//Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 154.

[8] Баранов И. А. Комплексы с амфорами середины VII в. в Крыму и на Тамани//Доклад на Всесоюзном симпозиуме в Ленинграде (Государственный Эрмитаж, март 1974 г.), посвященном проблемам хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья; Он же. Памятники раннесредневекового Крыма// Археология Украинской ССР. Киев, 1986. С. 237.

[9] Czelebi E. Sejahatnamesi. Ksiega podrozy Ewliji Czelebiego. (Wybor). Warszawa, 1969. P. 311.

[10] Фронджуло М. А. Дослідження в Судаку//Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип. IV. С. 264.

[11] Фронджуло М. А. Работы Судакского отряда//Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971. Вып. II. С. 256—259.

[12] Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке//СА. 1940. № 4. С. 190—204.

[13] Баранов И. А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма//Плиска-Преслав. Вып. 2. София, 1981. С. 57—59.

[14] Афанасьев Г. Е. Исследования южного угла Маяцкой крепости//Маяцкое городище. М., 1984. С. 36.

[15] Герцен А. Г. Система оборонительных сооружений Мангупа. Автореф. канд. дис. Л., 1984. С. 8—9.

[16] Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 г.// Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкасск, 1979. С. 27—51; Они же. Раскопки Хумаринского городища в 1976 г.//Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979. С. 14—30; Овчаров Д. Византийски и български крепости V—X век. София, 1982. С. 136—144.

[17] Герцен А. Г. Система оборонительных сооружение Мангупа. Автореф. канд. дис. Л., 1984. С. 83—84, 86. Рис. 37.

[18] Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону//ИГАИМК,

1932. № 131. С. 38—39; Шкорпил К. Знаки на строительных материалах. Материалы для болгарских древностей Абобы-Плиска//ИРАИК. 1905. Т. 10. Табл. 1, 57.

[19] Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чореф М. Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро//Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 128—129.

[20] Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. С. 222.

[21] Симокатта Ф. История/Вст. ст. В. Н. Пигулевской. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957. Гл. VI, I.

[22] Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века/ Подготовка текста, введение, пер. и ком. Г. Г. Литаврина. М., 1972. Гл. 1. § 13.

[23] Васильевский В. Г. Введение в Житие св. Стефана Сурожского//Труды. Т. 3. Пг., 1915. С. 257—259.

[24] Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. § 32.

[25] Артамонов М. И. История хазар. Л., 1964. С. 431.

[26] Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VII—XV siècles. Paris, 1966. P. 438; Oikonomidès N. Les Listes de prèsèance Byzantines des IX et X siècles. Paris, 1972. P. 269.

[27] Полканов А. Н. Судак. Историко-краеведческий очерк. Симферополь, 1975. С. 60.

[28] Секиринский С. А. Указ. соч. С. 71.

[29] Вторая конференция археологов в Херсонесе в 1927 г. С. 491.

[30] Nystazopoulou M. Op. cit. P. 64—65.

[31] Васильевский В. Г. Введение... С. 177.

[32] Nystazopoulou M. Op. cit. P. 64.

[33] Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 82.

[34] Nystazopoulou M. Op. cit. P. 43.

[35] Balard M., Veinstein G. Continuite ou changement d'un paysage urbain? Caffa Genoise et Ottomane//Le Paysage urbain au Moyen Age. Lyon, 1981. P. 84.

[36] Nystazopoulou M. Op. cit. P. 45.

[37] Ibid. P. 45.

[38] Ibid. P. 46.

[39] Ibid. P. 49—50.

[40] Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies Genoises en Crimee (Theodosie, Soudak, Balaklava)//ASLSP. V. 56. Genova, 1928. P. 107.

[41] Balard M. Op. cit. P. 159.

[42] Skrzinska E. Op. cit. P. 119.

[43] Баранов И. А. Судакская «капелла». Датировка и атрибуция//Республиканская конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов. Ереван, 1982. С. 275 276.

В. П. Кирилко

Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция

Укрепление Фуна было выстроено в XIV в. князьями Феодоро на границе мангупских и генуэзских владений и являлось важным стра-

тегическим пунктом княжества, контролирующим главный путь из степной части полуострова к морю. Его наименование исследователями принято условно по названию располагавшегося рядом средневекового поселения Фуна — греческих и Fonna — генуэзских источников. В научной литературе изредка также употребляется термин «Демерджинское укрепление», связанный с поздним татарским наименованием этого селения, которое ныне не существует. В настоящее время руины укрепления находятся в 2 км к северу от села Лучистого Алуштинского района на небольшой скальной возвышенности у западного подножия горного массива Демерджи. С севера, востока и запада она была защищена оборонительными стенами толщиной 1,6—2,7 м. С юга доступ на территорию укрепления преграждал скальный обрыв высотой 5—7 м и навалы каменных глыб. Наибольшая протяженность крепостной площадки: с севера на юг — 106 м, с востока на запад — 56 м. Площадь крепости составляет 0,52 га. Церковь располагалась в восточной части укрепления и являлась одной из доминант комплекса. Ее размеры: длина — 14,40 м, ширина — 6,8 м, реконструируемая высота (до конька крыши) — около 9 м.

В средневековой архитектуре Крыма большое распространение получил тип маленького однонефного одноапсидного храма с прямоугольным планом. Небольшой размер и архитектурная простота вполне соответствовали скромности их ктиторов. Как правило, все они однотипны и отличались лишь отдельными конструктивными или архитектурными деталями.

Особое место среди храмов этого типа занимает надвратная церковь укрепления Фуна. Ее необычное объемно-плановое решение уже с начала XIX в. стало объектом пристального внимания многих исследователей. Этот интерес объясняется сохранностью строения — до 1778 г. церковь была действующей. После отселения христиан из Крыма, храм в более — менее удовлетворительном состоянии сохранялся до конца прошлого века, после чего начал быстро разрушаться. Значительно строение пострадало во время землетрясения 1927 г. Тогда рухнули сильно обветшавшие кровля и верхний этаж. В результате этого безвозвратно были утрачены многие декоративные элементы, а сами руины жителями близлежащих деревень превращены в каменоломню.

Исследования этого времени ограничивались лишь кратким описанием, в лучшем случае с рисунками или чертежами, в основном схематичными и не всегда верными[1]. Ученые и путешественники определяют храм как греческий. Очевидно, это связано с греческим населением деревни. Попытки определить государственную или этническую принадлежность, а также время его строительства не предпринимались. Только отдельные исследования содержат некоторые материалы для атрибуции и датировки строения.

Наиболее полное изучение памятника было предпринято А. Л. Бертье-Делагардом в конце XIX в. Он исследовал церковь в 1889 г. Ученый выполнил обмер строения и архитектурных деталей, а также ее фотофиксацию[2]. Особый интерес представляют материалы, посвященные храму. Ссылаясь на генуэзские источники, ученый связывал строительство укрепления и церкви с именем феодала Дербиберди, владевшего этими местами в середине XV в. При этом А. Л. Бертье-Делагард указывает на его армянское происхождение — Тер бей Бедрос, а также на «турецко-армянский» характер орнамента архитравной плиты входа (рис. 9) и «явно армянский стиль» церкви[3].

В 1964 г. началось археологическое исследование укрепления. Разведочные работы здесь провел О. И. Домбровский. От датировки и атрибуции храма он воздержался. В конструкциях же и орнаментах строения он отметил «наличие армяно-малоазийских и восточно-византийских элементов». Само укрепление им определялось как укрепленный монастырь, следовательно, и церковь предполагалась монастырской[4].

Спустя два года О. А. Махнева и К. К. Когонашвили для более углубленной разведки, наряду с раскопками могильника, заложили шурф в северо-западном углу церкви. На основании данных археологического исследования и анализа исторических событий они датировали строительство храма концом XIII в.[5] По мнению исследователей, первоначально храм был значительно больших размеров, а известный нам облик получил в XVII—XVIII вв. после перестройки с использованием остатков старой постройки. В архитектуре укрепления церкви О. А. Махнева и К. К. Когонашвили отмечают «сочетание романских форм с декоративной отделкой и орнаментикой так называемого сельджукского стиля»[6].

Совершенно противоположным было заключение А. Л. Якобсона. Он определил церковь как позднюю постройку XVII в., «эклектически сочетающую в себе различные местные и малоазийские элементы в позднейшей переработке». Этой дате, по его мнению, не противоречит и архитектурный декор строения, представляющий собой «позднейшие реминисценции крымской орнаментики». В вопросах атрибуции храма А. Л. Якобсон категоричен, считая, что «абсолютно ничего армянского и византийского в здании и его декоре нет»[7].

Началом всесторонних исследований памятника стали археологические раскопки, возобновленные в 1980 г. Горно-Крымской экспедицией ОАК ИА АН УССР под руководством В. Л. Мыца*. Проведенные раскопки позволили существенно уточнить время существования и характер укрепления, определить особенности его фортифи-

---

* Пользуясь случаем, выражаю благодарность В. Л. Мыцу, любезно предоставившему для работы материалы археологических раскопок.

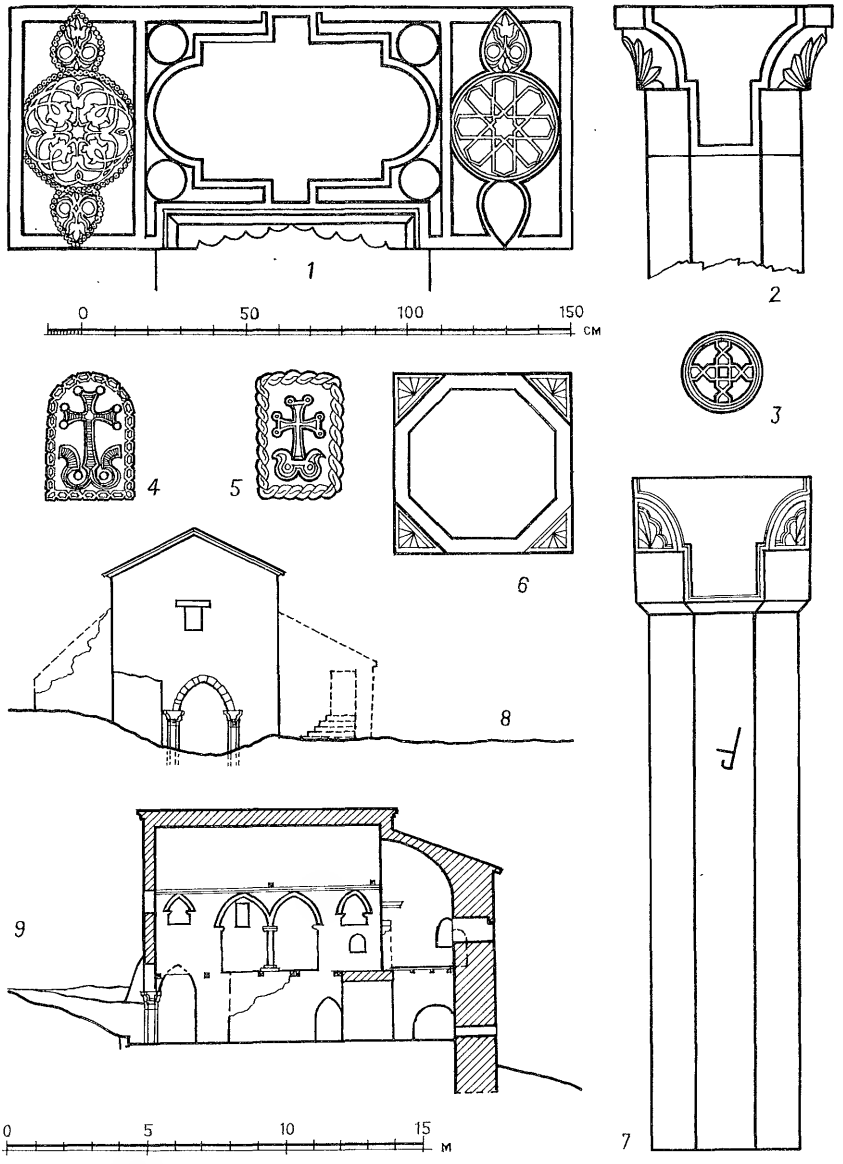


Рис. 9. Западный фас и продольный разрез храма. Архитектурные детали. 1 — архитравная плита южного входа; 2 — капитель; 3 — розетка; 4, 5 — процветший крест; 6 — план капители (реконструкция); 7 — капитель (реконструкция) и колонна западного входа; 8 — западный фасад; 9 — продольный разрез. (1, 2, 3, 8, 9 — по А. Л. Бертье-Делагарду, 4 — по Ф. Дюбуа де Монпере, 5 — по Д. М. Струкову, 6, 7 — по В. П. Кирилко).

кационных сооружений и частично внутрикрепостной застройки. Исследования еще не завершены, но уже получен значительный материал, позволяющий более определенно говорить о датировке надвратной церкви укрепления и ее этнической принадлежности.

Археологические раскопки показали, что на протяжении всего существования крепость неоднократно перестраивалась. В связи с этим уникальной находкой стала мощная известковая плита с четырехстрочной греческой надписью, датированной 1459 г. Судя по всему, плита помещалась над входом в донжон и связана с его постройкой. Архитектурно-технологический анализ кладок укрепления позволил выделить и другие сооружения, выстроенные одновременно с донжоном. В их число входит и надвратная церковь, время строительства которой теперь можно определить также 1459 г. Эта датировка не противоречит материалам археологических исследований.

К началу раскопок 1980 г. над поверхностью земли возвышалась только часть апсиды, сохранившейся до основания конхи. Археологические исследования позволили проследить архитектонику нижней части стен и ее связь с особенностями строительной техники и архитектурных форм храма вообще. Церковь была выстроена над входом в укрепление, удачно включив в конструкцию стен первого этажа ранее существовавшие на этом месте кладки. В качестве апсиды использовались надстроенные руины полукруглой входной башни. При их реконструкции и надстройке сохраняются первоначальные вход, а также бойница у входа, позволяющая, как и прежде, использовать нижний этаж в боевых действиях. Второй этаж, где был устроен алтарь, к ведению боя был совершенно не приспособлен. Отдельные исследователи, как существенный факт, отмечали включение церкви в оборонительную систему укрепления[8]. На самом деле устройство храма значительно ослабило восточную линию обороны. Церковь не только прервала сообщение вдоль крепостной стены, но и создала значительное непростреливаемое пространство. Это прекрасно понимали и ее строители. Сразу же после возведения храма они попытались устранить «мертвую зону». С севера к апсиде пристраивается дополнительная мощная оборонительная стена толщиной около 3 м. С юга по той же линии вдоль существующей крепостной стены основание утолщается, верхняя грань его скошена. Такая конструкция могла противостоять тарану и обеспечивала отбрасывание рикошетом камней, сбрасываемых со стены. В результате этих дополнений ранее выступавшая апсида оказалась почти полностью утопленной в новую линию обороны, что усиливало оборону участка. Включение церкви в систему обороны не было связано с усилением обороноспособности укрепления. Культовых построек на этом месте раньше также не существовало. Следовательно, мотивы строительства храма в нашем случае должны быть другими.

Церковь укрепления имеет двухъярусную композицию - явление не только единственное в средневековой архитектуре Крыма, но и уникальное в византийском строительстве. В то же время большое количество двухэтажных храмов известно на Балканах и Кавказе[9]. Особенно они характерны для Армении, где появляются уже в раннехристианский период[10]. По мнению С. С. Мнацаканяна, этажные культовые постройки являются традиционной формой средневековой архитектуры Армении и связаны с канонами армянской церкви. В отличие от Византии и Сирии, где захоронение видных представителей светской власти и духовенства разрешалось совершать в храмах или притворах, армянская церковь категорически запрещала подобные захоронения внутри культовых построек[11]. По всей видимости, это обстоятельство и определило появление своеобразного решения армянских двухэтажных церквей, нижний этаж которых служил гробницей, а сам храм воплощал идею мемориала. Подобное решение нашло отражение и в надвратной церкви укрепления Фуна. Археологи за последние годы обнаружили в южной части нижнего этажа аркосолий с погребальной камерой, поврежденной при разрушении крепости (рис. 10). Захоронение не сохранилось, но связь его с постройкой храма в столь неудобном месте несомненна.

Участие армянских мастеров в возведении храма известными письменными источниками не отмечено, но выполненный архитектурный анализ позволяет выделить ряд особенностей сооружения, не характерных для греческой и генуэзской архитектуры, но соотносимых с армянским зодчеством. При этом реконструкция первоначального плана храма не представляет особых затруднений. Архитектурно-археологическое исследование позволило установить, что за время своего существования здание перестраивалось незначительно, без особого изменения объемно-планового решения. Известные обмеры и архивные фотографии в целом зафиксировали первоначальное состояние основного объема и дают достаточное представление о его архитектонике (рис. 10,9). Отметим лишь некоторые архитектурно-конструктивные элементы, имеющие значение для атрибуции храма.

Декоративное убранство строения скромное. Внешние поверхности стен гладкие, без украшений, что подчеркивает строгость и монументальность объемных масс здания. Незначительный декор экстерьера акцентирует главные входы в храм — западный и южный.

Западный вход выполнен в характерных для армянской архитектуры формах (рис. 9). Для архитектурного решения входа использованы две восьмигранные колонны со сталактитовыми капителями. Они поддерживают стрельчатую арку из туфовых блоков. Стрела подъема по обмерным данным А. Л. Бертье-Делагарда составляет около 0,95 м. При этом реконструируемая высота входа равняется 2,50 м, при ширине — 1,82 м. Колоннам приданы сильные призе-

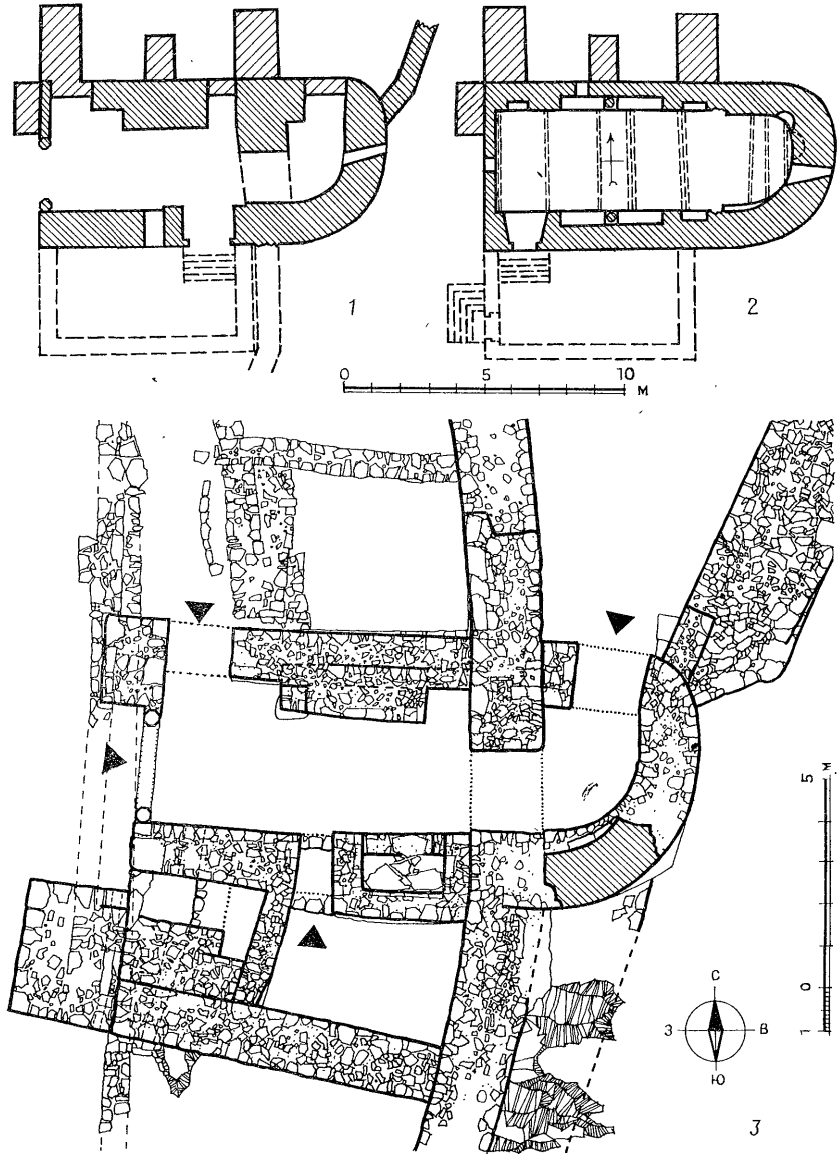


Рис. 10. Планы надвратной церкви укрепления Фупа.
1 — план нижнего этажа; 2 — план верхнего этажа (по А. Л. Бертье-Делагарду); 3 — совмещенный план (по В. П. Кирилко).

мистые пропорции. Их размеры: высота — 1,63 м, толщина — 0,45 м, ширина грани — 0,18 м. Колонны обрамляют проем и в конструктивном отношении, имея одинаковую с кладкой западной стены толщину, мало чем отличаются от пилястр. Над поверхностью стены незначительно выступали лишь капители. Они неоднократно исследовались и обмерялись, но, к сожалению, в настоящее время известно только одно их изображение (рис. 9).

Впервые рисунок капители выполнил в 1821 г. художник Паскаль, сопровождавший академика Кёлера в его путешествии по Крыму. Но еще в XIX в. он был утерян и его местонахождение до сих пор неизвестно[12]. В 1889 г. капитель in situ была обмерена А. Л. Бертье-Делагардом. Обмерный чертеж не совсем точен. Это подтвердили недавно обнаруженные обломки одной из этих капителей. Архитектурный анализ фрагментов позволил выполнить реконструкцию капители, которая заметно отличается от обмера ученого (рис. 9).

После разрушения храма в 1927 г. капитель длительное время считалась утерянной. Только в 1947 г. между раскатами камня она была обнаружена Е. В. Веймарном. Им выполнены 3 фотографии (сохранились лишь нечеткие контрольные отпечатки размером 24×35 мм) и схематичный рисунок с проставленными основными размерами. Поскольку ученый не имел возможности доставить деталь в музей, капитель вновь была спрятана между камнями[13].

В 1966 г. капитель была повторно открыта О. А. Махневой. Ее местонахождение, определенное предыдущим исследователем, стало причиной ошибочного заключения о вторичном использовании этой капители в качестве строительного камня при перестройке церкви[14].

К сожалению, К. К. Когонашвили и О. А. Махнева эту интересную архитектурную деталь своевременно не зарисовали и не сняли. Впоследствии капитель кем-то была сброшена с обрыва, после чего удалось собрать только незначительную часть ее фрагментов.

Капитель представляет собой кубической формы квадр размером 0,54×0,54×0,41 м. Нижняя ее часть обработана под восьмигранник. Переход от квадратного основания к октогональному осуществляется посредством дуговидных угловых срезов. Место среза украшено стилизованным листом аканта. Все лицевые поверхности капители по периметру вдоль ребер (исключая верхнее) на расстоянии 1 см оконтурены бороздкой треугольного сечения. Ее ширина составляет 0,8—1 см, глубина — около 0,5 см. Такую же бороздку в 0,8 см от края имеют и боковые грани акантовых листков. Переход капители к колонне осуществлен срезом фаски под углом в 45° высотой в 3 см.

Эта капитель была определена О. А. Махневой как «типичный и широко распространенный поздневизантийский вариант коринфской капители»[15]. Интерпретирование не совсем верно. Подобные

капители со срезанными углами являются характерной формой армянского зодчества. Это подтверждается рядом аналогов, как в самой Армении (звонница гавита Ованнаванка XIII в., Ахпатский источник XIII в., церковь Богородицы XIV в. и др.), так и в армянских средневековых постройках Кафы (церковь Сергия XI—XV вв., гавит церкви Иоанна Богослова XV в., лапидарный фонд Феодосийского краеведческого музея). Убедительным доказательством их армянского происхождения стала строительная метка на южной колонне входа (рис. 9), обнаруженная В. Л. Мыцом при археологическом исследовании храма. На боковой грани, обращенной к стене, вырезан знак мастера «Ի», представляющий собой букву армянского алфавита. Его размер — 11,5×4,5 см, ширина и глубина бороздки треугольного сечения — 0,3 см. Место расположения знака и характер исполнения исключают возможность его более позднего, случайного появления.

Иначе решен южный вход. В церквах Армении южный вход (при наличии западного) нередко считался главным и отделывался богаче[16]. Нечто подобное наблюдаем и в нашем случае. Дверной проем с лицевой стороны был перекрыт изысканно декорированной архитравной плитой (рис. 9). Ее орнамент А. Л. Бертье-Делагард определил как армянский. Богато декорированная плита в некоторой степени противоречит дверному проему, выложенному из блоков известкового туфа без какого-либо намека на наличник. Определенное несоответствие гладкой поверхности фасада и высококачественной резьбы плиты входа говорит о вероятности ее вторичного использования. В то же время находка вышеупомянутой строительной надписи донжона, которая является высокохудожественным образцом камнерезного искусства, не исключает возможность специального изготовления для этого храма архитравной плиты.

С южным входом связывается рельефное изображение креста, имеющее особое значение для атрибуции церкви. Сам рельеф не сохранился, и его вид известен только благодаря работам Ф. Дюбуа де Монпере и Д. М. Струкова[17] (рис. 9). Их рисунки заметно различаются, но в целом дают достаточное представление о рельефе и его композиции. Длительное время спорным оставался вопрос расположения этого креста. На рисунке французского исследователя он помещен на плите, перекрывающей дверной проем южного входа. В 1889 г. А. Л. Бертье-Делагард тщательно обследовал эту плиту[18], но средняя ее часть, где, по данным Ф. Дюбуа де Монпере, предполагался крест, оказалась чистой и гладкой, без явных следов отески. Д. М. Струков же, видевший последним этот крест в 1876 г., в своей публикации его описания не дает. В связи с этим А. Л. Бертье-Делагард высказал предположение, что крест счистили между 1876 и 1889 г.

Только недавно в архиве ЛОИА АН СССР удалось обнаружить

дневниковые записи Д. М. Струкова, позволившие уточнить расположение креста. Он был установлен в «нише оградной стены храма», т. е. не имел никакого отношения к архитравной плите входа[19]. Рельеф выступал самостоятельным декоративным элементом. Основой его композиции является большой процветший крест в плетенной рамке. Анализ иконографической схемы позволяет определить его как хачкар. Этот рельеф имеет традиционную для армянских хачкаров слегка упрощенную композицию проросшего из зерна креста с пальметочным основанием. В качестве хачкара могла выступать также и резная розетка (рис. 9) с геометризированным изображением креста, помещенная в стене над архитравной плитой входа.

Армянская архитектура в средневековом строительстве Крыма получила специфически крымское провинциальное преломление, став при этом самобытным явлением[20]. В значительной мере это зависело от строителей, особенно каменщиков, не всегда армян по происхождению. В требованиях же ктиторов, желавших видеть у себя именно армянский храм, учитывался этот фактор и, обыкновенно, не шли дальше собственно архитектурной композиции. Нечто подобное мы видим в нашем случае. Приняв за основу композицию двухэтажного храма-мартирия и используя характерные армянские формы, само здание все же выстраивают в обычной для того времени технике — из бутового с лицевой подтеской камня на известковом растворе. В то же время достаточно отчетливо, хотя и несколько рудиментарно, в архитектонике храма проступают черты собственно армянской строительной техники. Судя по архивным фотографиям.1889 и 1911 гг., а также материалам анализа архитектурных деталей из слоя завала храма, кладка стен второго этажа (кроме апсиды) внутри и снаружи облицована блоками известкового туфа. Обработка лицевой поверхности камня тщательная и первоначально не предполагала оштукатуривание, что значительно роднит постройку с храмами Армении. Использование известкового туфа в средневековом строительстве Крыма — явление частое. Этот легкий камень почти повсеместно применялся для выкладки арок и сводов. Но стены при этом, как правило, клались из более прочного материала.

Необычным является и кровельное покрытие храма. Строение было крыто каменной черепицей из тщательно обработанных плит известняка. Размер черепицы — 0,70×0,50×0,10 м. Плиты уложены непосредственно на бетонную забутовку, заполнявшую пространство между кровлей и конструкцией сводчатого перекрытия строения. Соединение черепицы друг с другом производилось: по скату — посредством четверти, скрытой в толще плиты, по горизонтали — внахлестку. Кровля из каменной черепицы в крымской средневековой архитектуре — явление редкое и известно только на армянских постройках.

Отмеченный исследованием значительный армянский компонент в архитектуре надвратной церкви укрепления Фуна позволяет считать эту постройку армянской, выполненной при непосредственном участии армянских мастеров в 1459 г.

Литература

[1] См.: Кеппен П. И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Спб., 1837. С. 17—19, 115; Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, ches les Tcherkessus et les Abkhases, en Colchide, end Georgie en Armenie, et en Crimee. Paris, 1843. V. 5. P. 433; Atlas, 2 série. Pl. 46. 3 série. Pl. 20, 28; Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Спб., 1875. Т. 15. С. 122; Сорокин М. А. Метрика для получения верных сведений о древнеправославных храмах божьих, зданиях и художественных предметах. 1887//Архив ЛОИА АН СССР, П — 3, арх. № 5962, р. 4, п. 52; О собрании сведений о преданиях и рассказах о старинных погребениях, лехах, подземных ходах, пещерах, разбойничих кладах и колодцах, существующих в народе. 1914//ГАКО, ф. 39. оп. 1, д. 60, л. 41 об.; др.

[2] Архив Крымского областного Краеведческого музея, фонд А. Л. Бертье-Делагарда, д. 14, л. 31, 32; Предметом особого внимания исследователя стала история Фуны. См.: Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде//ИТУАК. 1920. № 57. С. 2, 5—11.

[3] Бертье-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро//ИТУАК. 1918. № 55. С. 25—26.

[4] Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского побережья//ФТ. Киев, 1974. С. 44.

[5] Когонашвили К. К., Махнева О. А. Алустон и Фуна. Симферополь, 1971. С. 82.

[6] Когонашвили К. К., Махнева О. А. Средневековая Фуна//ФТ. Киев, 1974. С. 116—118.

[7] Якобсон А. Л. Рецензия на книгу: Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. 216 с.//ВВ. Т. 38. С. 198, 202.

[8] Бертье-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро. С. 26; Когонашвили К. К., Махнева О. А. Средневековая Фуна. С. 118.

[9] Грабар А. Болгарские церкви-гробницы//ИБАИ. 1921—1922. Вып. 1, С. III; Брунов Н. К вопросу о болгарских двухэтажных церквах-гробницах// ИБАИ. 1926—1927. IV. С. 135—144; Бобчев С., Диколов Л. Бачковската костница. София, 1960; Стойков Г. Архитектурни проблеми на Боянската църква. София, 1965; Чанева-Дечевска Н. Архитектурни особености на църквите със стегнат кръст от периода на развития феодализъм в България// Изследвания върху архитектурата на Българското средневековие. София, 1982. С. 138. Автор высказала предположение о кавказском влиянии на появление двухэтажных храмов на Балканах; Юрдеев Д. П. К вопросу изучения двухэтажных грузинских культовых сооружений//Бюллетень Кавказского историко-археологического института. I, 1930. № 6. С. 3; Халпахчьян О. Х. Архигектура Армении// ВИА. Т. 3. С. 260—261; др.

[10] Мнацаканян С. С. Композиция двухъярусных мартириумов в армянском раннесредневековом зодчестве//Историко-филологический журнал, 1976. Кн. 4(75). С. 213—230.

[11] Там же. С. 214.

[12] О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных//ЗООИД. Одесса, 1872. С. 391;

[13] Веймарн Е. В. Дневник археологических работ Бахчисарайского горного отряда Тавро-скифской экспедиции ИИМК АН СССР и ГМИИ им. Пушкина. 1917.// Архив ОАК ИА АН УССР, Шифр А № 1/3, 1957. С. 21—22; фото № 170—172.

[14] Когонашвили К. К., Махнева О. А. Алустон и Фуна. С. 80.

[15] Там же.
[16] Токарский Н. М. По страницам истории армянской архитектуры. Ереван. 1973. С. 18.
[17] Dubois de Montpéreux. F. Voyage., Atlas. Pl. 20. Fig. 6; Струков Д. М. Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876. С. 3.
[18] Бертье-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро. С. 25.
[19] Струков Д. М. Отчет о поездке в Крым в 1871 г.//Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35 /1872, л. 12.
[20] Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму//ВВ, VIII. М.; Л., 1956. С. 166—191; Он же. Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму//Историко-филологический журнал. Ереван, 1964. № 4. С. 230—235; Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма (XIV -XVII вв.). Ереван, 1978; др.

М. В. Горелик,
Н. М. Фомичев

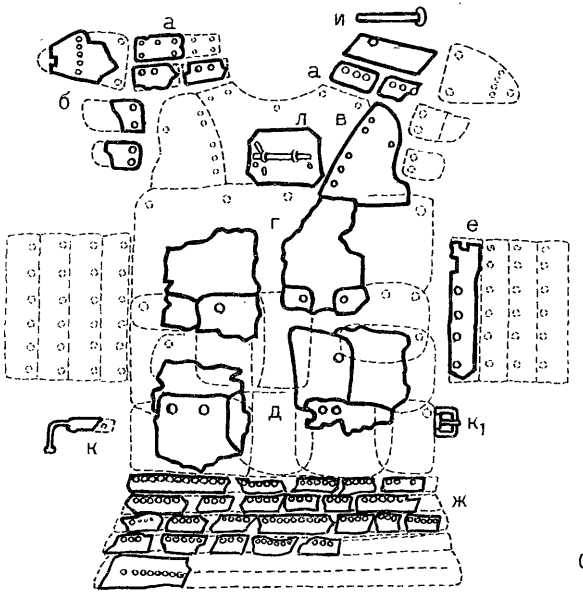
Рыцарские доспехи XIV века из Азова

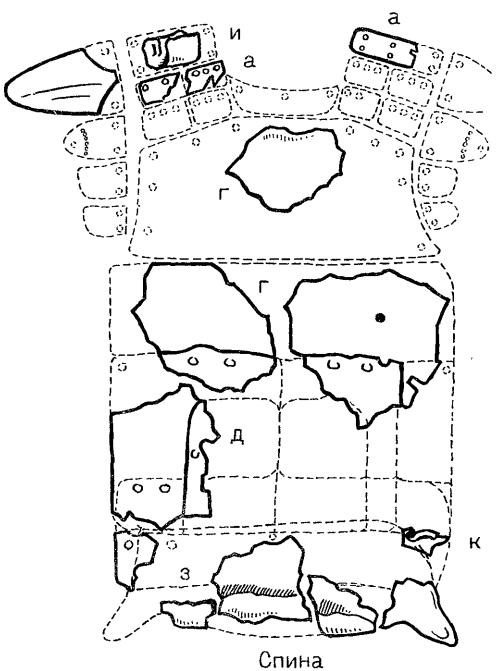
В 1979 г. в Азове при раскопках жилища золотоордынского времени, погибшего в результате пожара, был обнаружен компактной массой комплект железных предметов, составлявших защитные доспехи воина, и снаряжение его коня. Датировка джучидских монет позволяет предположить, что это жилище — земляночного типа, сгорело во время разгрома Азака Тамерланом в 1395 г.[1]

В этом комплекте находок нами выделяются два предмета защитных доспехов — панцирь и наножник (или наруч).

Пластины и другие железные детали панциря имеют различную форму, так что может возникнуть мысль о том, что это остатки нескольких панцирей (рис. 11). Но, учитывая сложность конструкции доспехов XIV в., можно предположить, что все детали относятся к одному панцирю (рис. 12).

Первая группа деталей — прямоугольные пластины (а), длиной около 5—9 см, с большими плоскими головками заклепок из меди. Заклепки, сохранившиеся в отверстиях пластинок, — железные, а медные головки — чисто декоративные. Эти пластины совершенно идентичны тем, что были раскопаны В. В. Радловым в верховьях Абакана[2]. Разница лишь в том, что заклепки там были не декоративными. Абаканские пластины М. В. Горелик датировал ввиду отсутствия научно зафиксированного контекста татаро-монгольским периодом XIII—XIV вв. Азовская находка подтвердила и сузила эту датировку. Таким образом, пластины типа (а) можно было бы отнести к деталям татаро-монгольского панциря типа «усиленный хатангу-де'ель», где металлические пластины приклепывались или





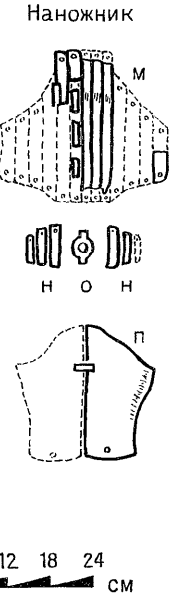


Рис. 11. Размещение пластин панциря и наножника.

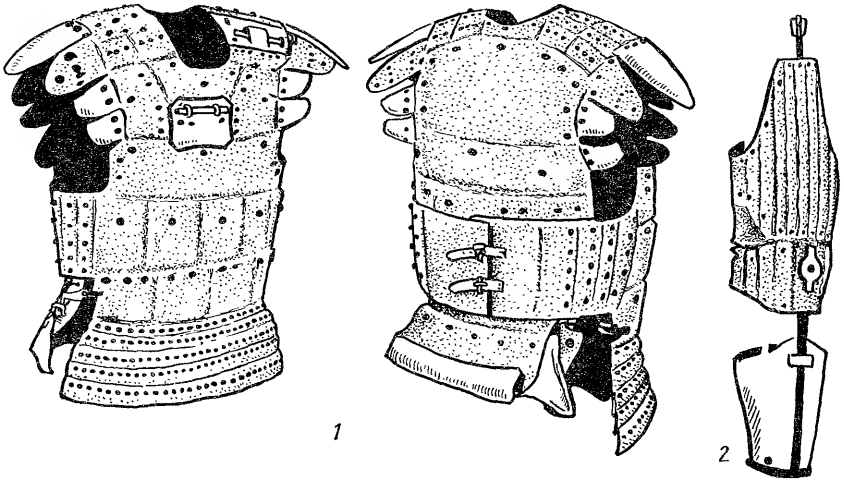


Рис. 12. Реконструкция панциря. 1 — грудь и спина; 2 — наножник.

пришивались к изнанке мягкой кожаной или тканой основы, снаружи же панцирь крылся нарядной тканью, на которой были видны ряды заклепок[3].

Однако характер других пластин не позволяет сделать вывод о татаро-монгольском происхождении данного панциря. Кроме того, и пластины типа (а) — длиной от 6 до 12 см известны по археологическим находкам Европы, где они датируются 60—70-ми гг. XIV в.[4] Связь их с татаро-монгольскими образцами несомненна, тем более, что и сам принцип бронирования с изнанки основы имеет восточноазиатское происхождение[5] и в Европе начинает применяться с середины XIII в.[6], в результате монгольских завоеваний.

Напротив, пластины типа (Б) — длиной 5—11 см, служившие оторочкой пройм, мы знаем по находкам археологов на севере Европы, датируемым XIV в., а также по памятникам западно-европейского и русского искусства того же времени[7]. Хотя пластины типа (б) в реальном виде известны только с XIV в., надо полагать, что происхождение их гораздо раннее: оторочка пройм панцирей из пластин с закругленным нижним краем воспроизведена на бесчисленном количестве произведений византийского и, шире, восточнохристианского искусства. В западной Европе подобные пластины, будучи частью пластинчатых доспехов (византийского типа), могли появиться после середины XIII в., так как до этого времени там полностью преобладал кольчужный панцирь. Источником заимствования такой оторочки для западноевропейских мастеров могли быть Византия на Юге и Русь на северо-востоке.

Очень крупные прямоугольные пластины типов (г) и (д) находят

прямые аналогии среди найденных археологами и изображенных художниками панцирей Западной Европы 2-й четверти XIV в.[8] То же следует сказать и о специфической форме пластин типа (в), бронировавших верх нагрудника[9], и о крупных прямоугольных пластинах типа (е), которые бронировали боковины[10]. Узкие длинные пластины, сплошь усеянные вдоль верхнего края заклепками,— тип (ж) — бронировали подол нагрудной части, как это явствует из западноевропейских аналогий 2-й половины XIV в.[11]. Наспинная часть панциря внизу заканчивалась длинной и широкой сплошной пластиной (з) с фигурным нижним краем; нижние углы ее вытянуты вниз и в стороны, а край средней части отогнут наружу и вверх. Аналогия конфигурации нижнего края встречена нами на одном из доспехов 1361 г., найденном под Висбю на острове Готлад. Но в нем, таким образом оформлен подол нагрудника.

Застежки в виде петель со шкворнями (и), крючков с петлями (к) и пряжек (кI) также имеют аналоги в доспехах Западной Европы середины — 2-й половины XIV в.[12].

Таким образом, на основании всех археологических и изобразительных признаков перед нами панцирь типично западноевропейский, датируемый концом 60-х — 70-ми гг. XIV в. (рис. 12). Тот факт, что большинство археологических аналогий относится к северу Европы, особенно к Висбю, объясняется тем, что именно там найдено большинство известных нам западноевропейских панцирей XIV в., которые раскопал и блестяще исследовал Б. Тордеман. Происхождение же наших доспехов, учитывая место их находки, скорее всего итальянское. Между азовским панцирем и доспехами из Висбю имеется, кроме множества черт сходства, два существенных различия. Азовские имеют бронирование всей наспинной части железными пластинами, чего нет у готландских доспехов того же покроя. У нашего панциря имеется существенная деталь — подквадратной формы пластина (л) со стороной 10,5 см; к поверхности ее приварены две петли, в которых сохранился шкворень. Эта пластина, судя по западноевропейским аналогиям 2-й половины XIV в.[13], служила для крепления цепочек, которые другим концом крепились к рукояти меча, кинжала и большого «геральдического» шлема. Все эти отличия говорят о том, что если готладские доспехи принадлежали (кроме панциря № 7) свободным богатым крестьянам, то панцирь из Азова, более тяжелый и связанный с «геральдическим» шлемом, мог, скорее всего, принадлежать феодалу, рыцарю.

Кроме панциря в данном комплекте находились остатки доспехов на ногу, но не исключено, что и на руку (конструкция их для данного типа деталей была практически идентичной, отличия были лишь в размерах). До нас дошли узкие длинные пластины (л) наберенника (плеча?), узкие короткие (н) и круглая (о) пластины наколенника (налокотника?), и сплошная кованная половина наголен-

ника (прикрытия запастья?) (п). Судя по западноевропейским аналогам 2-й половины XIV в.[14], такие доспехи прикрывали бедро и колено (плечо и локоть) двумя слоями кожи, проложенных узкими железными приклепанными полосами; круглая пластина при помощи усов, как в наших доспехах, крепилась снаружи; кованный двухчастный наголенник (прикрытие запястья?) был самостоятельной деталью, либо соединялся с верхней частью наножника (наруча?) ремешком (рис. 12). Данные доспехи связаны своим происхождением с Западной Европой, где сформировались после середины XIIIв.

Таким образом, перед нами защитные доспехи западноевропейского рыцаря, найденные в комплексе с деталями конской узды — строгим мундштуком и наременными бляхами, которые не противоречат дате доспехов — конец 60-х — 70-е гг. XIV в. Как считает специалист по итальянским колониям в Причерноморье С. П. Карпов, согласно уставам этих колоний подобный комплекс должен был принадлежать главе одной из двух — генуэзской или венецианской — итальянских колоний Таны. Так что данные доспехи имеют кроме историко-культурного еще и историко-мемориальное значение, так как мы можем очертить круг конкретных лиц — владельцев доспехов. Как боевое снаряжение итальянского консула и его коня оказалось в татарском жилище? Может быть, старые, испорченные доспехи и порвавшаяся уздечка попали к татарскому кузнецу — хозяину жилища в качестве металлолома, или он приобрел комплект с целью ремонта и дальнейшей продажи? Не исключено, что данные доспехи были изготовлены в одной из итальянских колоний, даже в самой Тане. Более того, именно в северочерноморских колониях могли зародиться в середине XIII в. и сами западноевропейские доспехи такого типа на базе татаро-монгольского «усиленного хатангу де'ель».

Часть пластин азовского панциря находит аналогии на другом конце бывшей империи чингизидов за тысячи километров от Азова — на Абакане. Это напоминает нам о едином татаро-монгольском происхождении европейских и восточных панцирей XIV в.

Литература

[1] Чалый В. В. Отчет об археологических раскопках в г. Азове и Азовском районе в 1979 г. Архив АКМ. КВФ 10190/47. С. 4. Альбом иллюстраций к отчету. Рис. 59.

[2] Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в.//Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. Табл. III, 4.

[3] Там же. С. 250—255.

[4] Там же. Табл. III, 10, 11; Thordeman B. Armour from the battle of Wisby 136i. Stockholm, 1939. V. 1. Fig. 205, 393, 340.

[5] Robinson H. R. Oriental Armour. L., 1967. P. 147.

[6] Blair C. European Armour. L., 1972. P. 39.

[7] Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись. М., 1970. С. 89, 91; Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. Т. 1. М., 1963. Табл. 91; Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого//Труды Новгородской археологической экспедиции//МИА. № 65. М., 1959. Рис. 17, 15, 16; Tordeman B. Op. cit. Fig. 103, 347, 379, 380, 383, 385; Martin P. Armour and Weapons. L., 1968. Pl. 50, 52.
[8] Thordeman B. Op. cit. Fig. 287, 300, 312–329, 369—371; Blair C. Op. cit. Fig. 19.
[9] Thordeman B. Op. cit. Fig. 318, 369–372, 374–376.
[10] Ibid. Fig. 374–378.
[11] Ibid. Fig. 335, 337, 338, 340, 2, 1 a–b.
[12] Ibid. Fig. 400, 402.
[13] Ibid. Fig. 307, 328—330, 334, 335, 342, 343.
[14] Ibid. Fig. 107, 316, 330; Norman V. Arms and Armour. L., 1967. Fig. 25; Martin P. Op. cit. Pl. 27, 56, 57, 65.

Ю. Я. Кожевникова

Фауна средневекового Азака

Средневековая фауна степи изучена слабо, даже о домашних животных мы имеем крайне ограниченные сведения в древних арабских литературных источниках и хорошо известных сообщениях Плано Карпини и Рубрука. «Они очень богаты скотом, верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми»,— писал Плано Карпини о кочевниках[1]. По сведениям ал-Омари, основная еда населения состояла из мяса лошадей, овец, коров, мяса диких животных, а также молока, сала и пшена[2]. Но во всех этих источниках есть только фрагментарные сведения о видовом составе домашних животных, и практически отсутствуют данные о внешних особенностях, породе животных и об их значении в жизни населения. Поэтому изучение остеологического материала, полученного при археологических раскопках, представляет несомненный интерес. Относительно подробно описаны В. И. Цалкиным результаты анализа костных остатков из Сарай Берке и Великого Болгара и А. Г. Петренко из Великого Болгара[3]. В литературе нет сведений по изучению костных фрагментов животных из средневековых слоев на Нижнем Дону.

В нашем распоряжении имелось более 8 тыс. костей, обнаруженных в Азове, в слое, датируемом XIV в. (1330—1390 гг.), любезно предоставленных нам сотрудниками Азовского краеведческого музея Н. М. Фомичевым и П. А. Ларенок. Около 600 костей принадлежали рыбам, 43—птицам, а остальные, более 7 тыс.—11 видам млекопитающих (табл. 1).

Домашние животные представлены обычными видами. Встречены кости только от трех видов диких млекопитающих: лося, благород-

Таблица 1

Видовой состав животных, обнаруженных на территории Азака

Видовой состав	Количество костей	Количество особей
Крупный рогатый скот	2583	173
Мелкий рогатый скот	4396	597
Лошадь	240	33
Свинья	18	10
Верблюд	5	3
Собака	159	20
Кошка	6	5
Лось	1	1
Олень благородный	2	2
Лисица	1	1
Птица	43	—
Рыба	617	-

ного оленя и лисицы. Обращает на себя внимание не только узость видового состава диких млекопитающих, но и малочисленность костей диких животных. Кости диких млекопитающих составляют всего 0,05% от общего количества костей и 0,5% от минимального количества особей. Вместе с тем в древних литературных источниках отмечалось, что жители Золотой Орды значительную часть своего пропитания добывали охотой[4]. Венецианец И. Барбаро описал облавную охоту в окрестностях Азова, в которой участвовали собаки и ловчие птицы[5]. Вероятно, какую-то часть добычи съедали на месте охоты, с пушных зверей снимали шкурки, и поэтому кости этих животных не попадали на территорию города. Все же, анализируя состав остеологического материала, следует сделать вывод, что охота не имела существенного хозяйственного значения для жителей Азака. Видимо, это было типичным явлением для крупных населенных пунктов Золотой Орды. Аналогичное соотношение домашних и диких животных отмечают и другие авторы. Так, В. И. Цалкин для Сарай Берке приводит более широкий видовой состав диких животных: косуля, сайгак, кулан, лисица, перевязка, заяц-русак, но все это единичные особи. Остатки диких животных Сарай Берке составили 0,2% (по количеству костей) или 2,2% (по показателю минимального числа особей)[6]. А. Г. Петренко для Великого Болгара отмечает также всего 0,25% костных фрагментов диких животных от общего количества костей[7]. Следует также отметить, что оба найденных на территории Азака костных фрагмента оленя — обработанные рога.

Среди диких птиц, по определению О. Потаповой, отмечены по

одной особи: орел-могильник, беркут, дрофа и ворона. Встречены кости четырех особей гусей, но по обнаруженным фрагментам отличить диких от домашних невозможно. Из домашних птиц типичны куры, причем как мелкие, близкие к бентамским, так и крупные.

Среди костей рыб, по определению сотрудника кафедры ихтиологии МГУ Е. А. Цепкина, отмечены следующие виды: белуги (длина рыб около 360 см), осетры (130 см), севрюги (140—175 см), стерляди (67—96 см), сомы (150—310 см), сазаны (48—98 см), тарани (32—43 см), щуки (120—130 см), судаки (54—70 см)[8]. Большое видовое разнообразие рыб и значительное количество их костей говорит о том, что рыболовство играло важную роль в жизни населения Азака.

Кости крупного рогатого скота составляют 34,8% от общего количества костных остатков и принадлежат как минимум 173 особям. На основании анализа зубного ряда нижних челюстей видно, что моложе 6 мес. забивалось 1,2% особей,
от 5—6 мес. до 15—18 мес. — 1,8%,
от 15—18 мес. до 24—28 мес. — 6,5%,
старше 24—28 мес. — 90,5% особей.

Кости крупного рогатого скота, как и других животных, в основном сильно разрушены, так как их мясо употребляли в пищу. Поэтому при определении пола использовали немногочисленные целые метаподии (n=21). Эти передние метаподии принадлежали 9 быкам, 8 коровам и, вероятно, 4 волам. Хотя количество метаподий ограничено, все же следует отметить большое количество быков. Для размножения их нужно было гораздо меньше. В молодом возрасте забивалось очень небольшое количество животных, это типично для поселений Золотой Орды. Видимо, быки использовались как тягловый скот, и потребность в них была большая.

К сожалению, целых черепов, или хотя бы крупных фрагментов, обнаружено не было, что затрудняет восстановление внешнего облика животных. Костные стержни (24 экземпляра) составили 1,09% от общего количества костей, что характерно именно для рогатых популяций. Высота в холке у быков (n=9) была около 109—126 см, в среднем 117,2 см, у коров (n=8) —109—120 см, в среднем 113,4 см, у волов (n=4) —124—127 см, в среднем 125 см.

Статистически достоверных отличий в посткраниальном скелете крупного рогатого скота из Азака, Великого Болгара и Сарай Берке не установлено. Но вместе с тем абсолютные размеры большинства костей крупного рогатого скота, обнаруженные на территории Великого Болгара, самые мелкие, на территории Сарай Берке — крупнее, а в Азаке — еще крупнее (табл. 2). Но эти отличия небольшие. В лесо-степной зоне, в частности, в Среднем Поднепровье, крупный рогатый скот имел меньшие размеры и иные пропорции тела[9]. Эти отличия статистически достоверны. В. И. Цалкин предполагал, что

Таблица 2

Размеры и пропорции костей крупного рогатого скота Азака (XIV в.)

п/п	Наименование признака	n	Lim	M±m
1	Плечевая кость, ширина нижнего суставного блока, мм	41	60—90	73,1±1,09
2	Лучевая кость, длина, мм	6	263—310	288,2
3	» - ширина верхнего конца; мм	40	67—90	79,9±1,12
4	—» — индекс ширины верхнего конца, %	6	27,6—30,0	28,7
5	—»— индекс ширины диафиза, %	6	14,7—16,5	15,3
6	Берцовая кость, ширина нижнего конца, мм	87	52—70	61,7±0,49
7	Пяточная кость, длина, мм	53	112—153	133,7±1,43
8	Таранная кость, длина, мм	156	55—74	64,9±0,29
9	Пястная кость, длина, мм	44	175—220	193,0±1,52
10	—» - ширина верхнего конца, мм	87	49—67	56,3±0,6
11	—»— ширина диафиза, мм	36	27—42	34,1±0,76
12	—» — ширина нижнего конца, мм	80	49—74	60,9±0,66
13	—» - индекс ширины верхнего конца, %	29	27,1—34,6	30,5±0,40
14	—» - индекс ширины диафиза, %	26	14,5—22,7	18,3±0,43
15	—»— индекс ширины нижнего конца, %	28	26,9—37,2	31,8±0,55
16	Плюсневая кость, длина, мм	51	197—288	221,3±2,77
17	—»— ширина верхнего конца, мм	65	40—61	49,2±0,58
18	—»— ширина диафиза, мм	49	23—37	28,6±0,47
19	—»— ширина нижнего конца, мм	82	40—67	58,1±0,79
20	—»— индекс ширины верхнего конца, %	39	16,7—25,0	21,9±0,37
21	—» - индекс ширины диафиза, %	40	9,2—16,4	13,1±0,22
22	—»— индекс ширины нижнего конца, %	42	18,8—28,0	24,7±0,35
23	Большая фаланга, длина, мм	154	51—67	59,3±0,27

в средневековье в степной зоне обитала одна порода крупного рогатого скота[10].

Кости мелкого рогатого скота наиболее многочисленны (n=4396). Они принадлежат по меньшей мере 597 особям. На основании анализа зубной системы нижних челюстей мелкий рогатый скот (n=329) забивался в различном возрасте:

моложе 3 мес. — 11,9% особей,
от 3 до 12 мес. — 8,5%,
от 12 до 24 мес. — 28,9%,
старше 24 мес. — 50,8% особей.

В. И. Цалкин отмечал, что определение возраста молодых особей не дает точных результатов, так как нижние челюсти молодых животных легко разрушаются[11]. Но в Азаке кости сохранились хорошо, поэтому и при анализе плечевых костей мы получили

сходные результаты. Плечевые кости без дистальных эпифизов, т. е. от животных моложе 3—4 мес. составили 11,8%. В целом в Азаке молодые особи составили 49%, в Сарай Берке—55%[12], в Великом Болгаре — 33%[13].

Определение процентного соотношения коз и овец в Азаке по различным костям дает сходные результаты:

по плечевым костям — 17,1% коз,
по таранным — 23,9%,
по пястным — 18,2%,
по плюсневым костям — 20,2%,
по черепам — 20,7% коз.

Бедренная и берцовая кости у коз и овец похожи, и их использование для определения соотношения коз и овец нередко дает значительную погрешность. Таким образом, численность коз составляла в среднем 20% от общего поголовья мелкого рогатого скота, была значительно выше, чем в Сарай-Берке и Великом Болгаре, где процент коз не превышал 5%.

Костные стержни овец разрушены и малочисленны. Рога составляют в целом 0,6% от общего количества костей, т. е. значительная часть овец, во всяком случае самок, были безрогими. Овцы из Азака по своим размерам и пропорциям костей значительно отличались от овец из Сарай Берке (табл. 3). И эти отличия статистически достоверны. Например, длина пястных костей овец из Азака 138,7±0,85 мм, а из Сарай Берке — 133,7±1,41 мм, критерий достоверности различий (t) 3,03; а индекс диафиза пястной кости 11,8± ±0,85% и 11,16±0,13% соответственно, критерий достоверности различий 4,0. Таким образом, овцы из Азака значительно отличаются от овец из Сарай Берке, вместе с тем они довольно близки по своим размерам и пропорциям к овцам из Великого Болгара, лишь едва крупнее их.

Кости коз встречаются значительно реже. Высота в холке у коз в среднем 64 см (54—75 см). Но в связи с тем, что кости коз в других названных городах встречаются редко и плохой сохранности, у нас нет возможности сопоставления.

Кости лошадей обычны, но немногочисленны. Было определено 240 костных фрагментов, принадлежавших не менее 33 особям лошадей. Кости сильно разрушены. В молодом возрасте до четырех лет забивалось около 25% лошадей, что в целом типично для золотоордынских городов. Видимо, лошадь прежде всего использовалась для езды. Рост лошадей в холке колеблется в тех же пределах, что и в других городах, в среднем составляет 139,5±1,2 см (n=18). Встречаются и мелкие (5,6%), и малорослые (11,1%), и среднерослые (66,7%), и рослые (16,7%) особи. Но если в Сарай Берке и Великом Болгаре основная масса лошадей — малорослые, то в Азаке — среднерослые. Количество костей, которые возможно было

Таблица 3

Размеры и пропорции костей овец и коз Азака (XIV в.)

п/п	Наименование признака	Овцы			Козы		
		n	lim	M±m	n	lim	M±m
1	Плечевая кость, ширина нижнего суставного блока, мм	61	29—37	33,8±0,24	10	29—35	31,5±0,3
2	Лучевая кость, ширина верхнего конца, мм	28	30—40	35,0±0,47	14	28—38	34,0±0,87
3	Таранная кость, наибольшая длина, мм	68	28—35	32,2±0,19	26	27—35	31,0±0,39
4	Пяточная кость, длина, мм	24	58—68	63,4±0,6	6	59—64	62,7±0,79
5	Пястная кость, длина, мм	97	118—155	138,7±0,85	28	94—131	111,6±1,8
6	—»— индекс ширины верхнего конца, %	82	18,2—24,6	20,8±0,13	27	20,6—27,4	24,9±0,34
7	—»— —»— диафиза, %	88	9,7—14,4	11,8±0,09	27	11,5—17,4	15,4±0,29
8	»— —»— нижнего конца, %	88	17,3—21,3	19,3±0,11	27	18.3—26,4	22,5±0,29
9	Плюсневая кость, длина, мм	50	124—164	144,0±1,26	21	105—137	117,2±2,34
10	—»— индекс ширины верхнего конца, %	48	14,6—23,4	16,6±0,25	21	15,3—19,8	17,9±0,28
11	—»— —»— ширины диафиза, %	47	8,9—12,9	10,2±0,15	21	8,8—14,4	12,1±0,35
12	—»— —»— ширины нижнего конца, %	44	16,7—26,6	19,7±0,28	21	18,5—23,8	22,4±0,41

измерить, невелико (табл. 4), поэтому делать какие-либо выводы преждевременно. Среди метаподий (n=9) отмечены принадлежавшие тонконогим лошадям (n=1), среднетонконогим (n=7) и полутонконогим (n=1).

Костные остатки свиней немногочисленны, что типично для золотоордынских городов. Основная часть костей, более 75%, принадлежит молодым особям. Костные остатки верблюдов единичны. Все они раздроблены, что позволяет предположить употребление мяса верблюда в пищу. Костей собак (в основном целых) обнаружено 159 от 20 особей. Их размеры являются основанием для предположения о существовании, по крайней мере, двух пород. Но большая часть костей принадлежит щенкам и поэтому внешний облик этих собак неясен.

В XIV в. в Азаке, Великом Болгаре, Сарай Берке первое место по числу особей занимал мелкий рогатый скот, который лучше соответ-

Таблица 4

Размеры и пропорции костей лошадей Азака (XIV в.)

п/п	Наименование признака	n	Lim	M±m
1	Лучевая кость, длина, мм	1	327	
2	—»— ширина верхнего конца, мм	4	75—81	78,5
3	—»— ширина нижнего суставного блока, мм	7	60—79	65,7±2,74
4	—» — ширина нижнего конца, мм	9	67—78	73,1±1,11
5	Берцовая кость, длина, мм	1	388	
6	—»— ширина нижнего конца, мм	7	70—79	72,9±1,2
7	Таранная кость, длина, мм	8	56—64	58,4±0,83
8	Пяточная кость, длина, мм	7	103—116	108,4±1,93
9	Пястная кость, длина, мм	10	212—233	218,6±2,04
10	—»— индекс ширины верхнего конца, %	8	22,8—25,3	23,4±0,29
11	—» — —»— диафиза, %	9	14,2+17,2	15,9±0,26
12	—»— —» — нижнего конца, %	10	21,9—23,4	22,7±0,14
13	Плюсневая кость, длина, мм	8	238—276	259,6±3,87
14	—»— индекс ширины верхнего конца, %	8	11,5—20,3	15,4±0,45
15	—»— —»— ширины диафиза, %	8	11,5—18,7	14,5±1,17
16	—» — —» — ширины нижнего конца, %	8	15,4—18,9	17,6±0,45
17	Путовая передняя кость, длина, мм	18	73—86	80,4±0,86
18	—»— индекс ширины верхнего конца, %	17	61,6—67,5	65,1±0,14
19	—»— —»— диафиза, %	18	40,7—47,5	43,8±0,46
20	Путовая задняя кость, длина, мм	9	77—85	81,3±0,87
21	—»— индекс ширины верхнего конца, %	9	63,0—69,6	66,2±0,35
22	—»— —» — диафиза, %	9	41,2—46,8	43,8±0,89

ствовал пастбищам, требовал меньшего ухода, что, видимо, связано было с кочевыми традициями (табл. 5).

Вторым по количеству особей был крупный рогатый скот, который использовался не только как пищевой продукт, но и как транспорт, причем в Азаке чаще, чем в других золотоордынских городах. Об этом говорит очень небольшое количество костей лошадей и высокий процент костей быков.

Таким образом, видовое соотношение домашних животных довольно близко на всей территории Золотой Орды от Волго-Камья до Азака, во всяком случае, в крупных населенных пунктах. Это объясняется стойкостью хозяйственных и религиозных традиций, сходством природных условий.

Литература

[1] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 28, 95—98.
[2] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой

Таблица 5

Соотношение между видами домашних животных по числу особей в слоях XIV в., %

Животные	Раскопки 1983 - 1985 гг.	Цалкин, 1967		Петренко, 1978
	Азак	Великий Болгар	Сарай Берке	Великий Болгар
Крупный рогатый скот	21,2	13,8	22,5	11,7
Мелкий рогатый скот	73,2	76,4	64,2	80,2
Свиньи	1,2	единичные	0,5	единичные
Лошади	4,1	9,2	11,3	7,2
Верблюды	0,3	0,6	1,5	0,9

Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. Спб., 1884. С. 230—231; Кириков С. В. Человек и природа степной зоны. М., 1983. С. 8.

[3] Цалкин В. И. Домашние животные Золотой Орды//Бюллетень МОИП. Отделение биологии. Т. 72. Вып. 1. 1967. С. 114—130; Цалкин В. И. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья//МИА. № 61. 1958. С. 221—281; Петренко А. Г. Фауна древнего города Болгара//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 228—241.

[4] Цит. по: Кириков С. В. Указ. соч. С. 9.

[5] Там же.

[6] Цалкин В. И. Домашние животные... С. 115.

[7] Петренко А. Г. Указ. соч. С. 230—233.

[8] Цепкин Е. Н. Устная экспертиза.

[9] Тимченко И. Г. К фауне диких и домашних животных средневековых памятников Среднего Поднепровья//Природная обстановка и фауны прошлого. Киев, 1970. С. 171.

[10] Цалкин В. И. Домашние животные... С. 120.

[11] Там же. С. 122.

[12] Там же. С. 121—122.

[13] Петренко А. Г. Указ. соч. С. 229—230.

И. В. Волков

Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака

Амфорный материал на памятниках XIII—XIV вв. в Причерноморье, несмотря на его распространенность, еще не исследовался глубже описательного уровня. Не создана даже исчерпывающая качественная классификация амфор золотоордынского времени[1]. Международная причерноморская торговля этого времени относительно полно известна по письменным источникам[2], а археологические источники в настоящее время почти не проливают света

на это явление. Между тем последние обладают высокой степенью объективности, возможностью постоянного пополнения и др. Поэтому особый интерес приобретает исследование многочисленной керамической тары города Азака, являвшегося важным центром внешней морской торговли Золотой Орды и итальянских республик. Благодаря узости датировки и разнообразию материалы исследования именно этого памятника могут послужить ключом к пониманию керамической тары всего Причерноморья. На большей части площади городища присутствует только золотоордынский слой, датируемый XIII—XIV вв., в большинстве — 2-й половиной XIV в.

Детальная классификация амфорного материала должна ответить на такие вопросы. Каково общее количество типов амфор и в чем состоят их отличия? Из каких центров поступала в Азак тара? Какие товары в них перевозили?

Основным источником исследования послужили коллекции, хранящиеся в Азовском краеведческом музее, из раскопок и случайных поступлений последних десяти лет. Рассматривались остатки нескольких сот амфор, к сожалению, целых форм очень мало. Материалы других памятников были использованы по публикациям и отчетам.

Наиболее слабое место всех существующих классификаций подобного материала состоит в том, что они имеют только один уровень членения — тип (иногда с вариантами)[3]. Это не позволяет выяснить степень близости между различными типами. Такая ситуация резко ограничивает возможности обобщения и интерпретации археологического материала. С чем связаны эти трудности? Прежде всего с тем, что для классификации амфор традиционно используются только внешние признаки — форма, декор (чаще всего он у амфор отсутствует), реже — состав формовочной массы. Два последних признака (приспособительные) могут полностью изменяться в течение жизни одного поколения гончаров[4]. Следовательно, в основе классификации лежит только форма и внешнее сходство предметов. Число признаков, используемых при классификации, можно легко увеличить, используя методику, разработанную А. А. Бобринским[5]. Тогда кроме внешних признаков мы будем иметь целый ряд технологических: этап развития функций гончарного круга (РФК), вид начина, программа и способы конструирования полого тела, способы обработки поверхности, состав формовочной массы, качество обжига и др. Учет всех признаков дает возможность: во-первых, детально классифицировать даже близкие керамические комплексы, во-вторых, выяснить степень родства сходных и несходных типов. Благодаря этому намного легче интерпретировать исторический материал.

Предлагаем четыре ступени классификации. Амфоры можно считать отдельной категорией вещей, так как они сильно отличаются

от других видов керамической тары. Традиционно в одну категорию объединяли всю керамическую тару. Категория делится на группы по родству, т. е. по близости технологических признаков и формовочной массы. Иными словами, амфоры одной группы объединены этнокультурной близостью. Мне кажется, что такое членение оправдано, так как форма может быть легко заимствована из других культур, а «навыки труда в гончарстве передаются контактным путем, т. е. непосредственным научением приемам работы с глиной»[6]. Группы делятся на отделы по особенностям формы, т. е. в группу входит ассортимент форм амфор данной этнокультурной общности. По размерам и особенностям состава формовочной массы амфоры делятся на типы. За стандартностью объема амфор почти всегда тщательно следили. Сосуды одинаковой формы могли делать в разных городах этнокультурной общности, поэтому при выделении типов необходимо учитывать особенности состава формовочной массы амфор одного отдела. Таким образом, тип представляет собой стандарт объема амфор мастерских одного города.

В классификации из категории амфор исключена группа местных амфор. Разделение местной и импортной амфорной тары не вызывает особых затруднений. Сделать это удалось путем сравнения технологии производства основной массы безусловно местной керамики Азака с разными типами амфор. Лишь одна группа амфор, представленная типами сходной формы и единой технологии, имела практически все технологические признаки, характерные для местной керамики. Эти сосуды сделаны на этапе РФК 3—4 с использованием составного неполного донно-емкостного доэлементного начала и спирально-жгутового налепа. Технология изготовления импортных амфор резко отличается.

Теперь приступим к классификации импортных амфор.

Первая группа состоит из трех отделов, причем два последних представлены фрагментами только одного сосуда и включают в себя только по одному типу. Группа выделена по общему единству технологии, обжига, близости формы.

Первый отдел — самый многочисленный (рис. 13). Такие амфоры безраздельно господствуют в Азаке, как и на большинстве причерноморских памятников[7]. В литературе они широко известны под названием амфор с дуговидными ручками[8]. Это круглодонные сосуды с очень широким грушевидным (или яйцевидным) туловом. Высота грушевидного перегиба приходится приблизительно на 1/4 высоты тулова. Широчайшая часть тулова приходится на 3/5 его высоты. Горло очень низкое — 2—3 см. Венчик несколько отогнут наружу, у самого края он, как правило, заостряется. Диаметр горла также очень мал, по венчику — 5—6 см. Овальные ручки крепятся одним концом к венчику, другим — к нижней части плечика. Образуя плавную дугу, изгиб ручек поднимается выше горла. Поверхность плечика

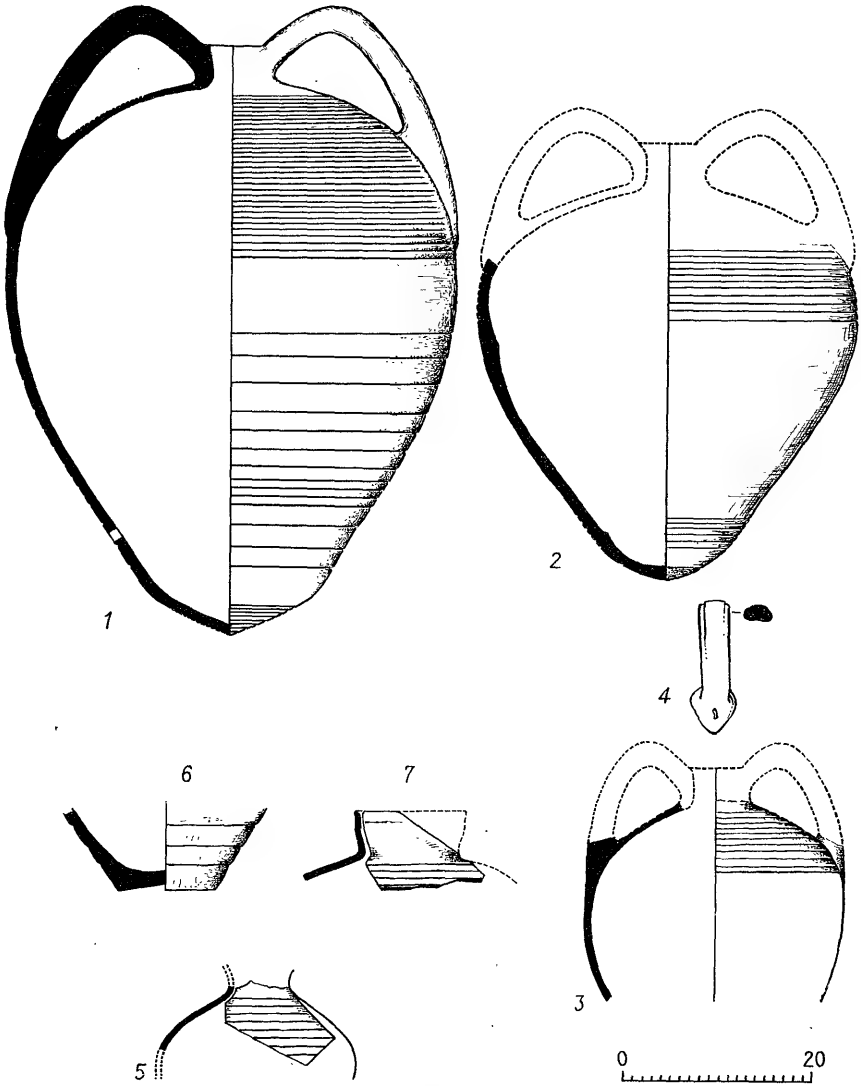


Рис. 13. Трапезундские амфоры. 1—5 — узкогорлые круглодонные амфоры разных стандартов объема; 6—7 — фрагменты широкогорлой амфоры.

покрыта мелким рифлением с шириной волны 0,5—1 см. Пояс широчайшей части туловища всегда гладкий. На нижней и, особенно, придонной частях тулова также бывает рифление, но ширина волны

здесь значительно больше — 1,5—4 см. Верхняя часть амфор этой группы чаще всего бывает покрыта белым ангобом разной концентрации. Обжиг качественный, ровный. Амфоры этого отдела сделаны на этапе РФК-7 путем вытягивания на круге с применением монолитного неполного одноэлементного начина по емкостно-донной программе. В процессе изготовления на круге вытягивали сначала из одного куска глины нижнюю часть амфоры, формуя ее от стенок ко дну. Потом отдельно вытягивали верхнюю часть тулова без горла. Затем половинки тулова соединяли между собой. Следы этого шва всегда хорошо видны. На внутренней поверхности амфор ниже шва часто остаются потеки жидкой глины, используемой при состыковке. На заключительном этапе формовки вытягивали горло амфоры, а затем налепливали ручки. После этого изделие ангобировали, и оно было готово к обжигу. Примечательна одна особенность технологии. При формовке нижней части амфоры (при сведении стенок ко дну) в центральной части дна стенка получалась значительно тоньше обычного — 2—3 мм. Для того, чтобы упрочить амфору, это место замазывали изнутри тестом необычного состава— с большой примесью навоза. Поэтому на обломках доньев амфор изнутри всегда видны круглые пятна пор от выгоревшей органики диаметром около 4 мм. Тесто такого же состава в редких случаях использовалось при налепливании ручек и горла, состыковке элементов тулова, если мастер боялся появления трещин при обжиге. На швах иногда видны отпечатки ткани.

Для изготовления амфор использовали формовочную массу разного состава. Выделяются три основных типа теста. 1. С примесью мелкого песка и слюды, редкими известковыми включениями. Цвет черепка от красно-оранжевого до кремовато-коричневатого. Этот тип теста самый многочисленный. 2. Со значительной примесью песка средних размеров или другого грубого отощителя с редкими известковыми включениями. Цвет черепка бурый. Остатки сосудов из такого теста относительно многочисленны. 3. Тонкоотмученное тесто без видимых примесей. Не исключено использование глиняного концентрата. Цвет черепка красный или оранжевый. Находки фрагментов амфор из этого теста единичны. Однако такое разделение не может считаться окончательным до проведения петрографического исследования амфор.

Размеры амфор этого отдела сильно варьируют. К сожалению, немногочисленность целых форм не позволяет провести полноценное количественное исследование материала. Пока более или менее репрезентативную выборку дают только промеры максимального диаметра тулова — части, наилучшим образом сохраняющейся. Промеры были сделаны по 20 наиболее полным образцам. Измерения показали, что существовало по крайней мере четыре устойчивых стандарта объема: 1. С диаметром 47—51 см (самый устойчивый размер—

48 см). 2. С диаметром 40—44 см (самый устойчивый размер — 42 см). 3. С диаметром 28—32 см. 4. Около 22 см. Последний стандарт представлен только одним фрагментом. Редко встречаются амфоры третьего стандарта. Самый многочисленный — первый стандарт. Амфоры именно этого размера клеймили.

Таким образом, существование трех видов теста и четырех стандартов объема позволяет предположить существование 12 типов амфор по сочетанию этих признаков. Однако из-за фрагментарности материала нельзя выяснить, все ли гипотетические типы представлены в материале. Пока создается впечатление, что из теста второго типа делали только амфоры наибольшего объема, а из теста третьего — только амфоры двух средних объемов.

Интересен и важен вопрос о назначении амфор. Еще в античное время они, бесспорно, служили тарой для перевозки вина и, в меньшей мере, масла по морю. Вероятно, такое же назначение сохранилось до средневековья. Это подтверждается тем, что старославянское название амфоры — корчага — используется в летописях только для обозначения сосуда с вином[9]. Подтверждают это и надписи, процарапанные на стенках средневековых амфор[10]. Следовательно, амфоры, в основном,— винная тара. Судя по особенностям формы и ареалу, они предназначались для перевозки товара по морю. Гипотезы о других способах использования амфор относятся уже ко вторичному использованию этих сосудов[11].

После реализации продукта тару нельзя было использовать по основному назначению и хозяин мог употребить ее для любой другой удобной цели. Остатки амфор, найденные в Азове, несут на себе красноречивые следы вторичного использования. В придонной части большинства найденных афмор просверлено отверстие диаметром 0,6—1,5 см. На плече большинства амфор выпилено или выбито отверстие овальных очертаний длиной около 15 см. Края отверстия часто бывают зашлифованы. Иногда отсутствует одна ручка, а оставшиеся ее налепы также зашлифованы. Для чего же амфоры так обрабатывали? Аналогичные отверстия в верхней части тулова и зашлифованные налепы от сбитой ручки есть на амфорах, найденных на дне водосборных цистерн в Танаисе. Надо думать, что азовские амфоры также служили для подъема воды из колодцев. Вероятно, была необходимость в таком большом количестве черпальных сосудов, так как для подъема воды по водопроводам между отдельными участками необходимы промежуточные колодцы. Судя по отсутствию в культурном слое Азака чигирьных сосудов, воду из этих промежуточных колодцев поднимали вручную.

Весьма интересен вопрос о месте изготовления амфор этого отдела, а следовательно и группы, так как амфоры, точно копирующие азовские образцы, очень часто встречаются на всей территории Причерноморья и даже за ее пределами[12]. Они изготовлялись

для экспорта вина. Следовательно, местом производства этой доминирующей в Причерноморье группе является господствующий в этом регионе винодельческий центр или область. В XIII–XV вв. в понтийской виноторговле, безусловно, доминировал Трапезунд[13]. Следовательно, амфоры этой группы происходили из городов Трапезундской империи. Этот умозрительный вывод находит подтверждение в письменных и археологических источниках.

Современники неоднократно отмечали высокоразвитое виноградарство и виноделие в Трапезунде, указывали на обилие и дешевизну вина[14]. Видимо, вино было самой обильной статьей дохода трапезундских императоров, так как именно этим продуктом они выплачивали долги[15]. Вино составляло основную долю трапезундского экспорта. Оно вывозилось в Крым, в Тану, в Константинополь, в венецианские и генуэзские колонии и станции на Черном море. Для вывоза трапезундских вин итальянские республики создавали особо благоприятные условия[16]. Есть свидетельства беспошлинной торговли трапезундских купцов вином в Тане[17]. Следовательно, вино в Тану поступало в основном из Трапезунда.

Археологические источники свидетельствуют о том, что амфоры этой группы привезены из греческих городов. Об этом свидетельствуют многочисленные граффити с греческими буквами (КΘ, КМ и др.), клейма с греческими монограммами, надписи на амфорах, выполненные красной краской (πО, τ и др.). Греки с древности использовали красную краску для мет на торговой таре. Ни один другой народ в Причерноморье и Золотой Орде этого не делал. Какой же греческий центр Причерноморья мог выступать экспортером вина?

Даже во времени расцвета торговли вином в Константинополе, этот город был главным образом местом перепродажи вина, поступающего из провинций. Кроме того, в XIII–XIV в. греческая торговля в Константинополе находилась в глубоком упадке. Синоп в 1214 г. был завоеван сельджуками и перестал быть центром греческой культуры. Ни один источник не упоминает о вывозе вина из Синопа[18]. В Херсоне в XIV в. царит упадок[19]. Вообще Крым выступает в это время постоянным импортером трапезундского вина[20]. В большинстве центров господствует итальянская администрация, других греческих городов, кроме тех, что расположены на территории Трапезундской империи, в Причерноморье нет.

Особого внимания заслуживают клейма на амфорах этого отдела, найденные в Азове. Для того, чтобы выяснить их функции и понять их как источник, необходимо обратиться к истории клеймения амфор. Это явление было чрезвычайно широко распространено в античности. В средние века количество клейм сокращается в тысячи раз. Особенно мало клейм в переходный период (до IX в.). Относительное увеличение числа клейм наблюдается в Византии в X—XI вв[21].

Выяснив, какие функции несли клейма времен Македонской династии, можно выяснить и назначение клейм XIV в.

В средневековье клейма, как и в древности, ставили магистраты, в круг обязанностей которых входило наблюдение за мерами веса и объема. В Константинополе эти функции выполнял эпарх города и его ведомство. В книге эпарха нет устава для гончаров, вероятно, у них просто не было своей корпорации. Кроме того, известно, что керамические мастерские были вынесены за пределы города. Однако в регламентации деятельности виноторговцев есть важные сведения для решения вопроса. Так, в Книге эпарха записано:

«XIX. «О корчмарях»

§ 1. Старшины корчмарей должны докладывать эпарху каждый раз, когда привозят вино, чтобы он дал распоряжение, каким образом это вино следует продавать. Симпону при этом поручается заставлять корчмарей применительно к покупной цене пользоваться (соответствующими) мерами и сосудами, в которых следует продавать вино. Мера должна иметь вместимость 30 литров, а так называемая мина — 3 литра.

§ 4. Продающие вино корчмари, в случае, если у них будут обнаружены сосуды, не соответствующие установленной мере, или же не имеющие обычного клейма, будут побиты, острижены и выгнаны из корпорации»[22].

Как видим, сосуды должны были иметь установленный объем (соответствовать типу) или быть клейменными. Сосуды должны были соответствовать 30 литрам, что, по подсчетам В. Ниссена, должно приблизительно равняться 13 метрическим литрам[23]. Судя по объему, речь идет об амфорах. Таким образом, клейменные амфоры служили эталоном объема и использовались как мерные сосуды при мелкооптовой торговле. Крупные виноторговцы, владельцы виноградников, не были стеснены никаким контролем со стороны государства, все сделки они заключали «в соответствии с соглашением»[24]. Едва ли они использовали клейменные мерные сосуды. Вероятно, именно поэтому средневековых амфорных клейм так мало.

Эти сведения можно достоверно относить только к X—XI вв. Однако традиция клеймения не исчезла и в XII в. В Новгороде, на усадьбе Олисея Гречина, был найден фрагмент нижнего корня ручки амфоры с клеймом в виде трех s-видных знаков, заключенных в овал с двумя ушками по бокам[25]. На городище Княжья гора найдена клейменная амфора, время попадания которой в культурный слой точно датируется 1223 г.[26] Возможно, эти предметы являются связующим звеном между греческими клеймами X—XI вв. и трапезундскими XIV в. Вероятно, последние генетически связаны с константинопольскими клеймами. Опосредованно это подтверждается тем, что в начале правления Алексея III (1349—1390) основные адми-

нистративные посты заняли греки, преимущественно константинопольского происхождения, вытеснив местную знать[27]. Не исключено, что именно в это время появляются трапезундские клейма.

Яркое подтверждение именно такого назначения амфорных клейм — обломок нижнего корня ручки амфоры, найденной в 1985 г.* По обломку амфоры видно, что тулово после формовки до обжига было вскрыто с помощью двух вертикальных непараллельных порезов. Возможно даже, что часть стенки была вынута. Некоторое время сосуд был открытым, о чем свидетельствуют четкие следы ткани на поверхности (мокрая ткань использовалась для предохранения глины от высыхания). Вскрытие было произведено для проверки внутреннего объема сосуда. После этого стенки были вновь соединены и на место вскрытия был налеплен нижний корень ручки (использовано тесто с примесью навоза), а на ручку поставлено клеймо с идеально читаемой монограммой «Иоанн» (|ῶ), подтверждающее соответствие стандарту объема. Такие же монограммы апостола Иоанна встречаются в византийских рукописях[28].

Расшифровка семантики клейм весьма сложна. Большая их часть однотипные сетчатые (круг, заполненный сеткой 3х4 линии или другими вариантами сетки). Два клейма имеют непонятные геометрические знаки. Два плохо оттиснутых клейма, вероятно, имели круговую надпись. Значительно интереснее клейма, имеющие читаемые монограммы. Одно из клейм представляет собой буквенную лига туру в знаках греческого алфавита, заключенную в круг. Без труда различаются три знака k, o, ς (шрифт минускул). Затруднительно определить положение буквы «μ»— в начале или конце монограммы. Можно истолковывать эту лигатуру как сокращение титула «комненос» или «мегас комненос», в зависимости от положения буквы «μ». Уже упоминалось клеймо с монограммой «Иоанн», изображенной тем же шрифтом. Еще на одном клейме также изображены знаки греческого алфавита: Ψ, o, ν. Возможно, буква «пси» является сочетанием «омеги» и прописной «йоты» (рис. 14). С. П. Карпов считает, что это может быть сокращением названия трапезундской меры объема — модия псомиария. Известно еще одно клеймо на амфорной ручке с Селитренного городища[29] (рис. 15). На нем в круге изображена двубуквенная монограмма. Ее можно читать двояко: «UA» или «КА». В первом случае это может быть сокращением имени «Ирина», во втором «Комнин Алексей». Я не являюсь сторонником приписывания монограмм императорам. Вместе с тем не исключено, что чиновники иногда пользовались клеймами именно с императорскими монограммами. (Большую часть трапезундского вина давали императорские виноградники). Тогда селитренская монограмма принадлежит Ирине Палеолог (1340—1344) или Алексею III (1349—

* Пользуюсь случаем поблагодарить П. А. Ларенка, предоставившего мне эту находку.

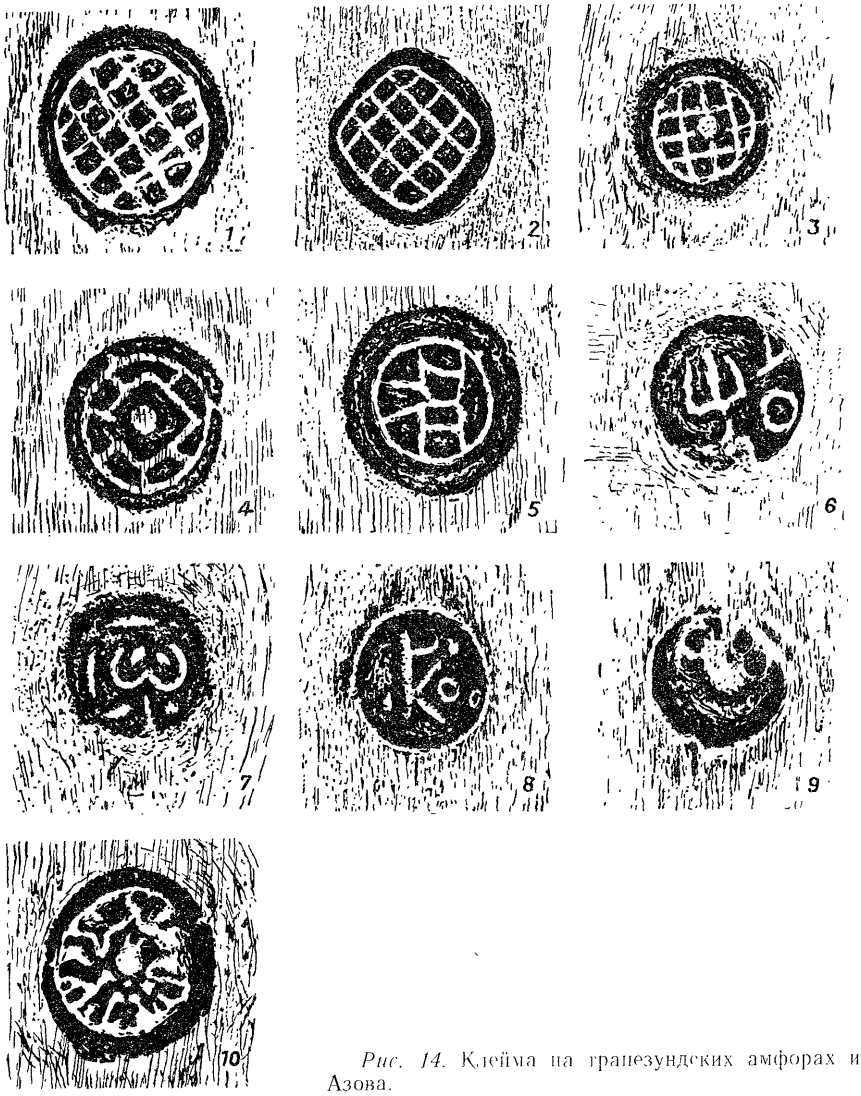


Рис. 14. Клейма на трапезундских амфорах из Азова.

1390). Монограмма |ω оттиснута во время правления Иоанна III (1342—1344). Явных противоречий с хронологией находок такие определения не вызывают.

В первую группу амфор входят еще два отдела. Второй отдел представлен обломком горла амфоры, которое значительно шире и выше обычных (рис. 13). Его высота — 4 см, диаметр по венчику—

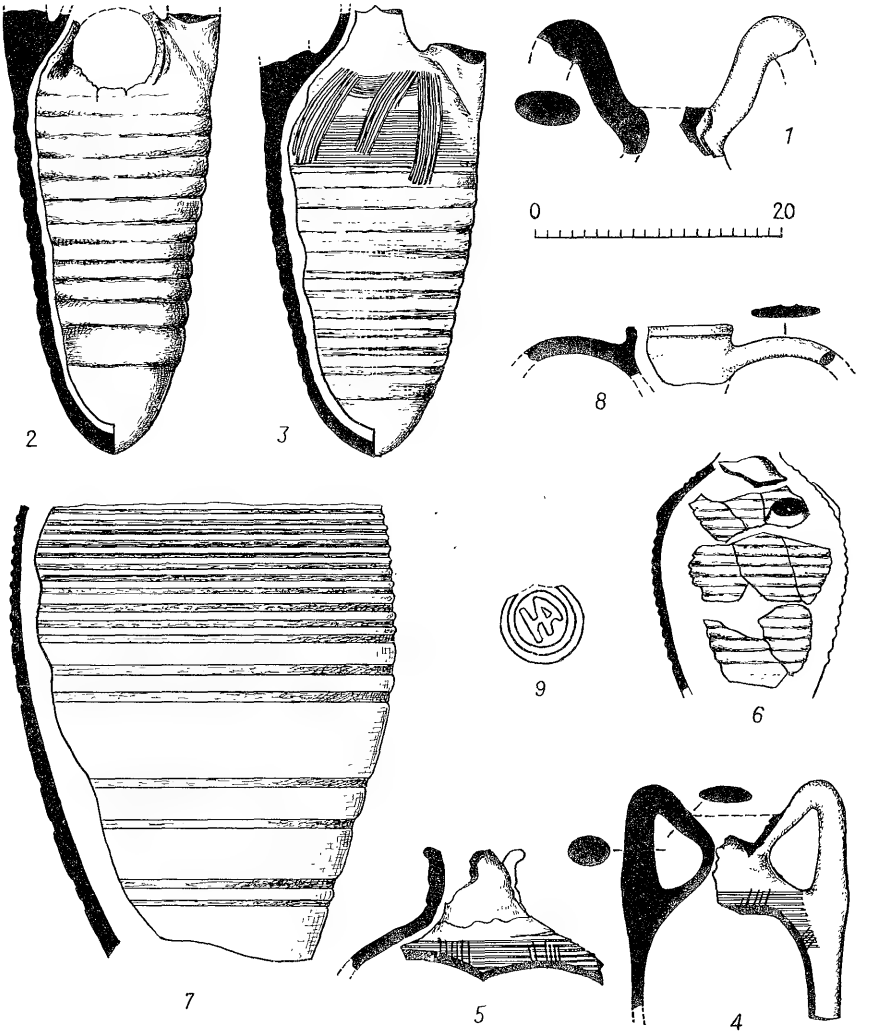


Рис. 15. Крымские амфоры (1–8). Клеймо на амфорной ручке с Селитренного городища (9).

11 см. На сохранившейся части плечика — рифление и белый ангоб. Использовано тесто первого типа с коричневатым оттенком. Все определимые технологические признаки характерны для группы. Подобное горло имела упомянутая амфора с городища Княжья гора[30].

Третий отдел представлен обломком плоскодонной амфоры (рис. 13). Диаметр дна — 10 см. Оно срезано с круга ниткой и поэтому вогнуто на 3 мм. Сохранившаяся высота — 8,5 см, диаметр на уровне облома — 22 см. Амфора сделана из формовочной массы первого типа с коричневатым оттенком. Все определимые технологические признаки характерны для группы в целом. Исключение составляет программа конструирования полого тела — донно-емкостная. Группу можно назвать трапезундской. Остается неразрешенным вопрос о том, какую реальную систему мер отражают стандарты объема.

Амфоры других групп более малочисленны, а иногда и вовсе единичны. Поэтому их классификация не может считаться окончательной, особенно при выделении низшей ступени классификации— типов. Кроме того, из-за недостатка собственно азовского материала приходится широко обращаться к аналогиям. Вторая группа состоит из одного отдела. Все типы сходны между собой по форме. Перечислим их.

Первый тип предлагаемой классификации хорошо известен и был неоднократно описан в советской историографии (рис. 15). Это так называемые амфоры с «веретенообразным туловом и высоко поднятыми ручками»[31]. Повторять описание не имеет смысла, к тому же в Азове были найдены только два фрагмента ручек амфор этого типа с характерной примесью навоза в тесте.

Второй тип представлен только азовскими находками (рис. 15). Эта амфоры с округлым дном и сильно вытянутым яйцевидным туловом. Максимальный диаметр тулова относится к его высоте приблизительно как 1:2. Высота максимального диаметра тулова приходится приблизительно на 3/4—4/5 его высоты. Горло невысокое и составляет около 1/8 общей высоты сосуда. Венчик отогнут наружу на 20—25°, скруглен и слегка утолщен. Ручки одним концом крепятся к венчику, другим — к нижней части плечика. Изгиб ручки поднимается над уровнем венчика приблизительно на половину высоты горла. Сечение ручек овальное: у венчика сильно уплощенное, у плечика более округлое. Поверхность сосуда, особенно в верхней части, покрыта белым или зеленоватым ангобом. Нижняя часть тулова покрыта плавным широким рифлением (ширина волны—1—2 см) от вытягивания на круге. На плечо нанесены горизонтальные и наклонные расчесы гребенчатым штампом. Линии орнамента в большинстве случае непрямолинейны. Амфоры этого типа сделаны на этапе РФК-6 или РФК-7 путем вытягивания на круге с применением неполного монолитного двухэлементного начина. В процессе изготовления сначала вытягивали тулово амфоры от стенок ко дну, затем тулово переворачивали и на его верхнюю часть налепливали глиняное кольцо, из которого вытягивали горло. Тесто, из которого изготовлены амфоры этого типа, имеет примесь крупного

шамота и известковых включений. Цвет черепка красно-коричневый или кремовый с фиолетовым отливом. Ручки сделаны из теста иного состава — с примесью навоза. Судя по немногочисленным остаткам амфор этого типа, размеры их были достаточно постоянными. Высота без ручек — от 39 до 42 см, диаметр — от 16 до 17,5 см.

Судя по нескольким фрагментам, существовал еще один тип в пределах этого отдела. Он отличался от второго типа только размерами в несколько раз большими (рис. 15). Предположительный диаметр этих сосудов — 35 см.

Точные аналогии амфорам последних двух типов неизвестны. Между тем, они очень близки по форме и субстратным технологическим признакам к «веретенообразным» амфорам (первый тип), широко распространенным в XI—XIII вв.[32] Различия состоят в способах обработки поверхности, качестве обжига (приспособительные признаки) и незначительных деталях формы. Таким образом, амфоры последних двух типов можно рассматривать как результат эволюции «веретенообразных» амфор. Образцы с декором переходного облика найдены на поселении Казачий Ерик. Малочисленность находок не позволяет достоверно выяснить центр производства сосудов второго и третьего типов. Можно утверждать, что они изготовлены там же, где и «веретенообразные». Последние распространены очень широко: в Северном и Северозападном Причерноморье, на территории Древнерусского государства. Время их наибольшего распространения — XII в. В это время древнерусские купцы часто бывали на крымских рынках. В Херсоне и Судаке продавались в большом количестве русские меха[33]. Вероятно, одним из основных их контрагентов было крымское вино. Трапезунд в XII в. еще не стал господствующим центром экспорта вина в Причерноморье. Поэтому нет смысла приписывать ему доминирующую в это время группу амфор.

Таким образом, наиболее вероятный экспортер вина в амфорах этой группы — Крым. Окончательный и более точный вывод сделать затруднительно, но именно такого мнения придерживается большинство исследователей[34]. В порядке рабочей гипотезы вторую группу амфор можно назвать крымской.

Третья группа также отличается малочисленностью и выделена условно. Особенно остро ощущается недостаток целых форм. Имеющиеся остатки не позволяют составить полного представления ни о технологии, ни о форме сосудов. В полной уверенностью можно сказать лишь то, что амфоры этой группы изготовлены на этапе РФК не ниже 6-го, скорее всего, на 7-м. Общим признаком является высококачественный обжиг и очень маленькая толщина стенок. Цвет черепка бледно-желтый или белый. Тесто тонкое, хорошо отмученное, без видимых примесей.

Первый отдел группы представлен только одним типом. Мелкие

фрагменты тонких стенок встречаются в небольшом количестве практически по всей площади памятника. О форме можно сказать немного (рис. 15). Тулово, скорее всего, было яйцевидным. (Возможно, при реконструкции допущены погрешности.) Его высота — не менее 60 см, максимальный диаметр — не менее 30 см. Горло было относительно узким — около 8 см. Венчик скруглен и слегка отогнут. Горло несколько дутое. Под венчиком к горлу под прямым углом налеплена сильно уплощенная ручка с продольным рифлением. Толщина стенок в средней части — 3—5 мм, в придонной — до 1,5 см. Поверхность покрыта резкопрофилированным горизонтальным рифлением.

Нет достоверных данных для выяснения места производства амфор этого типа. Они совсем не похожи на причерноморские изделия. Может быть, они происходят из Средиземноморья. Косвенно подтверждают это изображения сходных (плоскодонных) амфор на фреске Джотто из капеллы Санта-Мария дель Арена в Падуе, изображающей брак в Кане[35].

Второй отдел представлен только одним сосудом, составляющим один тип (рис. 15). Реконструирована только верхняя часть тулова. Тулово имело яйцевидную форму. Сохранившаяся высота — 18 см, максимальный диаметр — 16 см. Диаметр горла — не более 4 см. На плечике сохранился налеп от ручки подовального сечения. Поверхность покрыта плавным рифлением. Ширина волны — около 1 см. Толщина стенок — 4—8 мм. Цвет черепка белый.

Третью группу можно условно назвать средиземноморской.

Территория дельты и нижних 50 км течения Дона обнаруживает тесную связь с отдаленными южными районами — южным берегом Черного моря, Прикубаньем, Северным Кавказом. Иногда связь с этими районами бывает более тесной, чем с окрестной степью. В первых веках н. э. нижнее течение Дона было густо заселено меотами, внезапно пришедшими из Прикубанья[36]. В этот период в Танаис поступали южнопонтийские амфоры в количествах значительно больших, чем в любой другой город Северного Причерноморья. Очень точно это явление повторяется в золотоордынское время. В Азаке господствуют лощеная керамика прикубанского облика и трапезундская амфорная тара. Более или менее похожую картину можно наблюдать почти во всех хронологических периодах. Чем объяснить это явление? Только ли тем, что между указанными районами пролегает морской путь? И вообще едины ли причины таких событий для каждого хронологического периода?

Литература

[1] Антонова и др. Средневековые амфоры Херсонеса//АДСВ. Сб. 7. 1971; Якобсон А. Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья//СА. XV. 1951; Он же. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.

Л., 1979; Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища// Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1964; и др. В этих работах традиционно очень мало внимания уделяется материалам XIII—XV вв.

[2] По вопросам, касающимся торговли в Азове, см.: Ковалевский М. М. К ранней истории Азова//Труды XII Археологического съезда в Харькове. Т. 2. М., 1905; Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.

[3] Плетнева С. А. Керамика Саркела-Белой Вежи//Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 2. МИА. № 75. 1959; Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес, XII—XIV вв.//МИА, № 17. 1950. С. 101—107.

[4] Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С. 244.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 242.

[7] Обзор находок см.: Якобсон А. Л. Керамика... С. 113; Ср.: Полевой Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969. С. 125. Табл. XXIV, 1—4. (Опубликованы только ручки амфор. Автор настаивает на местном производстве таких амфор, ссылаясь на находки «брака» перекаленных черепков — рядом с гончарной печью. К сожалению, на той же таблице изображено дно античной амфоры.); Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг.// МИА. № 25. 1952. Боспорские города. Т. 1. С. 180. Рис. 83; О наиболее ранних находках в Приазовье: Ларенок П. А. Отчет об охранных раскопках городища Самбек Неклиновского района Ростовской области в 1977 г.//Архив ИА АН СССР, Р—1, № 6751, а, табл. 12, 1. Фрагменты таких амфор найдены на городище Маджары//ГИМ, инв. 45439, оп. 154, хр. 101/34б и др.; О раскопках: Городцов В. А. Результаты археологического исследования на месте развалин г. Маджар в 1907 г.// Труды XIV Археологического съезда. Т. 3. М., 1911.

[8] Рудаков В. Е. Материалы XII—XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.)//АДСВ. Сб. 12. 1975. С. 26; Романчук А. И. Материалы к истории Херсона XIV—XV вв.//Византия и ее провинции. АДСВ. 1982. С. 94; Якобсон А. Л. Керамика... С. 111.

[9] Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978. С. 27.

[10] Мангайт А. П. Старая Рязань//МИА. № 49. С. 187—188. Рис. 145 (надпись «новое вино Добрило прислал князю Богунка»); Равдина Т. В. Надпись на корчаге из Пинска//КСИА. Вып. 70. 1957 (надпись «Яропольче вина»); Голубева Л. А. Надпись на амфоре из Белоозера//СА. № 3. 1960 (надпись «масло»). Ср.: Михайлов Ст. Археологические материалы от Плиска//ИБАИ. Т. 20. 1955 (надпись «показов кръчаг»).

[11] Якобсон А. Л. Керамика... С. 111.

[12] Федоров-Давыдов Г. А. Отчет об археологических работах на Царёвском городище (Сарае-Берке) в 1960 г.//Архив ИА АН СССР. Р—1. № 2123б, Рис. 27; Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Л., № 1981. С. 34. Рис. 22,6; С. 39. Рис. 27; Рыбина Е. А. Указ. соч. С. 27—29.

[13] Карпов С. П. Особенности развития поздневизантийского города-эмпория (Трапезунд в XIII—XIV вв.)//ВО. 1977. С. 96.

[14] Барбаро И. Путешествие в Тану//Скржинская Е. Ч. Барбаро... С. 160. Ср.: Карпов С. П. Указ. соч. С. 95.

[15] Карпов С. П. Особенности развития... С. 96.

[16] Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XIV вв. М., 1981. С. 38.

[17] Он же. Особенности развития... С. 96.

[18] Карпов С. П. Автореф. докт. дисс.

[19] Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес... С. 37—42. Ср.: Романчук А. И. Материалы к истории... С. 89.

[20] Карпов С. П. Особенности развития... С. 96; Он же. Трапезундская империя... С. 30.

[21] Якобсон А. Л. Керамика... С. 73—75; Рис. 44; Плетнева С. А. Керамика Саркела-Белой Вежи. С. 244. Рис. 30.

[22] Византийская книга эпарха. Вст. ст., пер. и комм. М. Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 67, 68.
[23] Там же. С. 246.
[24] Там же. С. 244.
[25] Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 88, 89. Рис. 41,4.
[26] Кубишев А. І. Хронологія одного типу амфор часу Київсько Русі.—Археологія (Київ). Т. 6. Киев, 1972.
[27] Успенский Ф. И. Очерки истории Трапезундской империи. Л., 1929.
[28] Лихачева В. Д. Византийская миниатюра. М., 1977. Ил. 32, 40.
[29] Филипченко В. А. Отчет об археологических разведках, проведенных в 1952 г. Астраханским областным краеведческим музеем на территории Каспийского, Лиманского, Красноярского, Хараболинского районов Астраханской области// Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1265. С. 12. Рис. 16.
[30] Кубишев А. И. Указ. соч.
[31] Романчук А. И. Торговля Херсонеса в VII-XII вв.//ВВ. Т. 7. 1981. С. 324.
[32] Якобсон А. Л. Керамика... С. 11. Там же см. обзор находок.
[33] Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес... С. 26.
[34] Якобсон А. Л. Керамика... С. 111.
[35] Дворжак М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения. М., 1978. Табл. 2, 3.
[36] Каменецкий И. С. Население Нижнего Дона в I–III вв. н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1965. С. 19.

П. П. Бырня, Н. Д. Руссев

О неполивной керамике XIV века из Пруто-Днестровья

Культурно-исторический облик Запада и Востока, исторические условия и характер их взаимодействия — одна из самых сложных проблем современной науки. Речь идет о контактах двух миров, определяемых географическими понятиями «Европа» и «Азия», неустойчивый рубеж между которыми, как принято считать, в период средневековья постепенно сдвигается от Днестра к Дону[1]. Смешение населения, лежащее в основе приграничных этнокультурных процессов, неизменно отражалось на материальной культуре контактных зон. Одним из самых четких показателей этого явления можно считать технологию гончарных изделий, в которой рождаются гибридные производственные навыки[2]. Это делает древнюю посуду надежным источником для реконструкции многих явлений в районах взаимодействия.

Изучение керамики давно стало традиционным аспектом исследования материальной культуры, а трактовка одних и тех же материалов далеко не всегда однозначна. В такой ситуации неизбежно происходит актуализация историографического анализа. Нам думается, что сказанное справедливо для взглядов на происхождение

неполивной посуды XIV в. из Пруто-Днестровья, бытующих на страницах специальной литературы и в полевой практике.

Оказавшись в составе государства татаро-монголов, эти земли стали крайним западным районом распространения золотоордынской синкретической культуры, созданной трудом подневольного населения. Самым массовым и часто исследуемым материалом по памятникам этого времени является керамика. За 60—80-е гг. тема обросла солидной библиографией, так или иначе затрагивающей рассматриваемые нами вопросы. Позитивный вклад большинства работ неоспорим — обработаны и введены в научный оборот значительные коллекции из раскопок на территории Молдавии, однако обобщающих исследований, претендующих если не на окончательное разрешение проблем, то хотя бы на глубокий анализ противоречий и генерализацию имеющихся достижений, пока нет. Первые шаги в этом направлении сделали наши предшественники.

Схема этнокультурного смешения традиционно поднималась как взаимодействие некоего субстрата и адстрата в лице местных и пришлых групп населения. Для времени установления господства Золотой Орды в нашем регионе вопрос о местной составной в развитии керамического производства — толика сложной проблемы о домонгольском населении края и характере его материальной культуры. Историография темы достаточно обширна из-за полемики вокруг так называемой балкано-дунайской культуры. Большинством советских исследователей массив этих памятников в степной части Пруто-Днестровья относится к VIII—X вв. и интерпретируется как вариант салтово-маяцкой культуры или культуры I Болгарского царства[3]. Однако исследования в молдавской лесостепи позволили И. Г. Хынку на основании ряда находок датировать культуру X—XIV вв. и связать ее с раннемолдавской историей[4]. Такая трактовка памятников, отстаиваемая и некоторыми румынскими историками, вызвала возражение многих советских исследователей. Подробный анализ материалов и взглядов И. Г. Хынку выявил неправомерность его опорных датировок, неубедительность и ошибочность концепции в целом[5]. Действительно в центральной части Пруто-Днестровского междуречья есть памятники, продолжающие свое существование после гибели I Болгарского царства в начале XI в. Они сохраняют некоторые черты балкано-дунайской культуры, однако в той же мере материалы с этих поселений обладают признаками, роднящими их с древнерусской и кочевнической культурами. Эти памятники, называемые в последнее время памятниками типа Ханска-Рэдукэнень, по мнению Г. Ф. Чеботаренко, появились в результате образования в центральной части региона контактной зоны и датируются X—XII вв.[6] Тем не менее проблема пока не исчерпана, потому мы и обращаемся к керамике этих памятников. Она изготовлена на ручном гончарном круге из глины с примесями песка, растительных остатков,

толченых ракушек. Обжиг изделий производился в недостаточно окислительной и восстановительной среде обычно одноярусных горнов. Цвет черепка коричневый, но может варьировать от красного до черного. Среди форм преобладают горшки различных модификаций с орнаментом из прямых и волнообразных линий, нанесенных зубчатым инструментом. На днищах многих сосудов имеются разнообразные рельефные клейма. Кувшины, миски и чашки редки. В зависимости от формы венчика у горшков И. Г. Хынку выделяет пять типологических форм керамики, дожившей в лесостепи до XIV в. Более того, три из них вместе с кувшинами и мисками якобы «вошли в состав комплекса молдавской керамики»[7]. Насколько обосновано это мнение, мы покажем ниже.

Другая проблема — это открытые еще в конце 50-х гг., но малоисследуемые памятники с керамикой галицкого типа: Бранешты III, X, XIII, Иванча II, Юрчены, Бардар II, Ханска, Данчены и др. Раскопки, проведенные на некоторых из них, дали в руки специалистов интересный керамический материал, по формам и технологии входящий в круг древнерусской домонгольской посуды. Вместе с тем, находки с этих памятников обладают целым рядом черт, сближающих их с гончарными изделиями Галицкой Руси XII—XIII вв. Эта керамика изготовлялась на ручном гончарном круге из хорошо подготовленного теста, содержащего большое количество песка. Обжигалась посуда в типичных для Руси глинобитных двухъярусных горнах с так называемым «козлом». Она представлена горшками красного, бурого и серого цветов с четко выраженной шейкой и сильно отогнутыми венчиками с ложбинкой под крышку. Сосуды украшены линейно-волнистым орнаментом. Кроме этой, судя по всему, архаичной группы, для открытых поселений характерны небольшие горшки желто-серого, реже — бурого цвета с прямым утончающимся к краю венчиком, который слегка отогнут наружу[8]. Датируются эти поселения концом XII—XIII вв. Однако раскопки гончарного горна на памятнике Бранешты-III, где в закрытом комплексе с посудой второй группы найдена золотоордынская керамика, позволяют отнести поселение к XIV в.[9] Этим же временем можно, по-видимому, датировать и фрагментированную керамику галицкого типа, найденную вместе с золотоордынскими материалами в Старом Орхее и на Машкауцком городище.

К настоящему времени изучена наиболее полно неполивная керамика-адстрат, обязанная своим появлением татаро-монгольским завоеваниям. Производилась она на сельских поселениях и в городах XIV в., составляя основную часть их керамических комплексов. Богатые коллекции, накопленные в послевоенные десятилетия благодаря раскопкам Г. Д. Смирнова, Э. А. Рикмана, И. А. Рафаловича, Л. Л. Полевого, а также открытие гончарных мастерских в Костештах и Лозово, создали возможность для изучения керамического произ-

водства той эпохи. Наибольший вклад в изучение темы внесены Л. Л. Полевым. Рассматривая материалы с городища у села Костешты, Л. Л. Полевой совместно с И. А. Рафаловичем, выделил четыре группы «городской керамики», из которых только одну они именуют «собственно городской». Отметив ничтожное количество находок 1-й и 2-й групп, авторы статьи на материалах 3-й и 4-й групп пришли к выводу о существовании в Пруто-Днестровском междуречье локального варианта городской керамики, соединившей в себе три компонента: местный, гончарные традиции городов Северного Причерноморья и восточные традиции Поволжья и Средней Азии. Появление этого керамического комплекса авторы связывают с политическим господством Золотой Орды[10]. В дальнейшем взгляды Л. Л. Полевого значительно трансформировались. Его разработки представляют окончательно сложившиеся позиции исследователя в этой области. Неполивная посуда XIV в. разделена им на две большие группы: «сельскую» и «городскую».

«Сельская» керамика, производившаяся на сельских поселениях до середины 60-х гг. XIV в., а также в городах на стадии их становления, формовалась на ручном круге медленного вращения, в ленточной технике из чистого без видимых примет теста. Обжигалась продукция в глинобитных двухъярусных горнах. Обжиг керамики, как правило, сквозной, цвет — красно-желтый. Многие сосуды орнаментированы насечками и волнообразными линиями, нанесенными гребенкой. Некоторые сосуды имеют полосчатое лощение. В ряде случаев на днищах имеются клейма гончаров. Иногда встречается покрытие ангобом. Ассортимент форм невелик: горшки, кувшины, корчаги, миски, амфоровидные сосуды. Л. Л. Полевой чаще всего именует эту посуду «красно-желтой ленточной». Автор указывает на очень широкий круг аналогий этой керамики — это материал со слабо изученных памятников XIII—XIV вв. степного Причерноморья, Крыма, Нижнего Дона, Северного Кавказа и Поволжья. Проанализировав немногочисленную литературу по данной проблематике, исследователь склонен связывать появление красно-желтой ленточной керамики с эволюцией салтово-маяцкой культуры, усматривая в ней алано-болгарские традиции. Вопрос этнической интерпретации Л. Л. Полевой решает очень осторожно, предполагая, что памятники с такой посудой могла оставить одна из групп разноплеменного населения Дешт-и-Кипчак, мигрировавшая на запад. Это могли быть аланы, черкесы, обезы, русы, остатки болгар, венгров, хазар, оседлые половцы, греки, армяне и др.[11]. В своей монографической работе, посвященной городскому гончарству Пруто-Днестровья, автор, вновь возвращаясь к вопросу о «сельской» керамике, выделяет помимо красно-желтой (первая группа А) новый тип керамики (первая группа Б). Это шероховатая посуда, изготовленная из теста со значительной примесью пироксенового песка. Обжиг у этой посуды

не всегда равномерен, из-за чего цвет черепка колеблется от красно-бурого до серого и даже черно-бурого. Ассортимент форм еще менее богат по сравнению с группой А — это горшки с ручкой и без, миски. В тех случаях, когда сосуды орнаментированы, их декоративный рисунок представляет собой врезную линию — прямую или волнообразную. Происхождение этого вида керамики Л. Л. Полевой связывает с районом Подунавья и Восточных Карпат, находя аналогии на археологических памятниках современной Болгарии и Румынии. Вместе с тем, конкретных носителей автор определить не решается[12].

«Городская» керамика XIV в. изготавливалась из хорошо приготовленного теста, содержащего конкреции известняка. Формировались изделия в основном на ручном круге быстрого вращения путем вытягивания спирального налепа. Обжигалась продукция в горнах различной конструкции, обжиг — сквозной, цвет черепка — от светло-желтого до кирпично-красного. Ассортимент форм данной группы гораздо богаче — это миски, горшки, маркотцы, тарелки, кувшины, копилки, подсвечники, трубы. Орнамент на сосудах однообразен и прост — углубленные параллельные линии, нанесенные по плечикам. Обращаясь к аналогиям, Л. Л. Полевой приводит близкие по форме и декору сосуды из Болгарии, Румынии, Крыма, Подонья, Поволжья, Грузии, Армении, Северного Ирана и Ближнего Востока. По мнению автора, большинство форм неполивной посуды 2-й группы привнесены в регион в сложившемся виде. Вместе с тем, он указывает на типологическую связь наиболее обиходных форм с «сельской» керамикой. Эти формы не находят аналогий за пределами Пруто-Днестровья. По заключению автора, керамика 2-й группы явилась продуктом взаимодействия на местной почве культурно-исторических традиций Северного Причерноморья, Закавказья, Ближнего Востока, Поволжья и Нижнего Дуная[13].

Работа Е. Н. Абызовой, посвященная классификации огромной коллекции неполивной керамики из Старого Орхея, также рассматривает две группы изделий, хотя исследовательница не столь категорична в определениях. Выделенные ею два класса керамических изделий фактически соответствуют городской и сельской А группам, выделенным Л. Л. Полевым. Каждый из классов представлен определенным количеством видов: I—11 видами, а II—21. По ходу описания различных типов керамики автором приводятся некоторые аналогии из самых разных областей от Византии до Хорезма, от Болгара до Закавказья. И в итоге Е. Н. Абызова приходит к выводу: «Исследуемая керамика синкретична. Наблюдения над формами сосудов и их декором позволяют с достаточным основанием говорить о влиянии гончарного производства Поволжья, Крыма, Волжской Болгарии, Саркела-Белой Вежи»[14].

Как видно, вопрос о происхождении керамики решается не очень определенно. Возможность участия субстрата в развитии гончар-

ного производства XIV в. и возникновение на этой основе новых синкретичных форм нереальна даже теоретически. Сопоставление керамических комплексов трех рассмотренных археологических культур наглядно демонстрирует относительный примитивизм местной домонгольской посуды по сравнению с собственно золотоордынским гончарным ремеслом, господствовавшим в Пруто-Днестровье в XIV в. Различия между балкано-дунайскими и золотоордынскими материалами настолько велики, что предположить одновременное существование их на памятниках, удаленных друг от друга несколькими километрами, просто невозможно. Более того, никакого влияния развитого ремесла на более примитивное здесь не обнаруживается. При их соприкосновении оно было бы обязательно[15]. Очевидно, фрагменты золотоордынской керамики и монеты XIV в., найденные в культурном слое балкано-дунайских поселений, случайны на этих памятниках. Об этом говорят исследования Г. Ф. Чеботаренко, которые убедительно показывают временной разрыв между балкано-дунайской керамикой и керамикой золотоордынской эпохи, измеряющейся не менее чем столетием[16]. Примечательно, что на золотоордынских памятниках Молдавии (Лозово, Костешты, Старый Орхей) ни разу в закрытых комплексах не встречена балкано-дунайская керамика. С другой стороны, при раскопках на территории золотоордынского городища Старый Орхей жилища 41 с характерной древнерусской и так называемой балкано-дунайской керамикой — обломками сосудов со жгутовидными венчиками, материалы XIV в. в котловане совершенно отсутствовали. Комплекс всех находок из землянки с печью-каменкой не может быть датирован позднее XII в.[17]

Посуда галицкого типа также не была включена в процесс развития золотоордынской синкретической керамики. Напротив, она сама испытала воздействие более высокоорганизованного производства. Не исключено, что вторая группа горшков с памятников галицких выгонцев, развивавшаяся по пути упрощения и стандартизации форм, отражает влияние товарного гончарного производства, привнесенного в Пруто-Днестровье завоевателями. Эта группа не находит прямых аналогий среди материалов Галицкой Руси. Для выяснения правомерности нашего предположения необходимо специальное исследование.

Таким образом, в проблеме происхождения неполивной керамики XIV в. несомненными для исследователей являются лишь три положения: а) керамический комплекс целиком является привнесенным; б) его характер синкретичен; в) его появление связано с господством Золотой Орды.

Благодаря работе С. Е. Михальченко, посвященной систематизации неполивной посуды из городов Поволжья, появилась возможность сравнить наши коллекции с материалами классических золотоордынских памятников, которые могут считаться эталонными.

Обобщив богатейший материал, исследовательница выделила 31 группу изделий, типичных для городских центров на Волге. Затем, в результате скрупулезного сопоставления этих групп с материалами различных памятников Золотой Орды, она выявила многочисленные им аналогии. Распространение различных групп посуды убедительно показывает, что далеко не все из них известны в городах периферии Золотой Орды[18]. В коллекциях Костешт и Старого Орхея С. Е. Михальченко отмечает лишь шесть групп керамики из разработанной ею систематизации[19].

Из 32 неполивных видов керамики Пруто-Днестровья по классификации Е. Н. Абызовой только очень незначительная часть находит аналогии в материалах Селитренного, Царевского, Водянского городищ и Увека. Очевидно, права С. Е. Михальченко, утверждая, что возникновение золотоордынского керамического ремесла нельзя связывать с одной или двумя близкими культурами. В процессе взаимодействия старых традиций материального производства создавались новые, в том числе и в гончарном деле. Своеобразие этнокультурного смешения в каждом регионе определялось особенностью культурно-исторических традиций, вовлеченных в него групп населения[20]. Можно совершенно определенно утверждать, что компоненты, из которых сложилось синкретическое гончарство Поволжья, на периферии государства составляли лишь часть контактирующих элементов. Здесь на окраинах продолжалось дальнейшее смешение сопоставимых по уровню ремесленных традиций. На первых порах, в зависимости от степени развития местной керамики, гончарная технология, принесенная из центра, могла доминировать или приходить в неустойчивое состояние. Затем происходило заимствование технологических приемов мастерами неустойчивой системы — возникали гибридные формы сосудов[21].

Исходя из того, что основные формы и сельской, и городской керамики были принесены в Пруто-Днестровье в готовом виде, а местные компоненты не участвовали в их последующем развитии, обратимся к аналогиям этой керамики. Работы Л. Л. Полевого и Е. Н. Абызовой показывают, что она происходит из географически наиболее близких областей — Крыма и Нижнего Подунавья. Можно допустить, что целый ряд форм из коллекций Костешт и Старого Орхея восходит к аналогам с археологических памятников Румынии, Болгарии и Крыма. Однако обстоятельный анализ выявленных подобий на историографическом уровне всегда рискован. Ограничимся в рамках данной статьи общей характеристикой керамического производства этих сопредельных зон.

В Крыму и Подунавье в результате этнокультурного смешения задолго до нашествий татаро-монголов сложилось высокоразвитое гончарное ремесло. Несмотря на отсутствие прямых связей между этими областями, их керамическое производство имеет определен-

ное родство. История материальной культуры регионов указывает на два общих компонента: салтово-маяцкий и византийский. Смешение славян с протоболгарами на Балканах привело после преодоления этнокультурного дуализма к возникновению культуры I Болгарского царства. В XI—XII вв. под влиянием Византии складывается культура II Болгарского царства, его комплекс неполивной керамики несет на себе отпечаток трех культур[22]. В основе культурно-исторического развития Крыма лежат древние местные и позднеантичные традиции, также испытавшие влияние салтово-маяцкой и византийской культур[23].

К сожалению, исследователи, отмечавшие крымско-подунайские параллели, вопрос о характере и причинах таких явлений не рассматривали. Между тем, в них проявлялось едва ли не единственное направление связи золотоордынского Пруто-Днестровья с европейской культурой. Конкретное выражение названных контактов, исторические условия и история взаимодействий оседлого населения в период владычества азиатских кочевников — предмет отдельного исследования.

Литература

[1] Ремпель Л. И. Искусство Среднего Востока. М., 1978. С. 213.

[2] Бобринский А. А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения//Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980. С. 57—59.

[3] Плетнева С. А. От кочевий к городам//МИА. 142. 1967. С. 189; Чеботаренко Г. Ф. Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X—XII вв. Кишинев, 1982. С. 5.

[4] Хынку И. Г. Памятники балкано-дунайской культуры (X—XIV вв.)//Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974. С. 149—150.

[5] Бырня П. П., Рафалович И. А. Проблема местного населения Днестровско-Прутского междуречья X—XII вв. и балкано-дунайская культура//Известия АН МССР, 1. 1978. С. 65—75; Чеботаренко Г. Ф. Указ. соч.

[6] Чеботаренко Г. Ф. Указ. соч. С. 56—57.

[7] Хынку И. Г. Молдавская народная керамика. Кишинев. 1969. С. 9—11; Он же. Памятники... С. 134—138.

[8] Бырня П. П. К вопросу о керамике галицкого типа на территории Молдавии// Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969. С. 91—102; Он же. Галицкие славяне в Молдавии//Тезисы докладов совместной делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980. С. 59—69; Власенко И. Г. Раскопки поселений Иванча II и Бранешты III//Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985. С. 141—152.

[9] Бырня П. П. К вопросу о керамике галицкого типа... С. 97.

[10] Полевой Л. Л., Рафалович И. А. О городской керамике Днестровско-Прутского междуречья//Известия Молдавского филиала АН СССР. 4(70). 1960. С. 55—62.

[11] Полевой Л. Л. Об одной из групп керамики на поселениях XIV в. в Пруто-Днестровском междуречье//Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964. С. 182—196; Он же. Археологические материалы к истории Молдавии XIV в.//СА. 3. 1965. С. 66—69; Полевой Л. Л.,

Бырня П. П. Средневековые памятники XIV–XVII вв.//Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 7. Кишинев, 1974. С. 9—21.

[12] Полевой Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV веке. Кишинев, 1969. С. 110–113.

[13] Полевой Л. Л. Городское гончарство... С. 114–144.

[14] Абызова Е. Н. Неполивная керамика XIV в. из Старого Орхея//Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985. С. 35—58.

[15] Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С. 242–244; Он же. Гончарная технология... С. 58.

[16] Чеботаренко Г. Ф. Указ. соч. Табл. 1, 4, 6.

[17] Бырня П. П., Рябой Т. Ф. Отчет о раскопках в Старом Орхее в 1985 году. Кишинев, 1986. С. 51—53.

[18] Михальченко С. Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья//СА. 3. 1973. С. 118—131.

[19] Михальченко С. Е. Указ. соч. С. 123. Рис. 3: 1, 5, 9, 10, 13, 26. С. 131. Рис. 5. В статье допущены незначительные цифровые погрешности, которые не меняют общей картины.

[20] Михальченко С. Е. Указ. соч. С. 131.

[21] Бобринский А. А. Гончарная технология... С. 58–59.

[22] Георгиева С. Керамиката от двореца на Царевец//Царевград Търнов. София, 1974. Т. 2. С. 46—56.

[23] Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес//МИА. 17. 1950. С. 223, 254; Он же. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 60–64, 108—109, 157—158; Фронджуло М. А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957–1959 гг.//Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 130—132.

Е. И. Нарожный

О роли христианства в хулагуидо-джучидских взаимоотношениях в предкавказской зоне

Поводом к данной статье явилась длительная дискуссия, развернувшаяся вокруг проблемы историко-культурной атрибуции и определения хронологии функционирования христианских храмов городища Верхний Джулат (Северная Осетия). Первоначальная датировка храма № 1 «раннемонгольским временем», предложенная Е. И. Крупновым, свидетельствовавшая, по его мнению, о существовании здесь христианства, целиком зависевшего от Грузии[1], вскоре была пересмотрена. В дальнейшем, проверив свои выводы, Е. И. Крупнов высказал предположение о функционировании храма в пределах XI—XII вв., соотнося церковь с «широким кругом памятников византийско-киевской архитектуры». Но при этом исследователь свой новый тезис оговаривает тем, что подобные храмы не чужды и церковной архитектуре Восточной Грузии[2]. Новая точка зре-

ния быстро стала популярной[3]. После открытия на городище в 60-х гг. еще двух храмов, постепенно начинает формулироваться еще одна — новая точка зрения. Ее автор В. А. Кузнецов, пересмотрев мнения и аргументы своих предшественников (в том числе и свои), предложил считать время сооружения всех трех церквей XIV в.[4] Одновременно он приходит к выводу о том, что конструктивные детали церквей Верхнего Джулата сближают их с аналогичными памятниками европейской католической архитектуры[5]. Обзору всей дискуссии посвящена специальная статья В. Б. Виноградова и С. А. Голововой[6], наблюдения которых были подкреплены М. К. Джиоевым в его диссертационной работе[7].

Основываясь на спорных моментах в трактовке стратиграфических особенностей верхнеджулатского городища и опираясь на свидетельства письменных источников (главным образом — грузинских), исследователи предложили свою датировку и интерпретацию памятника, справедливо выделив в истории храмов несколько периодов. Первоначальное строительство и восстановление их после событий середины XIII в. авторы увязывают с активной деятельностью Грузии. Лишь только после 1277 —1278 гг. церкви были перестроены под католические, но уже католическими миссионерами, действовавшими через Золотую Орду[8]. Таким образом, в кавказоведческой литературе был поставлен вопрос о месте Грузии и роли христианства в системе хулагуидо-джучидских взаимоотношений.

Динамика грузино-северокавказских отношений неоднократно привлекала внимание специалистов. В результате, общепринятым стал тезис о наибольшем расцвете и интенсивности этих отношений в X—XII вв. Однако и в XIII в. они не прекращаются. Наиболее ярким примером тому является сообщение письменных источников (грузинских и армянских) о борьбе народов Северного Кавказа совместно с грузино-армянским войском против вторгшегося в Закавказье хорезмшаха Джалал-ад-Дина, когда царица Русудан «отверзла Врата Дарьяльские и впустила аланов, дурдзуков, а заодно с ними и всех горцев тех мест»[9]. Это свидетельство перекликается с известиями восточных авторов (Рашид-ад-Дин и Шихаб-ад-Дин ан Насави)[10].

С середины XIII в. грузино-северокавказские (и в частности, грузино-аланские) взаимоотношения вступают в новый этап, поскольку с началом оформления границ Золотой Орды и владений Хулагуидов традиционные союзники оказываются по разные стороны пограничной зоны, разделившей улусы Чингизидов. Аланы вошли в периферийные районы государства Джучидов, Грузия же оказалась в сфере политического и экономического контроля Ильханов. Границей между чингизидскими владениями стали горные отроги Главного Кавказского хребта, населенные горцами. С юга и севера пограничная зона оканчивалась Дербентским и Дарьяльским горными про-

ходами, более известными под названием «Ворот». Широкая полоса пограничных земель, проходившая по горам Кавказа, так и не была покорена чингизидами и сразу же превратилась в один из крупнейших очагов сопротивления и активного противодействия как джучидам, так и хулагуидам. Этому во многом способствовали и ландшафтные преимущества горной зоны, куда постоянно устремлялись оппозиционно настроенные к чингизидам выходцы с равнин. Здесь в горах, а также примыкающих к ним предгорьях, проходила консолидация всех антиордынских сил, формировалось единство населения различных областей Кавказа, базировавшееся на почве неприятия завоевателей. Эта консолидация, проходившая в горах, неоднократно отмечалась в письменных источниках[11].

Существование такой зоны, довольно активно противодействовавшей обеим государствам чингизидов, не могло не беспокоить завоевателей, заставляя их искать пути и средства для ликвидации или нейтрализации опасного соседства. При этом существует и другая сторона в этой ситуации: действия горцев и выступления населения плоскости против одной из ветвей Чингизидов объективно делали их потенциальными союзниками другой. А это иногда имело немаловажное значение, особенно в ходе начавшихся военных столкновений ильханов и джучидов. В таких условиях хулагуиды прибегли к более гибкой политике, чем это делали джучиды, избрав важным средством для своего утверждения в покоренных странах и в противоборстве с джучидами известную веротерпимость к христианству. Посредством покровительства, со временем перешедшего в прямое поощрение христианского духовенства, хулагуиды стремятся найти поддержку среди феодальной верхушки покоренных государств. Особенно наглядно данный тезис виден на примере Грузии и Армении.

Вынужденные сначала поддерживать захватчиков, цари Грузии и Армении, используя покровительство и веротерпимость со стороны хулагуидов, со временем постепенно начинают лавировать, опираясь на любую возможность для борьбы за свою независимость, которая для Грузии увенчалась успехом лишь в середине XIV в.[12] Эти процессы хорошо отразились в письменных источниках. Так, закавказские источники, повествуя о начале завоевания региона, с болью и ужасом свидетельствуют о тех бедствиях, которые постигли в начале XIII в. их родину, постоянно употребляя для характеристики чингизидов такие эпитеты, как «хитрые», «беспощадные», «кровожадные» и пр.[13] Однако очень скоро отношение к хулагуидам в письменных источниках резко меняется. Причиной тому является быстрое приспособление представителей светской и духовной власти к новым условиям, во многом обусловленное и отношением к ним ильханов. Так, армянский историк замечает: католикос Константин Бардзрабеци обращается в особом послании ко всем жителям Великой Арме-

нии, призывая их не восставать и повиноваться монгольским военачальникам и нойонам[14]. Результаты не замедлили сказаться — многие представители феодальной верхушки Грузии и Армении по одному или группами стали переходить на сторону монголов. Царица Русудан решила отправить к ним своего сына Давида[15], вместе с которым были посланы видные военачальники и государственные деятели. После чего Давид вынужден был взять себе в жены Джигдухатун, монголку по происхождению[16]. Сходной оказалась судьба и видного придворного деятеля Армении атабека Авага, который от Великого Каана вернулся с большим «почетом», приведя себе в жены татарку[17]. Другие представители феодальной верхушки перестраховались иначе. Например, правитель Хачани Асан Джалал, покорившись завоевателям, поспешил выдать свою дочь Рузукан замуж за сына монгольского нойона Чармагана[18]. В результате все эти «великие мтавры» и князья обязались перед лицом новых правителей снабжать их продовольствием и помогать военными силами[19]. С этого времени источники начинают называть чингизидов совсем иначе. Особенно положительной характеристики в грузино-армянских источниках удостоились «умный и красивый Хулагу», «миротворец Абага-хан», с периодом правления которого источники связывают «достижение полного изобилия в стране»[20]. Критерием для такой оценки явилось отношение ильханов к христианству. Подобное возвеличивание является неслучайным, поскольку известная веротерпимость хулагуидов в свое время имела широкий резонанс даже на Западе[21].

Постоянные завоевательные кампании, необходимость упрочения своих позиций на покоренных территориях, перипетии внешней политики требовали от ильханов проведения политики более гибкой и более лояльной, нежели только утверждения своего диктата. Этот тезис становится понятным особенно в связи с начавшимися хулагуидо-джучидскими столкновениями за обладание Ширваном и Азербайджаном. Византия, взявшая на себя союзнические по отношению к ильханам обязательства, способствовала началу военного конфликта с Египтом, который выступил в качестве союзника Золотой Орды. И хотя Византия в данных условиях реальной помощи оказать не могла[22], ильханы были вынуждены посылать против мамлюков объединенные отряды вассальных (грузино-армяно-сельджукских) правителей, которые, по свидетельству очевидцев, терпели одно поражение за другим[23]. Вместе с тем, попытки ильханов найти союзников, которые помогли бы им выйти из создавшихся затруднений, приводят к обращению их за помощью к Западу. Но ни Генуя, ни короли Франции и Англии, ни римский папа, кроме многочисленных и пустых обещаний, никакой помощи не оказывали. Более того, Генуя попыталась даже сама использовать хулагуидов в противоборстве со своей соперницей — Венецией[24]. В данной си-

туации хулагуиды были вынуждены рассчитывать только на себя и поддерживающих их вассалов. Особенно ильханы надеялись на Грузию и Армению. На наш взгляд, это хорошо иллюстрирует клад серебряных монет из Жинвальского Хертвисе, случайно обнаруженный в 1981 г. Все найденные 74 монеты хорошо распадаются на несколько серий, хронологически сменяющих друг друга. Если первые две серии, чеканенные вплоть до 1279/80 г., содержат лишь титул Великого Каана, то сменяющая их группа значительно разнится от предыдущих. Эти монеты чеканены в Тбилиси и на них появляются теперь «имена ильханов», вместе с которыми на монетах чеканится текст «христианской молитвы и крест» – деталь, столь характерная для монетного производства Грузии «домонгольской поры»[25]. Такая особенность монет вполне согласуется с реальной обстановкой.

Грузинский «Хронограф» XIV в., описывая период, несколько предшествующий отмеченному началу грузино-хулагуидского монетного чекана, отмечает, что в то время, как ильханы ведут переговоры с Западом, некоторые грузинские феодалы попытались освободиться от власти ильханов. Одновременно джучиды отправляют к ним «множество посольств и подношений, премного даров». Причиной тому,— объясняет неизвестный автор XIV в.,— было стремление джучидских ханов овладеть «дорогой Дариалана», т. е. Дарьяла и «дорогой Запада», поскольку дороги эти находились в руках царей Грузии. Это пугало ильханов. Не случайно они, по свидетельству источников, «сообразуясь с обстановкой», не пошли на расправу с грузинскими заговорщиками, а вовлекли их в военные действия против Берке[26]. Стремление удержать в повиновении Грузию было продиктовано и тем, что Грузия, несмотря на вассальную зависимость, продолжала активную связь с северокавказскими аланами и населением горных областей Кавказа. Не случайно хулагуиды не препятствуют миссионерской деятельности Грузии среди алан и в приграничных с Грузией горных районах современного Дагестана. Более того, успешная миссия епископа Пимена Блаженного из Гареджи не только не встретила возражений, но и была, по-видимому, санкционирована ильханами[27]. Они сразу же провели перепись населения в зонах, охваченных миссионерской деятельностью, где впоследствии были размещены военные силы, превратившие эти районы в плацдарм для военных действий с джучидами на так называемом Дербентском направлении. Сообщения письменных источников подтверждаются находками предметов христианского культа из камня в Аварии, где были обнаружены и христианские захоронения того времени. Отмеченные находки замечательны и тем, что на некоторых из них сохранились грузинские и аваро-грузинские надписи, дешифрованные А. С. Чикобава и Т. Гудава[28].

На Дарьяльском направлении грузинская активность была еще более ощутимой. Хулагуидское покровительство грузинской церкви

оказало свое влияние на грузино-северокавказские отношения. Помешав джучидам сделать грузинскую феодальную верхушку и духовенство своими союзниками, ильханы сами пытаются использовать вассалов в борьбе с соперниками. Мало того, что грузино-армянские войска активно участвуют в походах хулагуидов на Северный Кавказ, хулагуиды поощряют и поддерживают алано-грузинские связи. Свидетельством этому было интенсивное церковное строительство на городище Верхний Джулат. В один из походов против Золотой Орды ильханы собрали большой отряд аланов, обитавших «у аланских ворот»[29].

По-видимому, алано-грузинские отношения в округе Дарьяльского ущелья достигли своего апогея к 70-м гг. XIII в., о чем может свидетельствовать сообщение русских летописцев о походе Менгухана, совместно с вассальными русскими князьями на город Дедяков — т. е. Верхний Джулат в 1277—1278 гг. Однако вряд ли правомерно рассматривать причины похода только как реакцию джучидов на крупное антимонгольское восстание. Строительство церквей, находки здесь типично грузинской поливной керамики XIII—XV вв., а затем и переселение в Закавказье значительной части алан, среди которых была «царствующая особа по имени Лимиджав с двумя малолетними царевичами: Бакатаром и Пареджаном» заставляет думать, что эта часть Предкавказья вплоть до конца 70-х гг. XIII в. вела активное сопротивление джучидам, так и не войдя в состав золотоордынского государственного образования. События 1277—1278 гг. положили начало активизации действий джучидов по закреплению за собой этой округи. Вместе с тем увеличение территории Золотой Орды, как это предполагает М. К. Джиоев и В. Л. Егоров, вряд ли началось с 1277 г.[30], поскольку источники отмечают, что вскоре (1295 г.) окру́га Дарьяла была вновь отвоевана у «татар» и продолжительное время находилась под контролем грузино-северокавказского населения[31].

Поход джучидов 1277 г. показал, что только силой установить свое господство в этой части Предкавказья, разорвав давние традиционные культурно-исторические и конфессиональные связи алан и Грузии было практически невозможно. Не смогли этого сделать и попытки мусульманского проповедничества на Северном Кавказе в I-й половине XV в. Единство христианского населения в неприятии ислама и улучшение взаимоотношений между Золотой Ордой и Римом создали благоприятную почву для деятельности католических миссионеров, которые в 1315 г. основали в Сарае епископство. М. Д. Полубояринова приводит по этому поводу сообщение францисканца Элемозина 1336 г. о том, что в Золотой Орде «насаждена истинная церковь и здесь братья-минориты учредили свои убежища в десяти местах: пять из них в татарских городах, пять в боевых станах и пастушеских таборах татарских»[32]. Возможно, как спра-

ведливо предполагают В. Б. Виноградов и С. А. Голованова, в число этих пяти городов входило и верхнеджулатское городище, где со временем разрушенные походом 1277 г. церкви с характерными чертами грузинской архитектуры были перестроены под католические. Это отвечало планам джучидов, заинтересованных в том, чтобы насаждением католичества среди немусульманской части населения окончательно разорвать традиционные узы религиозного альянса Грузии и алан. Для католического миссионерства в округе Дарьяла были благоприятные условия: ведь большинство местного населения было христианским, единого в своем неприятии ислама и потерявшего до поры традиционную возможность служить своим конфессиональным культам[33]. Однако своеобразная этнокультурная обстановка в округе приводит к быстрой этнизации нововведенных литургических канонов. Да и последующая ситуация складывается так, что уже во 2-й половине XIV в. в отношениях Золотой Орды и Рима наступает разлад[34], а нашествие Тимура фактически окончательно уничтожает завоевания католиков. Об этом наглядно свидетельствуют сообщения путешественников XV в.—И. Шильтбергера и И. Барбаро, которые хотя и пишут о большом количестве христиан в округе верхнеджулатского городища, но добавляют при этом следующее: «Священники их принадлежат к ордену кармелитов, которые совсем не знают по-латыни... Многие язычники из числа местного населения принимают христианство от них по одной лишь причине, что понимают то, что им читают и поют их священники»[35]. А начавшаяся в начале XVI в. новая волна христианской миссионерской деятельности Грузии[36] совсем вытесняет и уничтожает все пережитки католической пропаганды.

Таким образом, следует отметить, что христианство в системе хулагуидо-джучидских противоречий и взаимоотношений сыграло значительную роль, превратившись в одно из важнейших средств в противоборстве двух чингизидских ветвей, что диктует необходимость дальнейшего изучения этого перспективного направления. Его последующее исследование позволит не только значительно расширить наши представления о динамике золотоордынского присутствия в регионе, но и значительно уточнить географию границ двух владений, ибо христианство во многом способствовало значительной подвижности пограничных линий, что особенно заметно на примере ряда районов Кавказа, прилегающих к Дербенту и Дарьялу. В связи с этим как специальное направление актуализируется проблема роли христианства в алано-византийских отношениях. После прошедшего в 1983 г. в Тбилиси IV Международного конгресса по грузинскому искусству была опубликована специальная статья В. А. Кузнецова «Алания и Византия». В этой работе он специально остановился на периодизации интенсивности алано-византийских отношений, в том числе и конфессиональных в Северо-Западной

Алании. Заключительным (4-м) этапом исследователь обозначает хронологический отрезок с 40-х гг. XIII в. до конца XIV в.[37] Он справедливо определяет его как время угасания этой части аланского государства и прекращения взаимоотношений с Византией. Не вдаваясь в детали аргументации автора, уточним кое-что. Письменные источники свидетельствуют о том, что видимость алано-византийских отношений продолжается не до конца XIV в., а, по крайней мере, до 1356 г., когда источники отмечают синодальное низложение аланского митрополита — трапезундского грека Симеона, получившего тогда в Золотой Орде ярлык и лично назначавшего архиереев в Кавказскую митрополию[38]. По-видимому, с этим временем следует связывать и начало активного проникновения Золотой Орды в ряд горных районов Северо-Западной Алании, и в частности, в верховьях реки Зеленчук, где располагается Нижне-Архызское городище — памятник весьма уникальный, но стоящий до сих пор несколько особняком в историко-археологическом изучении Северного Кавказа.

Литература

[1] Крупнов Е. И. Христианский храм XII века на городище Верхний Джулат// МИА. № 114. М., 1963. С. 44—46.

[2] Крупнов Е. И. Новое в изучении истории Северного Кавказа//Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961. С. 48; Он же. Христианский храм... С. 44—68.

[3] Гриценко Н. П. Истоки дружбы. Грозный, 1975. С. 12; Он же. Города Северо-Восточного Кавказа и их производительные силы (V середина XIX в.). Ростов н/Д, 1984;. С. 17; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1978; Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1978; История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. Орджоникидзе, 1987. С. 82—134; и др.

[4] Кузнецов В. А. О чем рассказывают памятники археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1968. С. 50; Кузнецов В. А., Милорадович О. В. Археологические исследования в Северной Осетии//КСИА, 86. М., 1961. С. 108; Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974. С. 53 59; Он же. Церкви Верхнего Джулата, их время и интепретация//V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1975. С. 108.

[5] Кузнецов В. А., Милорадович О. В. Указ. соч. С. 108.

[6] Виноградов В. Б., Голованова С. А. О роли грузинского элемента в истории христианских храмов Верхнего Джулата (Дедякова)//Мацне. № 2. Тбилиси, 1982. Серия история, археология и история искусства. С. 149—159.

[7] Джиоев М. К. Алания в XIII—XIV вв. Автореф. канд. дис. М., 1982. С. 112 —122 и др.; Цулая Г. В. Грузинский «Хронограф XIV в». о народах Кавказа// Кавказский этнографический сборник. М., 1980. Т. 7. С. 198—205.

[8] Виноградов В. Б., Голованова С. А. О роли грузинского элемента... С. 149—159; Джиоев М. К. Указ. соч. С. 114.

[9] Цулая Г. В. Указ. соч. С. 200—201; Галстян А. Завоевание Армении монгольскими войсками//Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 166—185.

[10] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М., 1962. С. 28; Шихаб-ад-Дин-ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал-ад-Дина Манкбурны. Баку, 1973. С. 355; Буниятов З. М. Государство хорезмшахов Ануштегидов. М., 1986. С. 156—165; и др.

[11] Книга Марко Поло. М., 1965. С. 58; Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 108.

[12] Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный, 1982. С. 70.
[13] Галстян А. Указ. соч. С. 166.
[14] Там же. С. 178.
[15] Шенгелия Н. Н. Участие армяно-грузинских войск в Коседакской битве// Проблемы истории Турции. М., 1978. С. 12.
[16] Цулая Г. В. Указ. соч. С. 205.
[17] Галстян А. Указ. соч. С. 172.
[18] Шенгелия Н. Н. Указ. соч. С. 11.
[19] Галстян А. Указ. соч. С. 174—175.
[20] Тер-Мкртчан Л. Х. Армянские источники о Средней Азии. М., 1985. С. 75—76.
[21] Ледерер Э. Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями//Acta Historica Academie Scentarium Hungaricae. Budapest, 1953. Т. 2. F. 1—2. С. 27, 30—31; Wolf G. Gechichte des Mongolen Tataren. Breslau, 1872. S. 240; Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью хулагуидов//Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 254. Прим. 71.
[22] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 193—195.
[23] Тер-Мкртчан Л. Х. Указ. соч. С. 72; Шенгелия Н. Н. Из истории грузино-сельджукских взаимоотношений во второй половине XIII в.//Тюркологический сборник. 1978. М., 1984. С. 237—248.
[24] Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 237.
[25] Джалагания И. Л. Клад монгольских монет второй половины XIII в. из Жинвальского Хертвисе—Жинвали//Археологические памятники в Арагвском ущелье. Т. 1. Тбилиси. 1983. С. 180 (на груз. яз., резюме на русском); Джалагания И. Л. Иноземные монеты в денежном обращении Грузии. Тбилиси, 1982.
[26] Цулая Г. В. Указ. соч. С. 220.
[27] Цулая Г. В. Указ. соч. С. 201, 207. Прим. 51.
[28] Атаев Д. М. Каменные кресты из окрестностей Хунзаха//Материалы по археологии Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1959. С. 182—185.
[29] Цулая Г. В. Указ. соч. С. 200. Прим. 48.
[30] Джиоев М. К. Указ. соч. С. 96; Егоров В. Л. Указ. соч. С. 47.
[31] История монголов по армянским источникам. Вып. 1—2. Спб., 1844. С. 62.
[32] Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 27.
[33] Виноградов В. Б., Голованова С. А. Указ. соч. С. 157.
[34] Полубояринова М. Д. Указ. соч. С. 27; Виноградов В. Б., Голованова С. А. Указ. соч. С. 157.
[35] Путешествие И. Шильтбергера по Европе, Азии и Африке в 1384—1421 гг.// Записки Новороссийского университета. Т. 1. Ч. 1. Одесса, 1867; С. 50—51; Нарожный Е. И. Провинция «Элохци» И. Барбаро в системе топонимических данных Притеречья//Археология и краеведение — вузу и школе. Тезисы докладов и сообщений 2-ой региональной конференции. Грозный, 1985. С. 60.
[36] Баранченко Н. Н. Доисламские верования и культы в исторических общественных отношениях вайнахов. Автореф. канд. дис. 1985. С. 1—10; Виноградов В. Б., Голованова С. А. Указ. соч. С. 153.
[37] Кузнецов В. А. Алания и Византия//Археология и вопросы традиционной этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 52—53.
[38] Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю//ЗООИД. Т. 6. Одесса, 1867. С. 455; Кузнецов В. А. Алания и Византия... С. 54.

С. А. Голованова

Русские нательные кресты XII—XV вв. в Предкавказье— источник связей с Восточной Европой

Долгое время основным источником информации о связях Восточной Европы с районами Предкавказья оставались русские летописи и сообщения восточных авторов. Обращение исследователей к письменным документам позволило воссоздать относительно подробную картину этих контактов вплоть до нашествия Чингизидов. Вместе с тем, использование исключительно письменных источников, порой одностороннее их толкование, привело к появлению в кавказоведческой литературе такой точки зрения, что в период золотоордынского господства эти связи прекращаются. Мы хотим показать несостоятельность такого мнения, а также попытаться разобраться в генезисе терского казачества. Это стало возможным в связи с увеличением археологического материала русского происхождения, найденного в районах Предкавказья.

Л. П. Семенов одним из первых в советской историографии поставил вопрос о тесных связях с Восточной Европой на основе археологических данных[1]. Он проводил в 20-х гг. широкие археологические изыскания в горной Ингушетии. Систематическое изучение русской христианской пластики из материалов Северного Кавказа начинается с конца 60-х гг. с выходом в свет работ В. А. Кузнецова[2]. Интересные результаты достигнуты учеными Чечено-Ингушетии, пристальный интерес которых к ранним русско-северокавказским связям обусловлен был разработкой концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России[3].

В настоящее время коллекция русских нательных крестов XII—XV вв., найденных в Предкавказье, представлена 25 экземплярами. Первая находка была сделана Л. П. Семеновым во время раскопок у селения Эгикал, правда сам ученый этот крестик никак не интерпретировал[4]. Сохранившийся в отчете рисунок позволяет отнести его к русским крестам-нательникам с утолщениями-шишечками на концах. Аналогичные кресты были найдены на могильнике Рим-гора близ Кисловодска[5] и у селения Майртуп в Чечено-Ингушетии[6]. Из рассматриваемых нами культовых предметов, такой тип русских крестов — самый древний (XI—XII вв.). Следует учитывать мнение В. Б. Виноградова, А. В. Кузы и Т. С. Магомадовой, считающих возможным их существование и в XIII в.[7]

Основную массу составляют энколпионы, бытующие в русских древностях на протяжении XI—XIII вв. Для северокавказских на-

ходок принципиальное значение имеет детализация времени возможного их использования. Учитывая датировки, предложенные первыми исследователями (В. А. Кузнецовым, М. Д. Полубояриновой, В. Б. Виноградовым, Х. М. Мамаевым и др.), хронологически их можно разбить на следующие группы:

Первую группу составляют кресты, датируемые домонгольским периодом — XI—началом XIII в. Сюда входят кресты из станиц Сторожевая, села Каменномосткое, городищ Нижний Архыз и Адиюх, района реки Малка[8], окрестностей Кисловодска[9], а также четыре креста из села Майртуп, Ушкалой, Ялхой-Мохк, могильника Мохде, Алхан-Калинского городища[10]. В эту же группу мы включаем кресты из станицы Махошевской и Карачаевска, датируемые серединой XIII в. В данном случае мы принимаем датировку, предложенную М. Д. Полубояриновой[11]. В. А. Кузнецов отнес их к середине XII в.[12]

Во вторую группу объединены нательные кресты середины — 2-й половины XIII в. Это один крест из селения Майртуп[13] и кресты-энколпионы из Маджар и Кудинетово, содержащие обращение к Богородице. Б. А. Рыбаков считает, что они были изготовлены в Киеве, когда там узнали о разгроме Северо-Восточной Руси[14].

Третья группа представлена медным нагрудным крестом с двусторонним изображением из Пятигорска и фрагментированным медным крестом-складнем из селения Майртуп[15]. К этой группе мы отнесли и энколпион из селения Ялхой-Мохк[16]. В настоящее время ему найдены близкие аналогии среди майртупских крестов, время существования которых XI—1-я половина XIII в.

Все известные сегодня в Предкавказье кресты XII—XV вв. имеют аналогии в русской христианской пластике. При этом отмечается интересная деталь: основная масса крестов, собранная на территории Алании, имеет близкие аналогии среди киевских древностей, тогда как для большинства крестов из Майртупа, Ялхой-Мохского, Ушкалоевского аналогии происходят из северо-русских земель (Новгород, Рязань). Как считают В. Б. Виноградов, А. В. Куза, Т. С. Магомадова, они попали в данные районы разными путями: первые — Днепро-Приазовским, вторые — Волжским (через Болгар и далее на юг)[17]. Возможно, в данном случае немаловажное значение имеет время и причины появления данной категории предметов в северокавказском регионе.

Б. А. Рыбаков связывает появление энколпионов на Северном Кавказе, в частности в селении Куденетово близ Нальчика, с уводом в татарский полон русских людей[18]. Эту точку зрения в настоящее время разделяют многие исследователи. В принципе, это верный, но не единственный ответ на вопросы. В. А. Кузнецов, например, из опубликованных им вещей, с русскими пленниками связывает лишь энколпионы из Маджар, Пятигорска, Кудинетова, Кисловодска.

Остальные находки (а их девять) он объясняет тесными связями между Аланий и Киевской Русью.

Имеющаяся в настоящее время коллекция русских крестов не может дать, на наш взгляд, абсолютно однозначного ответа на вопрос о времени и причинах их появления. Большинство из них относятся к домонгольскому времени. Остается неясным, в слоях какого времени они были обнаружены. Аналогичные находки, сделанные на золотоордынской территории, встречены в слоях конца XIII—XIV вв.[19] Поэтому, не отвергая возможность проникновения некоторой части крестов вследствие определенных культурно-экономических связей Киевской Руси и Алании, мы все же более склонны связывать их с русскими людьми, бежавшими из золотоордынского плена. И то, что сконцентрированы они в предгорных и горных районах, не связанных с кочевьями татар, вряд ли может служить аргументом, свидетельствующим об обратном[20]. Общеизвестно, что племена и народы, обитавшие в горных и предгорных районах Северного Кавказа, не желали подчиняться ханской власти, оказывая ей постоянное сопротивление.

Особое место занимают находки с территории Чечено-Ингушетии. Майртуп остается пока единственным местом в Предкавказье, где находки встречаются в единой компактной группе. Майртупская коллекция включает, наряду с древнерусскими, кресты закавказского и ближневосточного типа.

Следует обратить внимание на ряд особенностей русских крестов из Майртупа. Хронологически они охватывают довольно длительный промежуток времени — нижняя дата — XII в., верхняя — XV. При этом большинство находок носят следы длительного ношения, о чем говорит потертость и истонченность ушек. Грубая отливка одного из крестов свидетельствует о его местном производстве. Эти обстоятельства указывают на длительное пребывание в данном районе русского населения. Это позволило В. Б. Виноградову, В. А. Кузе и Т. С. Магомадовой обосновать тезис о том, что позднее XII в. на Северный Кавказ начинают проникать какие-то группы населения из Руси. В XIII—XV вв. здесь могли оседать и те русские, которые бежали из ордынской неволи[21]. Правильность такого вывода подтверждается сюжетами казачьего и чеченского фольклора. Согласно преданиям, в районе современного селения Майртуп, до прихода сюда из горных ущелей самих чеченцев, обитали предки гребенских казаков. В настоящее время фольклорный материал в сопоставлении с документами позволяет ученым считать районы предгорий Большой Чечни, в которые входит и Майртуп, местом первоначального формирования русского гребенского казачества.

Происхождение и история гребенского казачества до настоящего времени остается проблемой нерешенной. Все более прочные позиции приобретает гипотеза, которая связывает появление казачества на

Тереке и его притоках с так называемыми бродниками. Коллекция майртупских крестов может оказаться важным аргументом в подтверждение этого тезиса, однако сегодняшнее состояние источников позволяет высказывать лишь предположения.

Бродники появляются в русских и венгерских источниках вместе с половцами и упоминаются в XI—XIII вв. Не вдаваясь в подробности спора об истории происхождения бродников, следует отметить, что исследователи едины в определении их этнической принадлежности. Бродники — полукочевое, в основе своей русское население, исповедующее христианство. При этом нельзя забывать мысль, высказанную Н. М. Волынкиным, что «было бы ошибкой рассматривать бродников как абсолютно чистую этническую группу», в состав ее могли войти выходцы из горских и кочевых народов[22]. Майртупская коллекция крестов, представленная русскими, ближневосточными и закавказскими, свидетельствует о пестром этническом составе населения.

Исторически не исключено пребывание бродников на Северном Кавказе перед событиями середины XIII в. После покорения северокавказских районов монгольские войска двигаются на русские земли и в первом столкновении русских с татаро-монголами, на стороне последних выступают бродники. Между монголами и бродниками устанавливаются союзнические отношения, которые стали возможными, по мнению Б. Д. Грекова, из-за враждебных их отношений к черниговским и киевским князьям. Этот союз, согласно венгерским источникам, продолжался и во время второго нашествия Батыя на русские земли[23].

Учитывая вышеизложенное, можно высказать предположение о том, что поселение в районе Майртупа было основано в период указанных событий. Являясь союзниками Чингизидов и поселившись в пограничной зоне между горами и степью, на них первоначально возлагалась задача сдерживать натиск жителей гор. А. П. Берже в своей работе «Чечня и чеченцы», не случайно писал о том, что «русские, живя в старину по Тереку и находясь в близких отношениях с монголами, знали их язык, говорили на нем...»[24] Х. М. Мамаев считает возможным существование в округе селения Майртуп крупного населенного пункта золотоордынского периода, обращая внимание на созвучие топонимов Татартуп и Майртуп[25].

Районы Майртупа не были связаны с территорией золотоордынских кочевий, былые союзнические отношения с монгольскими ханами должны были сделать эту зону относительно спокойной от посягательств последних. Поэтому Майртуп постепенно должен был стать местом, куда стекалось беглое русское население, устанавливались добрососедские отношения с местными жителями.

В заключение еще раз следует отметить, что русские нательные кресты XII—XV вв. являются интереснейшим, но из-за своей специ-

фичности сложным для интерпретации, источником. Все рассмотренные в данной статье точки зрения об истории их появления в Предкавказье, никоим образом не должны абсолютизироваться, только комплексное их рассмотрение, взаимоналожение существующих точек зрения, а также новые находки как археологических, так и письменных источников, позволят в будущем выработать более объективную версию.

Литература

[1] Семенов Л. П. Археологические и этнографические изыскания в Ингушетии в 1927—1932 гг. Грозный, 1963.
[2] Кузнецов В. А. Энколпионы Северного Кавказа//Славяне и Русь. М., 1968. С. 80—86; Он же. Древнерусские предметы, найденные на территории Северного Кавказа//Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 153—155.
[3] Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. На вечные времена//Вехи единства. К 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1982.
[4] Семенов Л. П. Отчет за 1927 год. С. 174. Архив ЛОИА, д, ГАИМК, № 174, 1929, рис. 36.
[5] Рунич А. П. Катакомбы Рим-горы//СА. 1970. № 2. С. 32.
[6] Виноградов В. Б., Куза А. В., Магомадова Т. С. Русские кресты XII—XV вв. из селения Майртуп (Чечено-Ингушетия)//Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 77.
[7] Там же.
[8] Кузнецов В. А. Энколпионы Северного Кавказа; Он же. Древнерусские предметы...
[9] Кузнецов В. А. Древнерусские предметы... С. 153.
[10] Магомадова Т. С., Голованова С. А. Находки древнерусских предметов в бассейне рек Кумы и Терека//Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 120—124.
[11] Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой орде. М., 1978. С. 127.
[12] Кузнецов В. А. Энколпионы Северного Кавказа. С. 85.
[13] Виноградов В. Б., Куза А. В., Магомадова Т. С. Указ. соч. С. 76—84.
[14] Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв.//САИ. Е—1—44. 1964. С. 39; Он же. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 455.
[15] Магомадова Т. С. Русский крест из окрестностей селения Майртуп//АЭС. 4. Грозный, 1976.
[16] Магомадова Т. С., Голованова С. А. Указ. соч. С. 122.
[17] Виноградов В. Б., Куза А. В., Магомадова Т. С. Указ. соч. С. 81.
[18] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. С. 455.
[19] Полубояринова М. Д. Указ. соч. С. 128.
[20] Кузнецов В. А. Энколпионы Северного Кавказа. С. 85.
[21] Виноградов В. Б., Куза А. В., Магомадова Т. С. Указ. соч. С. 81.
[22] Волынкин Н. М. Предшественники казачества – бродники//Вестник ЛГУ. 1949. № 8. С. 60.
[23] Там же.
[24] Берже А. П. Чечня и чеченцы//Сведения о кавказских горцах. Тифлис, 1888.
[25] Мамаев Х. М. Из истории изучения средневековых городов Центрального Кавказа//Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984. С. 90.

В. Н. Королев

К вопросу о славяно-русском населении на Дону в XIII—XVI веках

Идея о возможном существовании славяно-русского населения на Дону, может быть, небольшими отдельными группами, но непрерывно, с древности до появления казачества, не нова[1]. По-новому освещает эту проблему исследование истории морских походов донского казачества на Турцию, Крым, Румелию и Кавказ в XVI –XVII вв.

Далеко не все четко представляют себе, что Войско Донское в начале своего существования, причем довольно долго, было, скорее, не военно-сухопутным, а военно-морским образованием, что главными были не сухопутные, а морские казачьи предприятия и что конным Донское войско стало позже, по мере сокращения казачьего мореходства. Но поскольку начало у донских казаков было морское, возникает вопрос, как оно соотносится с обычной точкой зрения, что в основе казачества были беглые крестьяне из русских земель, оторванных от морей. Могли ли эти крестьяне, которым и к условиям Дона было очень нелегко приспособиться, быстро и добровольно, по собственной инициативе превратиться в мореходов? Зачем им это было нужно? Где истоки казачьего мореходства? Кто были учителя? Казаки только собственными силами и исторически скоро приобрели замечательную опытность в морском деле, отмеченную многими современниками, или использовали и какие-то старые морские традиции? Случайны ли некоторые общие черты между древнерусскими походами на Черное море и экспедициями казаков, а может они возникли в силу того, что морской театр и его условия были общими, или же здесь есть какая-то генетическая связь?

На море казаки, если верить имеющимся источникам, выходят слишком быстро. Первым сообщением о существовании казачества считается информация 1549 г. о построении городков в трех-четырех местах[2]. Но из опубликованных французскими специалистами по позднесредневековой истории Турции двух указов Сулеймана Кануни 1552 г. видно, что уже через три года после построения упомянутых городков казаки действуют на море и что это не первые их действия[3]. Сейчас признается, что беглые русские люди появляются на Дону с конца XV в.[4] Достаточно ли это времени, чтобы начать походы на море? И зачем было русским крестьянам их начинать? Не проще ли предположить существование какого-то остаточного славяно-русского населения на Дону, в частности, на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в ордынский период. Это население могло издревле приспособиться к условиям жизни в регионе, в том числе осуществлять плавания по Дону и Азовскому морю, а беглые русские крестьяне могли воспользоваться опытом

и знаниями, идеями и устремлениями, даже судами, снаряжением, жилищами названного населения. Если бы оно существовало, отпали бы сами собой многие вопросы начального периода истории казачьего мореходства, точнее, они были бы отодвинуты в глубь времен, но при этом временной «разбег» для перехода к морским экспедициям был бы вполне достаточен.

Стремительный и мощный выход донцов на историческую арену, сомнительная возможность скоротечной адаптации беглых русских крестьян к весьма своеобразным условиям Дона, быстрое превращение беглых (в большинстве своем никогда ранее не державших в руках оружия) в воинов-профессионалов — все это издавна подталкивало многих историков к мысли о том, что историю казачества следует начинать с древнерусского населения степей. Как выразился В. В. Мавродин, казачество есть результат роста и усиления этого населения, перенесшего ордынское иго, и социальные противоречия на Руси[5]. Изучение ранней истории казачьего мореходства вызывает аналогичные мысли.

Широкое распространенная точка зрения заключается в том, что татаро-монголы смели на Дону все древнерусское население. Правда, до середины XIII в. в документах фигурируют славяне-бродники[6], но затем упоминания о них исчезают, и Дон оказывается пустым, в смысле проживания славяно-русского населения, до появления беглецов из Руси, составивших основу донского казачества. Между серединой XIII в. (бродники) и концом XV в. (казаки) зияет лакуна, хотя бродников называют предшественниками казаков, а иногда тех и других сближают еще теснее. Славяно-русские элементы не прослеживаются археологически; Пимен в 1389 г. видел на Дону только татар[7]; мещерцы, чтобы добыть языка, в 1493 г. спускались до самого Азова[8] (отсюда делается вывод, что Дон пуст); из наказа послу Губину 1521 г. вытекает, что земли по Дону от Переволоки до Азова пусты и принадлежат татарам и азовцам[9].

Но должны ли мы безусловно, полностью и безоговорочно доверять этим указаниям? Само по себе отсутствие археологических данных и «негативную» информацию письменных источников можно объяснить недостаточной археологической изученностью поймы Дона, где должны были располагаться «предказачьи» поселения, и состоянием самих источников ордынского времени[10]. Дон и в XVII в. был для внешнего мира «незнаемой частью вселенные». Известно, что татаро-монголы без нужды не уничтожали покорившиеся им поселения[11] (а бродники на Калке, напомним, были союзниками татар). Закономерен также вопрос, могли ли ордынцы физически прочесать пойму Дона и уничтожить все оставшееся там население и была ли в том нужда? Кроме того, источники свидетельствуют об относительности «пустоты» Дона. Допустимо предположение, что среди «татар», упоминаемых Пименом и послом Губи-

ным, было разноэтничное население, в том числе и русские[12]. К. Ф. Смирнов заметил, что если бы мы не знали о русском происхождении кубанских казаков, то этнографически отнесли бы их к горцам[13], а одежда донцов до 1812 г. больше походила на азиатскую, чем на русскую[14]. Нам известны: русский азовец 1363 г., по имени Шония Иглинат; русская девочка в Азове 1360 г., которую звали Котлу; и мещерский, т. е. татарский, казак в Поле в 1492—1493 гг. Василь[15]; имя первого известного атамана донских казаков— Сары-Азман. Возможно, что русские находились и среди тех «черкесов» донских преданий, которые в начальный период существования казачества еще жили в Приазовье[16]. (Черкасск, по нашему мнению, скорее всего назван от черкесов, а не от украинских черкасов).

Но есть ли какие-либо данные в пользу существования элементов славяно-русского населения на Дону в XIII –XV вв., в доказачий период? Их немного, они обрывочны, неполны, иногда не совсем ясны, но они есть. Попытаемся их систематизировать.

1. **Фольклорные данные**. Донские и запорожские легенды ведут происхождение казачества с древних времен. Имеются предания о происхождении казаков от хазар, русско-хазарского населения и Руси, совершавшей набеги на Царьград[17]. Записаны донские легенды о том, что казаки были на Дону и при татарах и жили с ними в целом мирно[18]. Еще в 1692 г. записано предание, что в 1380 г., перед Куликовской битвой, донские казаки преподнесли князю Дмитрию знаменитую Донскую икону[19]. В 1711 г. записано предание, что перед той же битвой другая группа донцов, состоявшая из чирских казаков, поднесла Дмитрию Гребенскую (Гребневскую) икону[20]. Есть наконец, донская легенда, повествующая о том, что русские после Куликовской битвы начали уходить на Дон[21], и другая легенда — о происхождении казаков от новгородских ушкуйников (XIV –XV вв.)[22].

Предания сами по себе, конечно, не доказательство, но, видимо, следует обратить внимание на то, что все они повествуют о доказачьих, если судить по письменным источникам, временах, все имеют одну определенную направленность, удревняющую историю казачества, хотя и записаны в разное время, в разных местах и разными людьми. Расхождения между легендами можно было бы объяснить тем, что некоторые предания могли отметить прибавление к основному ядру славяно-русского населения новых групп переселенцев.

Дон, как известно, является одной из немногих территорий, где бытовали и были записаны былины. Изучив географию распространения былин, С. И. Дмитриева пришла к выводу, что очаги их распространения располагались только на путях новгородских переселенцев и что на всей территории Руси и Украины, кроме Новгородской земли, к XIV—XVI вв. былин уже не было[23]. Но из этого

вывода вытекает вопрос: если к XIV—XVI вв. в соседних с Доном областях былин уже не существовало, то как и когда они попали на Дон? В доказачьи времена, с ушкуйниками, о которых говорит легенда, или еще раньше?

2. **Топонимические данные**. Известны донские топонимы, явно сохраняющиеся с XII –XIV вв. (Сальница, Хопер, Ворона, Медведица, Иловля и, возможно, ряд других)[24]. Не обязательно, но и не исключено, что это свидетельствует о наличии на Дону островков постоянного русского населения.

На различных, главным образом итальянских, картах XIII—начала XVI вв. близ Азова упоминаются поселения с корнем «Рос» (Россо, или Фиуме Россо, вблизи устья Дона, Касале деи Росси к югу от Азова, Россия в Приазовье или на востоке Крыма; Идриси упоминает Русию, поселение поблизости от Донского устья)[25]. Не исключено, что к основанию и функционированию названных поселений имели отношение русские люди.

3. **Западноевропейские источники.** Карпини пишет, что в середине XIII в. в Половецкой земле проживало много русских[26], а Рубрук сообщает под 1253 г., что на Дону существует устроенный по приказу Бату и его сына поселок русских, занимающихся перевозом через реку, скотоводством, хлебопашеством и рыболовством. Рубрук упоминает и другой, аналогичный русский поселок на берегах Дона[27]. Считается, что речь идет о поселениях русских пленников[28]. Но если такие пункты существовали достаточно долго, они могли бы стать зародышами будущих казачьих городков[29]. Это могло быть и существовавшее до монгольского нашествия зависимое русское население.

4. **Турецкие источники**. Мы имеет два турецких источника: один весьма смутный и неопределенный — это сведения известного османского путешественника XVII в. Эвлии Челеби, и второй четкий и недвусмысленный — это переписи азовского населения.

Согласно Эвлии Челеби, казаки вообще (можно понять, что и донские, в частности) не только появляются в XIII в., но уже в XIII—XV вв. выходят в море и нападают на черноморские населенные пункты. Вот эти сведения: 1) около 1291 г. город Херсонес принадлежит польским казакам, которые отобрали его у генуэзцев; 2) в последней четверти XIV в. неверные (казаки?) совершают морское нападение на Инкерман; 3) по-видимому, в последней четверти XV в. некие азовские казаки нападают на Килиседжик в Керченском проливе; 4) в 1481—1482 гг. между неверными казаками и турками происходит большое кровопролитное сражение у Адахуна (на Тамани)[30].

Что касается данных турецких переписей жителей Азова, опубликованных Ж. Вейнстейном, то по переписи, ориентировочно относящейся к началу XVI в., в городе существовал 21 хане («двор»)

русских, что составляло 8% всех азовских хане; по переписи 1542—1543 гг.—47 хане, или 10,5% всех хане. Русские в Азове имели своего начальника (кетхуда — и русьян) и попа. Археологические находки, кажется, подтверждают наличие в Азове русского населения[31]. Это весьма любопытные для нашей темы сведения: оказывается, в доказачьи времена и в самый начальный период существования казачества приблизительно каждый десятый хане Азова являлся русским. Интересно также, что по последней переписи в Кафе русских хане насчитывалось лишь 0,8%, а в других городах Крыма и в Тамани их не было вовсе[32]. Поскольку из западноевропейских и русских источников мы знаем, что русские проживали в Азове и в XIV—XV вв.[33], можно сделать вывод, что постоянное русское население в этом городе характерно для целого ряда столетий. Не исключено, что сказанное относится не только к Азову, но и к другим пунктам Нижнего Дона.

5. **Русские источники.** В 1261 г. для православного степного населения между Волгой и Доном учреждается специальная Сарская (Сарайская) епархия, существовавшая до конца XV в.[34] С епархией связаны русские поселения XIII –XIV вв. в Червленом Яру (Верхний Дон). Для кого именно она существовала, только ли для угнанного русского населения и проезжих купцов и дипломатов?

В конце XV—начале XVI в. русские источники фиксируют первые уходы русских людей на Дон. В 1496 г. отмечаются донские уходы, в том же году упоминаются некие люди русского князя на Дону, которые поддерживают контакты с казаками на Днепре, в 1502 г. московский великий князь требует от рязанской княгини не пускать своих людей в молодчество на Дон[35] и т. д. Можно добавить, что в опубликованном в Париже сборнике документов из музеев дворца Топкапы есть послание крымского хана от 1521 г., где сообщается, что в область ногаев пришла, поселилась и угрожает Крыму «многолюдная ватага» казаков[36]. Наконец, в жалобе ногайского князя в Москву в 1549 г. упоминаются Сары-Азман и казачьи городки в трех-четырех местах.

Вышеизложенное позволяет предположить постоянное существование небольших отдельных групп славяно-русского населения на Дону, которые могли стать ядром будущего донского казачества. Помочь решить эту проблему могла бы археология. К сожалению, никто из археологов ею не занимается.

Литература

[1] Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 427.

[2] Пронштейн А. П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону//Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 168; Мининков Н. А., Рябов С. И. О заселении Донской земли в XVI—XVII веках//Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1984. № 3. С. 25.

[3] Berindei M., Veinstein G. La Tana — Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIII-e—millieu XVI-e siecle)//Turcica. Revue d'études turques. P., 1976. V. 2. P. 199—200.

[4] Пронштейн А. П. Указ. соч. С. 173.

[5] Мавродин В. В. Русское мореходство на южных морях (Черном, Азовском и Каспийском с древнейших времен и до XVI века включительно). Симферополь, 1955. С. 132; Он же. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV веках//Ученые записки ЛГПИ. Серия история. Л., 1938. Т. 11.

[6] Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884; Волынкин Н. М. Предшественники казачества — бродники//Вестник ЛГУ. 1949. № 8; Попов А. И. Кыпчаки и Русь//Ученые записки ЛГУ. Серия история. 1949. Вып. 14; Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время//КСИА. 1964. Вып. 99; Котляр М. Ф. Русь на Дунаї//УІЖ. 1966. № 9; Пронштейн А. П. Указ. соч.; Котляр М. Ф. Хто такі бродники. (До проблеми виникнення українського козацтва)//УІЖ. 1969. № 5; и др.

[7] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 53.

[8] Соколовский П. А. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей пред крепостным правом. Спб., 1878. С. 200.

[9] Савельев А. М. Краткие исторические сведения о заселении Донского края// Труды Донского войскового статистического комитета. Новочеркасск. 1867. Вып. 1 С. 1.

[10] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 6. С. 406.

[11] Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 119—120.

[12] Ср.: Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. По материалам Северо-Кавказской экспедиции. Л., 1935. С. 83.

[13] Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 163.

[14] Пивоваров [С. Т.] Из донской старины. Записки священника Пивоварова// Казачий вестник. 1884. № 2.

[15] Verlinden C. Le recrutement des esclaves à Venise aux XIV et XV siècle// Bulletin de l'Institut historique belge de Rome. 1968. Fasc. 34. P. 147; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Спб., 1884. Т. 1. С. 175.

[16] Веселовский А. Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев//Записки РГО по отделению этнографии. 1869. Т. 2. С. 731; Ковалевский М. М. К ранней истории Азова// Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. М., 1905. Т. 2. С. 174; Артамонов М. И. Указ. соч. С. 83.

[17] Краткая летопись Малые России с 1506 по 1776 год, с изъявлением настоящего образа гамошнего правления. Спб., 1777. С. 5; Корж Н. Л. Устное повествование бывшего запорожца, жителя Екатеринославской губернии и уезда, селения Михайловки. Одесса, 1842. С. 85; Ригельман А. Летописное повествование о Малой России. М., 1848. Ч. 1. С. 2; Грабянка Г. Действия презельной и от начала поляков крававшой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана Запорожского, с поляки. Киев, 1854. С. 1—16; Кулиш П. Записки о Южной Руси. Спб., 1856. Т. 1. С. 150; Серко И. Письмо к хану Крымскому Войска Запорожского низового кошевого атамана Ивана Серка//Русская старина. 1873. № 7. С. 91; Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник. Киев, 1878. С. 213; и др. См. также: Борецкий И. Протестация митрополита Иова Борецкого//Статьи по славяноведению. Спб., 1910. Вып. 3. С. 149.

[18] Сулин И. Краткое описание станиц Области Войска Донского//Донские епархиальные ведомости. 1893. № 21. С. 997; 1894. № 7. С. 240—241; № 9. С. 340;

1895. № 19. С. 562; Погин И. Краткий исторический очерк Донского края. Новочеркасск, 1914. С. 53; и др.

[19] Киевский И. С. Сказание о происхождении Донской иконы божией матери и о чудесах от нее. Новочеркасск, 1904; Доброумов С. Донская икона божией матери. Ее явление, значение ее в русской истории и в частной жизни. М., 1911; Антонова В. О Феофане Греке в Коломне, Переяславле-Залесском и Серпухове//Материалы и исследования (Государственной Третьяковской галереи). М., 1958. Т. 2; Лифшиц Л. И. Икона «Донской богоматери»//Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970.

[20] Попко И. Терские казаки с стародавних времен. Спб., 1880. Вып. 1. С. 318—319; Киевский И. С. Указ. соч.; Антонова В. Указ. соч.

[21] Лащилин Б. Это было. Легенды и были. Волгоград. 1982. С. 11.

[22] Миткевич В. Казачья лава. Спб., 1893. С. 6.

[23] Дмигриева С. И. Географическое распространение русских былин. По материалам конца XIX—начала XX в. М., 1975. С. 38, 41, 85, 91, 93.

[24] Срезневский И. И. Русское население степей и южного поморья в XI–XIV вв.// Известия АН по отделению русского языка и словесности. 1860. Т. 8. Вып. 4; Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 33—35; Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим данным//МИА. 1941. № 6.

[25] Леонтьев П. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях//Пропилеи. Сборник статей по классической древности. М., 1854. Кн. 4. С. 482–483; Талис Д. Л. Топонимы Крыма с корнем «рос»//Античная древность и средние века. Свердловск, 1973. Сб. 10; Бейлис В. М. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель// Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984. С. 212; Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985. С. 126, 150.

[26] Путешествие в восточные страны Плано Карпини Рубрука. М., 1957.

[27] Там же. С. 109–110.

[28] О русских пленных в Орде см.: Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

[29] Ср.: Голубовский П. Указ. соч. С. 193 и далее; Спицын А. Историко-археологические разыскания//ЖМНП. 1909. № 1. С. 90.

[30] Czelebi E. Sejahatnamesi. Ksiega podrozy Ewliji Czelebiego. (Wybor). Warszawa, 1969. S. 252, 254—256, 327, 438, 439; Челеби Э. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М., 1979. Вып. 2. С. 48. В журнале русского посланника в Стамбуле Я. И. Булгакова в 1781 г. упоминается сражение казаков с генуэзцами на Босфоре, у Стении (см.: Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Спб., 1889. Т. 4. С. 300).

[31] Venstein G. La population du sud de la Crimée au début de la domination ottomane; Mèmorial Ömer Lûtfi Barhan. Paris, 1980. P. 227—249. Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985 году. Азов, 1986. С. 19, 20, 29—30.

[32] Veinstein G. Op. cit. P. 248.

[33] Verlinden C. Studi in onore di Cino Luzzatto. Milano, 1950. V. 2.

[34] Иловайский Д. История Рязанского княжества. М., 1858; Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897. Т. 1; и др. См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Спб., 1841. Т. 1. С. 1—4; Иловайский Д. Указ. соч. С. 141—144, 245; Соколовский П. Указ. соч. С. 199—200; Егоров В. Л. Указ. соч. С. 53; и др.

[35] Памятники дипломатических сношений... С. 230, 254, 413 и др.

[36] Bennigsen A. e. a. Le khanat de Crimee dans les Archives du Musee du Palais de Topkapi. P., 1978. P. 15, 114, 116, 117.

О. Б. Демин

Походы казаков в Северное Причерноморье и турецко-польский конфликт 1589—1590 гг.

Несмотря на значительное внимание к истории борьбы русского, украинского и молдавского народов против османского порабощения, многие моменты еще недостаточно изучены. Особенно это касается внешнеполитических аспектов антитурецких выступлений казачества[1]. В данном сообщении речь и пойдет в первую очередь о малоисследованном вопросе взаимосвязи событий в Северном Причерноморье, Центральной и Западной Европе.

Как известно, основным объектом нападений запорожцев были турецкие крепости Северного Причерноморья и «белгородская орда». Во время выступления Иоанна-вода Лютого восставшие атаковали город-крепость Аккерман (современный Белгород-Днестровский). В 70-е гг. XVI в. основной удар запорожцев был направлен на Крымское ханство, в результате чего оно не смогло проводить активную внешнюю политику. Серьезно пострадали турецкие опорные пункты в Северо-Западном Причерноморье, такие как Аккерман, Очаков и татарские улусы в районе Очакова[2].

В последующие годы походы казаков на турецкие и татарские владения продолжались. В 1587 г. более всего пострадали Очаков и Бендеры. Но не всегда экспедиции казаков заканчивались успешно. Осенью 1588 г., когда казаки возвращались из набегов на села в районе Бендер, на Днестре их настигли и разбили турецкие отряды. Ожидая нового рейда казаков, в татарских улусах уже с октября заблаговременно готовились к его отражению[3].

Поэтому в 1588 г. при подтверждении «вечного мира» между Османской империей и Речью Посполитой турецкие дипломаты напомнили польскому правительству, что оно обязано исправно платить дань татарскому хану и надлежащим образом держать казаков в покорности. Но «первое король не склонен был выполнять, а второе выполнить был не в силах», как отмечается в одном польском документе[4]. Это подтвердилось буквально в следующем 1589 г., когда казаки совершили один из крупнейших своих походов.

Сведения о нем основывались в основном на русских, польских и, частично, австрийских источниках. Сравнительно недавно появившаяся публикация архивных документов внешней политики Англии позволяет полнее раскрыть ход событий в Северном Причерноморье и особенно международный аспект турецко-польского конфликта 1589—1590 гг.[5] Наибольший интерес представляют письма королевы Англии Елизаветы, письма одного из ее главных советников, государственного секретаря Фрэнсиса Уолсингема, в ведении которого

находились восточные дела, а также дела султана Османской империи Мюрада III, короля Речи Посполитой Сигизмунда III, польского великого канцлера Яна Замойского, представителя Англии и уполномоченного Левантийской торговой компании в Константинополе Эдварда Бартона, сообщения английских дипломатов и агентов из Антверпена и Эмдена. Совокупность всех этих материалов позволяет осветить северопричерноморские события с различных точек зрения.

Как явствует из писем Мюрада III и Сигизмунда III, выступления подканцлера на сейме 9 сентября 1589 г., из королевской инструкции на сеймики и из русских документов события разворачивались следующим образом[6]. Весной—летом 1589 г. отряд казаков вышел в море и возле города Козлова (современная Евпатория) захватил турецкий торговый корабль. Затем казаки численностью 800—1500 человек на малых стругах во главе с атаманом Захаром Кулага во время ярмарки ворвались в Козлов, разрушили город, освободили многих пленных. Однако в бою за город погиб атаман. Остальные казаки, несмотря на преследования крымского хана Казы-Гирея, успели уйти. Вслед за этим казаки разгромили гарнизоны Аккермана, Тигини (современные Бендеры), Очакова и сожгли окрестные села. Из разрушенных крепостей казаки вывезли артиллерию, оружие и угнали скот, предназначенный для отправки в Турцию. В то же время донские казаки совместно с запорожскими напали на Азов, разбили гарнизон и взяли пленных. Считая ответственным за действия казаков польское правительство, Турция стала угрожать Польше войной.

Представляется, что агрессивность польской политики Османской империи в тот момент во многом определялась изменением ситуации на восточных границах империи: турецко-иранская война, начатая в 1578 г., приближалась к концу. Появилась возможность усилить нажим на западных соседей Турции. Уже 3 июля 1589 г. по приказу султана турецкая армия под командованием Хазирпаши двинулась по Дунаю в направлении Молдавии для соединения с ордами татарского хана Кази-Гирея[7].

Из сообщений Эдварда Бартона в августе—октябре 1589 г. явствует, что на Дунае были сконцентрированы войска численностью 130 тыс. человек, предназначенные для вторжения в пределы Польши. Им противостояли 50-ти тысячная польская армия во главе с канцлером Яном Замойским и отряды казаков. Выполняя распоряжение султана, татарские орды вторглись на правобережную Украину и разорили множество населенных пунктов. На обратном пути через Молдавию татары ограбили и сожгли около 50 деревень. Затем в рейд отправился с разрешения беглербея 10-ти тысячный турецкий отряд, но он был разгромлен казаками и мало кто из турок вернулся назад. Прибытие беглербея в Бендеры, где он рассчитывал остаться на всю зиму, по мнению Эдварда Бартона, означало даль-

нейшее нарастание турецко-польского конфликта. Впрочем, полностью этот прогноз Бартона не оправдался, ибо беглербей отошел к Силистрии, приказав татарам готовиться к новому походу[8].

Декабрь 1589—январь 1590 г. характеризуется, с одной стороны, отсутствием военных действий на границе, а с другой — возрастающим недовольством в Константинополе политикой Польши — ее нежеланием и неспособностью выполнять условия «вечного мира». Симптоматичен в связи с этим тот крайне холодный прием, который был оказан прибывшему в январе 1590 г. в Константинополь польскому послу. Эдвард Бартон писал в Лондон, что это показывает желание султанского правительства начать войну с Польшей[9]. Действительно, очень скоро, в феврале 1590 г., Мюрад III в ультимативной форме, угрожая, в случае отказа, начать войну, потребовал от Речи Посполитой возмещения убытков, восстановления разрушенных крепостей, возвращения плененных мусульман, артиллерии, товаров, скота, уплаты дани и наказания казаков[10].

Однако начало весенних военных действий на турецко-польской границе не оправдало надежд турецкого правительства — 15-ти тысячный отряд татар, вторгшийся в пределы Украины, был полностью истреблен казаками[11]. К тому же, турецко-иранские отношения оставались неустойчивыми, постоянно возникали сложности во взаимоотношениях Крымского ханства и Московского государства. Эти обстоятельства, как и ряд других, не могли не учитываться при дворе султана. Вероятно, именно в этом следует видеть причину поисков султанским правительством возможных союзников в войне с Польшей. Так, Мюрад III через крымского хана предложил московскому царю как условие «вечного мира» совместный поход на Польшу и Литву[12]. Вместе с тем, не желая осложнять отношения с придунайскими княжествами вследствие возможных грабежей Валахии и Буджании солдатами османской армии, султан распорядился на нижнем Дунае возле Черного моря построить мост и проложить маршрут движения армии вне населенных мест. Для снабжения войск 60 судов должны были следовать за турецкими отрядами[13].

С весны 1590 г. начался второй этап турецко-польского конфликта. Он характеризовался прежде всего внешнеполитической активностью Речи Посполитой, выражавшейся в стремлении привлечь внимание западноевропейских стран к войне в Северном Причерноморье и добиться от них действенной помощи. Можно говорить, что с этого момента столкновения на границе перерастают рамки региона, выливаются в международный конфликт, к которому приковывается внимание ведущих европейских держав. От папы римского и короля Испании Польша получила заверения в будущей поддержке в случае необходимости. Польское правительство нашло союзников среди валахских владык, для которых война в любом

случае означала разорение их земель. Настойчивые усилия польских послов в немецких землях привели к тому, что протестантские германские князья просили королеву Англии, чтобы ее представитель в Константинополе предпринял действия для предотвращения вторжения турецкой армии в Польшу[14].

В самой Англии с пониманием отнеслись к положению Польши. Как показали события 1586—1588 гг., Англия оказалась в зависимости от снабжения военными припасами и снаряжением, поступавшими с берегов Рейна и северо-западной Европы. В тот период Испания, готовясь к военным действиям против Англии, развернула достаточно успешную экономическую блокаду Британских островов[15]. И хотя подход «Непобедимой Армады» к берегам Англии закончился крахом, Филипп II начал подготовку ко второй «Армаде», что служило источником постоянной тревоги Тайного совета Англии. В таких условиях польский рынок приобретал особую важность, и политическая стабильность Польши не могла не занимать английское правительство. К тому же, еще в конце 1588 г. польский канцлер обратился к королеве Елизавете с предложением союза[16].

Впрочем, при королевском дворе Англии не существовало единодушной оценки ситуации в Центральной Европе. Так, один из видных дипломатов Паллавицино не верил в возможность турецко-польской войны, справедливо предполагая, что дело ограничится лишь рейдами татар[17]. В конечном итоге возобладало мнение о необходимости содействовать планам Речи Посполитой. Однако лишь только в конце августа 1590 г. королева Елизавета подписала письмо с распоряжением для Бартона действовать совместно с представителем польского короля в целях заключения польско-турецкого мира[18].

Такое затягивание решения было вполне в духе политики королевы Елизаветы, тем более, что соглашение между Османской империей и Польшей при посредничестве Бартона уже подписали. И как представляется, королева располагала сведениями об этом, на что указывает содержание письма Елизаветы к султану Мюраду III от 22 августа 1590 г., и письмо с изъявлением благодарности за помощь канцлера Польши королеве Англии[19]. В связи с этим в литературе ставится вопрос о роли представителя Англии в решении польско-турецкого конфликта. Так, высказывалось предположение, что Бартон действовал согласно предварительной инструкции[20]. Напротив, современные румынские историки считают причинами посредничества Бартона и предварительное соглашение между ним и господарем Молдавии, стремившегося к освобождению страны от турецко-татарского ига, и опасения английского представителя из-за возможного присоединения Польши к антиоттоманскому союзу габсбургской империи и Испании[21].

Трудно согласиться с данными объяснениями. Убедительный ответ дают как письма самого Бартона, так и последствия для Англии

заключенного соглашения. По свидетельству источников, новый посол Польши прибыл в Константинополь только 29 мая 1590 г. Он сразу же вручил Бартону письмо от канцлера Речи Посполитой с просьбой содействовать миссии посольства[22]. В тот же день Бартон сообщил об этом в Лондон, а следующее письмо отправил только 14 июня. Фактически именно в это время было достигнуто соглашение о прекращении конфронтации между Портой и Польшей при посредничестве Бартона. В письме к Уолсингему английский агент объяснил свое выступление в пользу Польши интересами Англии. Апеллируя к турецкому правительству, Бартон подчеркивал, что султан обещал королеве выступить единым фронтом против общих врагов и покровительствовать друзьям. Он указывал на возможные осложнения международной обстановки вследствие турецко-польской войны, которые несомненно затронут и Англию, и Турцию. Так, в настоящий момент Англия импортирует из Польши крайне необходимые ей для ведения войны с Испанией артиллерийские припасы, зерно, морское и военное снаряжение. В случае турецкого наступления Польша сможет приостановить экспорт этих материалов, и тогда Англия окажется в тяжелом положении перед лицом противника. Это, в свою очередь, вызовет разрыв военного союза с Нидерландами, которые также ведут войну с Испанией — злейшим врагом Османской империи. Если Нидерланды останутся одни, заявлял Бартон, Испания легко сумеет расправиться с восставшими провинциями и развяжет себе руки для действий против Турции и Англии[23]. Несомненно, аргумент о необходимости совместных акций против Испании явился важным доводом в пользу мира между Речью Посполитой и Османской империей. Об этом свидетельствует и письмо султана Мюрада III Елизавете от 12 июня 1590 г., в котором он подчеркивал желательность активизации военных операций Англии против испанцев, обещая при этом поддержку в будущем и помощь в соответствующий момент[24].

Посредничество Бартона достаточно легко увенчалось успехом. Как можно предполагать, этому способствовал ряд обстоятельств. Нельзя сбрасывать со счетов расчеты на получение контрибуции — после затяжной войны с Ираном финансовое положение Порты было сложным. Но прежде всего, султанское правительство, готовясь к войне против Габсбургов, не хотело войны на два фронта. Тем более, в предверии войны возможный союз Испании и габсбургской империи представлялся нежелательным и перспектива еще глубже втянуть Испанию в войну с Англией и Нидерландами выглядела вполне реальной. Недаром посол Габсбургов предлагал Бартону 50 тыс. дукатов от имени императора или короля Испании, чтобы тот расстроил турецко-польское соглашение[25].

По условиям договора, проект которого окончательно был утвержден в конце июня 1590 г., польское правительство обязывалось

ввести суровые санкции в отношении украинских казаков и выплатить значительную контрибуцию[26]. Но так как польское правительство не имело ни сил, ни возможностей для выполнения условий соглашения и не могло сдержать казацкое своеволие, остановить их нападения на татар и турок, то оно было вынуждено идти на определенные уступки казакам[27]. Однако, невзирая ни на что, казаки не подчинились. И, как сообщал Бартон в Лондон, даже в самые напряженные моменты конфликта, когда войско беглербея стояло на турецко-польской границе, казаки проникли к Дунаю и нанесли значительный урон туркам. В июне Бартон вновь писал Уолсингему о рейде казаков, во время которого было сожжено 20 татарских поселений[28].

Действия английского представителя в интересах Польши в конфликте с Портой привели к непредвиденным последствиям. Турецкое правительство, стремившееся к спокойствию на польской границе, пыталось представить Англию ответственной за проведение Польшей и, прежде всего, казаками политики мира. В 1592 г. после очередного набега казаков великий визирь в письме к королеве Англии напоминал о необходимости мира между Турцией и Польшей. В 1595 г. новые походы казаков на прибрежные города Черного моря вызвали упреки турецкой стороны в том, что протеже Елизаветы не придерживается условий договора. По заявлению официальных турецких лиц, это заставит Порту силой обезопасить свои границы, в случае, если Англия не предпримет необходимых действий для обуздания казаков[29].

Активизация борьбы украинского казачества против внешней агрессии, их походы на опорные пункты турецко-татарского владычества в Северном Причерноморье в конце 80-х гг. XVI в. получил широкий международный резонанс. Переписка английского представителя в Константинополе Бартона с Лондоном и ряд других документов английской внешней политики являются одним из первых свидетельств заинтересованности английского правительства в событиях в Северном Причерноморье. Реакция английских политиков показала, что турецко-польский конфликт, вызванный одним из крупнейших походов украинских казаков, сравнительно быстро перерос локальные рамки региона и оказался связанным с внешней политикой большинства европейских государств.

Литература

[1] Мохов Н. А. Боевое содружество украинских казаков и молдован в 70—80-х гг. XVI в. и деятельность И. Подковы//Ученые записки Молдавского филиала АН СССР. Серия история. Т. 6. Кишинев, 1957; Флоря Б. М. З історії взаємовідносин українського козацтва і російського уряду (80-і—90-і роки XVI ст.)// Український історичний журнал. 1978. № 8.

[2] Флоря Б. М. Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х годах XVI в.// Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975. С. 215—217.
[3] Алекберли М. А. Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI — первой половине XVII века. Саратов, 1961. С. 143.
[4] Там же. С. 65.
[5] LASP V. 1, 2.
[6] Жерела до історії України—Руси. Т. 8. Львів, 1908. С. 57—64; LASP. V. I, N 810, 827; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 7. Спб., 1904. С. 610; Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. Спб., 1892. С. 82; Грушевский М. История украинского козачества. Т. 1. Киев, 1913. С. 219; Гуслистий К. Визвольна боротьба українського народу проти шляхетської Польщі в другій половині XVI, і в першій половині XVIII століття// Нариси з історії України. Вип. 3. Київ, 1941. С. 46; Мишко Д. І. Українсько-російські зв'язки в XIV—XVI ст. Київ, 1959. С. 125; Jorga N. Studii istorice asupra Chilici si Cetatisi Albe. Bucuresti, 1899. P. 206—207; Lepszy K. Przeszpospolita polska w dobie sejmie inkwizycyjnego (1589—1592). Krakow, 1939. S. 58.
[7] Deméný L., Cernovodeany P. Relatiile politice ale Anglici cu Moldova, Tara Românеas că si Transilvania in secolele XVI—XVIII. Bucuresti, 1974. P. 25.
[8] Бартон — Уолсингему, 22 августа, 5, 6, 19 сент., 4, 16 окт. 1589 г.//LASP. V. 1. N 792.
[9] Бартон—Уолсингему, 27 декабря 1589 г., 24 янв. 1590 г.//Ibid. N 802, 808.
[10] Бартон—Уолсингему, 7 февр. 1590 г.//Ibid. N 809; Мюрад III—Сигизмунду III, 7 февраля 1590 г.//Ibid. N 810; Текст ультиматума частично опубликован на русском языке. См.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII в. Т. 1. М., 1965. С. 191—192.
[11] Бартон — Уолсингему, 18 апр. 1589 г.//LASP. V. 1. n 812.
[12] Переписка между Россией и Польшей. Сост. Н.Н. Бантыш-Каменский. Ч. II. М., 1862. С. 23—24; О мире турок и татар с Россией сообщал Горсей из Варшавы в апреле 1590 г. См.: Горсей — Уолсингему//LASP. V. 1, N 814.
[13] Бартон — Уолсингему, 18 апреля 1590 г.//LASP. V. 1. N 819.
[14] Бартон — Уолсингему, 7 февраля 1590 г.//Ibid. N 809; Горсей — Уолсингему, 17 апреля 1590 г., Паллавицино — королеве Елизавете, 4 мая 1590 г.//Ibid. N 814; Брути — королеве Елизавете, 17 августа 1590 г.//Ibid. V. 2. N 840.
[15] Stone L. State control in sixteenth century England//Economic Historical Review. 1947. V. 17. N 2. P. 112; Gould J. D. The crisis in the export trade. 1586—1587// English Historical Review, 1956. V. 70. P. 212—215.
[16] Calendar of State papers. Foreign series of the reign of Elizabeth. V. 22. L., 1936. P. 102.
[17] Паллавицино — королеве Англии, 4 мая 1590 г.//LASP. V. 1. N 814.
[18] Королева Англии — Бартону, 23 августа 1590 г.//Ibid. V. 2. N 834.
[19] Королева Англии — султану Мюраду III, 22 августа 1590 г.//Ibid. N 835; Ян Замойский — королеве Англии, 16—26 июля 1590 г.//Ibid. N 832.
[20] Jasnowski J. England and Poland in the XVI and XVII Centuries. L. 1948. P. 22.
[21] Deméný L., Cernovodeany P. Op. cit. P. 25.
[22] Бартон — Уолсингему, 29 мая 1590 г.//LASP. V. I. N 819.
[23] Бартон — Уолсингему, 14 и 24 июня 1590 г.//Ibid. N 825, 826.
[24] Мюрад III—королеве Англии, 12 июня 1590 г.//Ibid. N 827.
[25] Бартон — Уолсингему, 14 июня 1590 г.//Ibid. N 826.
[26] Мюрад III—Сигизмунду III, 22 июня 1590 г.//Ibid. N 827.
[27] Жерела до історії України—Руси. С. 65.
[28] Бартон—Уолсингему, 2 мая, 24 июня 1590 г.//LASP. V. N 819, 821.
[29] Jasnowski J. Op. cit. P. 23.

С. А. Ищенко

Война и военное дело у крымских татар XVI—XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов)

Крымское ханство, образовавшееся в середине XV в. как одно из наиболее значительных государственных объединений, возникших на развалинах Золотой Орды, вызывало особый интерес европейских держав, с пристальным вниманием следивших за его внешней и внутренней политикой. В Крыму неоднократно бывали иностранные дипломаты, путешественники, купцы, да и вообще люди разного рода и звания, по тем или иным причинам посещавшие эти земли. Каждый, или почти каждый иностранец, побывавший в Крыму, стремился запечатлеть на бумаге все малейшие подробности, необычные ощущения, связанные с поездкой.

Сообщения иностранцев не без основания считаются важным материалом для понимания истории Крыма. Иностранца по большей части поражает то, что остается неприметным для местного жителя[1]. Чаще всего в сочинениях путешественников и записках дипломатов дается характеристика отдельных аспектов жизни и деятельности населения Крыма. Большинство авторов освещают особенности природы, климата, истории городов, состава населения, характеризуют обычаи и нравы, придворную жизнь, занятия сельским хозяйством, ремеслом, торговлей. Обращая внимание на хозяйственную деятельность, путешественники и дипломаты отмечают, что главным занятием крымских татар в XV—XVIII вв. оставалось кочевое и полукочевое скотоводство. Земледелие не только оседлого, но и полуоседлого типа внедрялось среди татар поразительно медленно. Так, в мемуарах барона Тотта говорится о том, что «жители Крымского полуострова занимаются скотоводством... земледелием, которое при плодородии почвы и сравнительно теплом климате Крыма, требует от земледельцев очень небольшого труда». Он так характеризует земледельческую деятельность татар: «Избороздивши кое-как сохою свою ниву, он (земледелец.—**Авт.**) бросает на нее зерна хлеба или смесь из зерен дынь и арбузов с горохом и бобами, и не потрудившись даже прикрыть их землей, оставляет ниву на произвол судьбы»[2]. Урожаи были крайне низки, часто бывали недороды, сопровождавшиеся дороговизной, голодом.

Содержание громадного Крымского юрта, занимавшего степи от Дона до устьев Дуная, стоило несравненно больше, чем давал маленький Крымский полуостров, разведение стад в степях[3], а также земледелие. Мирные занятия не могли удовлетворить потребностей

населения, которое искало иные способы для добывания средств к существованию, поэтому «...выход из хозяйственных затруднений татары находили не в развитии производительных сил... а в отыскании старинных источников средств, какими сделались для них беспрерывные войны с соседями и получение с них принудительных платежей...»[4].

Характеристика военного дела татар, роли войны в жизни ханства составляет значительную часть записок иностранцев. О войне и военном деле татар писали буквально все образованные люди, посетившие Крым. Наиболее ценные сведения мы получаем из трудов, авторы которых длительное время жили в Крыму, изучали его всесторонне, основывались как на личном опыте, так и на компетентных источниках. О военном деле также писали Матвей Меховский, Михаил Литвин, Эвлия Челеби и Андрей Лызлов, Г.-Л. де Боплан, барон Тотт и многие другие. Далеко не все записки путешественников представляют одинаковую ценность при разборе столь специального вопроса. О военном деле упоминали чаще всего дипломаты и военные люди, хотя встречаются отдельные сведения по этому вопросу в сочинениях купцов (Христофор Берроу, Исаак Масса, Николас Клееман), миссионеров (Юрий Крижанич, не бывавший в Крыму, но изучавший его историю и видевший татар в бою). Люди некомпетентные давали, в основном, поверхностную характеристику, основанную на личных впечатлениях. Только сведущие в военном деле очевидцы могли охарактеризовать специфику организации татарского войска, его боевой порядок в походах, особенности ведения боя. Материалы из записок путешественников и дипломатов, касающиеся военного дела татар, использовались неоднократно как в общих, так и в специальных трудах русских и советских историков. Наиболее часто цитируются записки Михаила Литвина, Г.-Л. де Боплана, Б. де Виженера, С. Герберштейна. Сведения этих авторов стали почти хрестоматийными. Они кочуют из одного исследования в другое. Пользовались свидетельствами иностранцев Н. С. Голицын, А. Крымский, Е. И. Дружинина, В. В. Каргалов, И. Б. Греков и прочие русские и советские историки. Не стремясь опровергать сложившуюся традицию, автор попытался привести в определенную систему разрозненные сведения иностранных путешественников, чтобы определить, достаточно ли этих данных для характеристики военного дела татар; выяснить, какую роль играют данные источники в характеристике военного искусства татар и определении значения и роли войны в жизнедеятельности населения Крымского ханства. Большинство записок иностранцев носит субъективный характер. Иногда — это гиперболизация значения и всех видов деятельности татар, стремление идеализировать или объяснить даже очевидные промахи, жестокости, происходящие во время войны (барон Тотт). В других случаях дается резкая негативная характе-

ристика крымских татар (Юрий Крижанич). Но встречаются и документы, в которых авторы пытаются дать объективную характеристику (М. Литвин, Аноним XVII в.). В записках иностранцев почти не встречается систематизации фиксируемого материала. Военное дело описывается обобщенно. Крымская орда, отправлявшаяся в тот или другой поход, у большинства авторов характеризуется в общих чертах. Такую характеристику можно встретить и в летописях (Самоила Величко, Самовидца, Грабянки). В «Трактате о двух Сарматиях» М. Меховского говорится: «Прекопские татары часто бросаются на Валахию, Руссию, Литву, Московию. Ногайские... татары вторгаются в Московию, предавая ее убийствам и разграблению... прекопские татары не потеряли своей прежней хищности и дикой жестокости, присущей скорее зверям, живущим в полях и лесах, чем жителям городов и сел»[5]. Подобные этому высказывания встречаются и у других авторов. Так, Б. де Виженер говорит: «Они не признают иного занятия, кроме войны, т. е. внезапных набегов, сопровождаемых убийствами и грабежами, так как ни осады, ни обороны замков у них не бывает»[6]. Тот же М. Меховский отмечает: «Разбоем и граблением кормятся»[7]. Поэтому интересы всех государств одинаково сходятся на уничтожении дикой системы грабежа[8].

Более обстоятельную характеристику военному делу татар давали дипломаты. Выполняя задания своих правительств, они стремились не только к налаживанию контактов с ханами, но и старались детально ознакомиться с организацией военного дела, так как часто их дипломатические миссии проводились с целью изучения военного потенциала Крымского ханства. Вассальная зависимость ханства от Турции зачастую не воспринималась ими всерьез, поэтому нередки бывали случаи, когда политика Крыма рассматривалась изолированно от Порты и расценивалась как самостоятельная деятельность Крымского ханства, что значительно облегчало Турции решение ряда международных проблем, а между тем, направляющая рука Порты всегда ощущалась в действиях Крымского ханства. Турция смотрела весьма благосклонно на военную политику Крыма и не стремилась вносить свои коррективы в военную организацию ханства. Воспринимая себя наследниками Золотой Орды, крымские татары сохранили почти без изменений ордынские традиции, связанные с организацией войска, спецификой военных действий. В Крымском ханстве основную роль играл военно-родовой принцип организации населения для осуществления военных действий. Поскольку население страны объединялось по родам, а войска возглавлялись главой государства — ханом, то каждый глава рода должен был выставлять во время похода определенное количество войск, снаряженных на его средства. Существовало строгое подчинение военачальникам, обязательным условием было соблюдение воинской

дисциплины. Но никто из татар не призывался к вооружению против воли его бея или мурзы. Султанская Турция регулировала военную деятельность Крыма, ханы которого по требованию султана выставляли определенное количество войск во время военных действий, за что «Порта посылает потребные суммы за некоторое число татар, в которых ей будет нужда»[9].

Как же организуется татарское войско, каким образом осуществляются их походы? В Крымском ханстве не было регулярного войска, а в военных походах фактически принимали участие все мужчины, способные носить оружие, так как война против «неверных» считалась священной. Татары не обучались правилам ведения войны в соответствии с существующими в то время тактикой и стратегией военного искусства. Уже с младенчества они готовят детей к тяготам походной жизни, для чего купают в рассоле, чтобы закалить их от холода, жары и простуды[10]. С семи лет от рождения дети спят под открытым небом[11], в возрасте 12 лет их начинают обучать военному делу[12], и многие из мальчиков на 12 году выступают в походы[13]. Ханских детей мужского пола отправляют расти на Кавказ, откуда они возвращаются в родительский дом уже парнями[14], получив навыки военного дела, изучив неписаные «уставы» доблести и воинской чести.

Авторы не дают точной характеристики татарского войска: колеблются цифры, указывающие общее количество войск. Так, в трактате Михаила Литвина — военного и политического деятеля Великого княжества Литовского — «О нравах татар, литовцев и московитян» отмечается, что хан в состоянии послать на войну 30 тыс. всадников, ибо каждый мужчина, способный оседлать коня, является воином[15]. Эта цифра не окончательная, так как в разных источниках она колеблется от 4 до 200 тыс. человек (мемуары барона Тотта). В зависимости от целей и задач военных действий войска татар возглавлялись ханом, калгой или нуреддин-султаном. От того, кто руководил войском, зависело его количество. «Если ханы отправляются в какой-либо поход, то впереди становятся в качестве ведущих двенадцать от-аг, а войско выстраивается по двенадцать лошадиных голов в ряд, т. е. воины образуют строй в двенадцать колонн и... все кони, связанные за хвосты, вынуждены идти голова к голове. В среднем с ханом в поход отправлялось, таким образом, около восьми-десяти тысяч человек. А когда калга-султан идет в поход, пятьдесят тысяч человек образуют восемь колонн. Если же в поход выступает нуреддин-султан, то идет сорок тысяч его воинов шестью колоннами. Если в поход отправляются ханский визирь, вольные султаны, прибрежные аги, то бывает тридцать тысяч воинов, которые образуют строй в пять колонн»,— так характеризовал организацию войска турецкий путешественник Эвлия Челеби[16]. В военном деле у татар можно выделить два вида

организации: 1) боевой поход, когда татарское войско принимало участие в боевых действиях воюющих сторон и 2) грабительский набег — беш-баш («за одеждой»—по выражению Э. Челеби), который осуществлялся зачастую мурзами и беями со сравнительно небольшими воинскими отрядами с целью получения добычи и захвата пленных. Именно этот вид военной деятельности чаще всего характеризуется в записках иностранцев, в документах, в исторических исследованиях. Особого различия ни в организации войска, ни в способах ведения войны почти не было, так как в обоих случаях тактика татар была очень похожей, лишь с небольшими изменениями.

Имелись сборные пункты, откуда войско отправлялось в поход. «Ферах-Керман... был сборный пункт для ханских полчищ перед выступлением их в поход и розстань отрядов их, где ханы делали первые военные распоряжения, где происходили предварительные военные совещания. Вместе с крепостью Ором, Ферах-Керман был первым сторожевым пунктом на пути из Крыма на материк»,— отмечал В. Д. Смирнов[17]. Большую роль в военных операциях татар играла разведка. Специальные лазутчики отправлялись заранее вперед, выясняли обстановку, а затем становились проводниками наступающей армии. Властители Татарии обычно воевали дважды в год или, по крайней мере, хоть один раз, но подобные предприятия следовало бы скорее назвать разбоем, чем войной. Шли на войну летом, когда кони отъедались на вешних травах, и зимою, но непременно в ту или другую пору, направлялись либо в Польшу, либо в Московию или в Черкассию, несколько раз ходили даже в Венгрию[18]. «Перед началом похода делают смотр войску»,— отмечал инженер де Боплан[19]. Аналогичные сведения встречаются в записках Б. де Виженера и Анонима XVII в. Экипировка, фуражирование были очень скудными. «Татары не запасаются в дорогу овсом для коней, чтобы не обременять себя,— отмечает Дортелли д'Асколи[20]. «Они никогда не стесняют себя в походе ни обозами, ни какою-либо другою ношею, кроме небольшого количества проса или истертого сыра»,— замечает Михаил Литвин[21]. Если поход осуществляется с целью получения добычи, то, не доходя до границы несколько миль, татарское войско в скрытом месте становится на отдых, отдыхает 3—4 дня, а затем начинает организовывать войско, разделив его на три отряда — 2/3 составляют главный корпус, 1/3 образует крылья — левое и правое. Каждое крыло состоит из 8 или 10 тыс. всадников и делится на 10 и 12 пятисотенных или шестисотенных отрядов, которые рассыпаются по деревням, окружают селения со всех четырех сторон и грабят, уничтожая все на своем пути. Захватив богатую добычу, татары возвращаются в Крым, но идут уже другой дорогой из боязни преследования[22]. Поэтому Э. Челеби и констатирует, что для неверных этот татарский народ — словно чума. Такое войско не испытывает никакой жалости к не-

приятелям. Для гяуров по этой причине татарский народ — не что иное, как армия морового поветрия[23].

Существовали определенные тактические приемы, применяемые обычно татарами. Атака начинается организованно. Сигналом к началу атаки был бой цимбал. Татары не покидают лагерной стоянки, пока не двинется сам командир. По первому же сигналу бросаются как поток[24]. В начале атаки они стараются всегда обойти левое крыло неприятеля для того, чтобы удобнее выпускать стрелы. Часто, уже обращенные в бегство, они останавливались, поворачивались на врага, преследовавшего их и рассыпавшегося в погоне и почти уже побежденные вырывали победу из рук победителей[25]. «В открытые военные действия с противником вступают только в случае своего явного численного превосходства. Если же чувствуют силу противника, то стараются избежать сражения. Сражение признают в открытом поле, избегают идти на осаду крепостей, так как у них нет осадной техники, что не дает возможности вести правильную осаду. Участвуя в военных действиях с союзническими целями, часто вероломно нарушают соглашения, переходя на сторону противника, если тот прельстит их богатыми дарами. Ханы имеют обыкновение предлагать свои услуги другим государствам, суля им золотые горы, лишь бы самим получить от них какой-нибудь подарок»,— отмечал Дортелли д'Асколи[26]. Вероломство татар особенно проявилось в период освободительной войны украинского народа, о чем достаточно подробно рассказано в летописи Самовидца и «Сказании о войне казацкой с поляками» Самуила Величко. К нарушению клятвенных обещаний часто побуждали крымцев то польские, то московские послы, дававшие крупные суммы денег за нарушение в нужный момент шерти (договорной грамоты), данной ханом их противнику и за набег на его владения[27]. Поэтому совершенно обоснованно звучат слова, что никто так не тревожит людей, как крымские татары[28], так как они «люди самые хищные... и всегда готовые поживиться на чужой счет, грабят и уводят людей, которых или продают туркам и другим или отпускают за выкуп»[29].

Как уже говорилось, в поход татары не брали особого имущества в надежде на добычу, захваченную в чужих землях. Зато серьезное внимание они уделяли лошадям. Лошади у них особой низкорослой породы, но очень выносливые и неприхотливые. «Сии животные не боятся ни холоду ни жару и всегда бегают рысью. Нет ни рек, ни болот, которые бы могли их остановить»,— сообщал граф де Марсильи[30]. М. Литвин указывает, что, «отправляясь в поход, каждый татарин имеет с собой от двух до четырех заводных лошадей: устанет одна, он вскакивает на другую, а лошадь бежит за хозяином, как собака, чему она приучается очень рано. Поэтому они очень быстро совершают путь во время набегов, благодаря тому, что часто меняют лошадей, они с большою легкостью убегают от преследова-

ния неприятелей... и при том наводят страх численностью оставляемых ими следов»[31]. Особое внимание обращали все авторы на способ форсирования татарами рек. «Приближаясь к реке, они связывают вместе поводья и хвосты обеих лошадей, на которых сами становятся, привязав сделанные из тетевы и дерева луки к спине, чтобы не замочить их и не ослабить; и став таким образом на лошадей, чрезвычайно быстро переправляются»[32]. «При переправах через реки татары используют сделанные из тростника или других болотных трав луки, на которые они кладут худое свое платье, саблю, дабы всего того не помочить»[33],— констатирует де Марсильи. Оснащение воинов довольно скудно. Они используют легкое седло, покрытое попоной, а иногда овечьей шкурой, на лошадь не надевают узду, используя сыромятный ремень. Незаменимой для наездника является и плеть с короткой рукояткой. Вооружены татары саблею, луком и колчаном с 18 или 20 стрелами, ножом, имеют огниво для добывания огня, шило и 5 или 6 сажен ременных веревок для связывания пленников. Любимым оружием татар были сабли. Изготовлявшиеся в Бахчисарае, ятаганы и кинжалы брались про запас. Г.-Л. де Боплан замечает: «Если во время похода татары встретятся с польским войском, то тогда бросаются в рассыпную и пускают из луков тучи стрел, к чему такой имеют навык, что в расстоянии 100 шагов всегда попадают в цель»[34]. О великолепной стрельбе из лука сразу двумя и даже тремя стрелами сообщал Эвлия Челеби. Но у татар есть и вооруженное ружьями войско — отряд ханской гвардии каны-кулы, которая вступает в сражения в редких случаях[35]. Многие авторы отмечают, что татары не употребляют копья, так как стараются не встречаться с неприятелем лицом к лицу, в сомкнутом строю и боевом порядке. Их тактика — иная: стремительное яростное нападение или внезапное обращение в бегство, что является наиболее опасным тактическим приемом. Поддавшись на этот прием, неприятель начинает преследование, татары же в это время вновь смыкают ряды, стремясь как можно теснее оцепить неприятеля. Осадной техники у татар нет, поэтому они редко осаждают города и крепости. Но в сообщении Х. Берроу, английского купца, мы встречаем сведения о том, что крымцы 7 марта в 1580 г. подступили к Астрахани и решили взять крепость и город приступом и заготовляли вязанки тростника для этой цели[36].

Одежда в походе у них непритязательна: «...Только знатные носят кольчуги, остальные отправляются на войну в овчинных тулупах и меховых шапках, которые зимою носят шерстью вниз, а летом и во время дождя шерстью наружу. В еде татары неприхотливы. Питаются хлебом, кониной, однако татарин решается зарезать только больную лошадь, либо когда она падает сама, что бывает очень часто. Но самая обыкновенная их пища состоит из простой ячменной и гречневой каши. Они отличаются на войне умением переносить

жажду, голод, труд, бессонницу, жару, холод и вообще все лишения и невзгоды климата»[37].

Легкая нажива на войне не способствовала развитию производительных сил в государстве, тормозила его экономику. «Ничего мы не желаем, как токмо войны. Сия есть наш прямой элемент и источник всего нашего богатства. Но как скоро мир высушивает сей источник... мы паки становимся бедны»,— так цинично определял направленность политики Крыма один из его ханов[38]. Грабительские походы крымских татар наносили огромный урон населению русских, украинских, польских земель, а также народам Северного Кавказа. Русское государство несло огромные потери от набегов крымских татар. Только за первую половину XVII в. татарские отряды увели в плен до 200 тыс. русских людей[39]. Помимо методов военных — набегов, войн правители Крыма часто прибегали к сбору дани с близлежащих территорий в форме больших и малых «поминков». Ю. Крыжанич сообщал: «Платят жалование ильти подарки: немецкий царь, ляшский король, Седмиградски Вугры, Влахи, Моровлахи и, полагаю, горски черкасы»[40].

Постоянные набеги на соседние земли давали огромные прибыли не только ханству, но и стоявшей за его спиной Османской империи, которая проводила с помощью татар политику, направленную на сохранение относительного равновесия сил в Восточной Европе, выгодного Порте, т. е. на недопущение усиления ближайших ее соседей. Поэтому вполне обоснованной можно считать характеристику тяжелого положения славянских народов, данную К. Марксом в «Тайной дипломатии XVIII в.», более раннему периоду татарского господства: «Татары установили режим систематического террора: разорение и массовые убийства стали обычным явлением»[41]. Эти слова как нельзя более совпадали с положением дел у крымских соседей и в эпоху ханства.

Итак, записки путешественников и дипломатов позволяют сделать следующие выводы: 1. Очевидцы подчеркивают, что военное дело у крымских татар было основным видом деятельности, ведшим к обогащению аристократии. 2. Авторы записок дали лишь общую характеристику военным силам крымских татар, поэтому большинство документов подобного рода носят поверхностный характер: а) в изучаемых источниках отсутствуют или фрагментарны материалы, позволяющие выяснить особенности военного воспитания и обучения, военной подготовки в мирное время; б) мало сведений об изготовлении оружия, о военных поставках во время походов; в) недостаточно сведений о характере ведения боя, о военной тактике в сражениях в составе регулярной турецкой армии, либо в боях, где татары выступали как союзническая сила; г) мало сведений о содержании крепостей, крепостном строительстве; д) отсутствуют данные о начале применения татарами огнестрельного оружия.

Для всестороннего освещения вопроса о военном деле крымских татар необходимы сведения не только письменных мемуарных источников, но и официальной документации, археологических и нумизматических материалов, а этот объем работы требует иного подхода к решению проблемы.

Литература

[1] Письма леди Рондо, жены английского резидента, при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны/Предисловие К. Бестужева-Рюмина. Спб., 1874. С. 10—11.
[2] Татарчевский А. Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 г. Отд. отт. б. г. С. 16.
[3] Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке. Киев, 1848. С. 3.
[4] Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948. С. 419.
[5] Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 68, 92.
[6] Де Виженер Б. Извлечение из записок//Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1. Киев. 1890. С. 80.
[7] Меховский Указ. соч. С. 16.
[8] Мерінг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1956. С. 136.
[9] Де Марсильли Л. Ф. Военное состояние Османской империи с ее приращением и упадком. Спб., 1737. С. 29.
[10] Губоглу М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине//Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 151.
[11] Де Боплан Г.-Л. О Крыме и украинских казаках в XVII в. б. г. С. 324.
[12] Губоглу М. Указ. соч. С. 151.
[13] Де Боплан Г.-Л. О Крыме... С. 324.
[14] Губоглу М. Указ. соч. С. 152.
[15] Литвин М. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1. Киев, 1890. С. 11.
[16] Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 1. М., 1961. С. 215—216.
[17] Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до XVIII века. Спб., 1887. С. 338.
[18] Д'Асколи Д. Описание Черного моря и Татарии составил доминиканец Эмилио Дортелли д'Асколли, префект Каффы, Татарии и проч.//ЗООИД. Одесса, 1902. Т. 24. С. 123.
[19] Де Боплан Г.-Л. Описание Украины//Отечествоведение. Т. 2. Спб., 1871. С. 175.
[20] Д'Асколи Д. Указ. соч. С. 124.
[21] Литвин М. Указ. соч. С.
[22] Де Боплан Г.-Л. Описание Украины. С. 176.
[23] Czelebi E. Sejahatnamesi. Ksiega podrozy Ewliji Czelebiego. Wybor. Warszawa, 1969. P. 235.
[24] Губоглу М. Указ. соч. С. 152.
[25] Де Виженер Б. Указ. соч. С. 93.
[26] Д'Асколи Д. Указ. соч. С. 117.
[27] Величко С. Указ. соч. С. 6.
[28] Д'Асколи Д. Указ. соч. С. 124.
[29] Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. Спб., 1884. С. 506.
[30] Де Марсильли Л. Ф. Указ. соч. С. 29.
[31] Литвин М. Указ. соч. С. 11.

[32] Чистякова Е. В. «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения. М., 1963. С. 55.
[33] Де Марсильли Л. Ф. Указ. соч. С. 79.
[34] Де Боплан Г.-Л. О Крыме... С. 331.
[35] Czelebi E. Sejahatnamesi. P. 280.
[36] Готье Ю. В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. 1938. С. 267.
[37] Литвин М. Указ. соч. С. 11.
[38] Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе в 1730 и 1731 годах, при низложении Ахмета III и возведении на престол Магомета V. Спб., 1738. С. 26.
[39] Авербух М. С. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М., 1970. С. 123.
[40] Крижанич Ю. Русское государство в половине 1-й XVII в. М., 1860. С. 123.
[41] Цит. по: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 8.

Список сокращений

АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск.
АН	— Архитектурное наследство.
АО	— Археологические открытия.
ВВ	— Византийский Временник.
ВИА	— Всеобщая история архитектуры.
ГАКО	— Государственный архив Крымской области.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. Спб. (Пг.)
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАН	— Записки Российской Академии Наук.
ЗИУ	— Записки Новороссийского университета.
ИАК	— Известия императорской археологической комиссии.
ИАН МССР	— Известия Академии Наук Молдавской ССР.
ИБАИ	— Известия на Българския Археологически институт. София.
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры.
ИКЗ	— Историко-краеведческие записки.
ИМФ АН СССР	— Известия Молдавского филиала АН СССР.
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе.
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
КЭС	— Кавказский этнографический сборник.
ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛГПИ	— Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.
МАД	— Материалы по истории Дагестана.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАЭ МССР	— Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР.
МОИП	— Московское общество испытателей природы.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика.
ОАК ИА АН УССР	— Отдел археологии Крыма Института археологии АН УССР.
РГО	— Русское географическое общество.
РИО АН МССР	— Редакционно-издательский отдел Академии наук Молдавской ССР.
СА	— Советская археология.
СРИО	— Сборник Русского исторического общества. Спб.
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
ТС	— Тюркологический сборник.
ТМНО	— Труды Московского нумизматического общества.
УІЖ	— Український історичний журнал. Київ.
УЗМФ АН СССР	— Ученые записки Молдавского филиала АН СССР.

ФТ	- Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЭВ	— Эпиграфика Востока.
ASLSP	— Atti della societa Ligure di Storia Patria.
ALS	— Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto. 1289—1290.
BB	— Byzantino—bulgarica. Sofia.
CMRS	- Caiers du Monde russe et sovietigue.
LASP	— List and anal ysis of State Papers, Foriegn series. V. I H/Ed. by R. B. Wernham. L., 1964—1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Гудаков В. В. Северное Причерноморье и Поволжье XII—XVI вв. (по материалам некоторых исторических журналов, издающихся на Западе) 5

Секиринский С. А., Секиринский Д. С. Феодальные владения генуэзцев в Восточном Крыму во 2-й половине XV века 9

Еманов А. Г. Развитие торговых связей Кафы в XIII—XV веках 17

Иванов А. А. Надписи из Эски-юрта 24

Мухаметшин Д. Г. О региональных вариантах булгарских эпиграфических памятников XIII—XV веков 32

Герцен А. Г. Оборонительная система столицы княжества Феодоро 38

Баранов И. А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости 46

Кирилко В. П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция . . 62

Горелик М. В., Фомичев Н. М. Рыцарские доспехи XIV века из Азова 73

Кожевникова Ю. Я. Фауна средневекового Азака . . . 78

Волков И. В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака 85
Бырня П. П., Руссев Н. Д. О неполивной керамике XIV века из Пруто-Днестровья 100
Нарожный Е. И. О роли христианства в хулагуидо-джучидских взаимоотношениях в предкавказской зоне 108
Голованова С. А. Русские нательные кресты XII—XV веков в Предкавказье — источник связей с Восточной Европой 117
Королев В. Н. К вопросу о славяно-русском населении на Дону в XIII—XVI веках 122
Демин О. Б. Походы казаков в Северное Причерноморье и турецко-польский конфликт 1589 –1590 гг. 129
Ищенко С. А. Война и военное дело у крымских татар XVI— XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) . . 136

Список сокращений 146

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПОВОЛЖЬЕ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВОСТОКА И ЗАПАДА В XII—XVI ВЕКАХ

Редактор
Н. Н. Арутюнянц
Технический редактор
Н. П. Соловьева
Корректор
Ж. В. Матвеева
Обложка
Е. М. Васильева

ИБ № 1354
Изд. № 16/1998. Сдано в набор 18.04.89. Подписано к печати 12.09.89. Формат 60x84 1/16. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Физ. п. л. 9,5. Усл. п. л. 8,83. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ 110. Цена 2 р.

Издательство Ростовского университета, 344700, Ростов-на-Дону, Пушкинская, 160.

Типография им. М. И. Калинина Ростовского областного управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 344081, Ростов-на-Дону, Советская, 57.

С 28 **Северное** Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв.— Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1989. 152 с.
ISBN 5—7507—0122—0

Сборник содержит статьи, отражающие в свете взаимоотношений Востока и Запада важные проблемы взаимосвязей и взаимовлияний исторического и культурного развития Северного Причерноморья и Поволжья в XII—XVI вв. Для понимания и правильной интерпретации важнейших исторических процессов в этом регионе привлекаются данные нескольких исторических дисциплин.

Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей вузов и школ, аспирантов, студентов и всех, интересующихся проблемами археологии и истории.

С $\frac{0507000000—016}{М\ 175\ (03)—89}$ без объявления

ББК 816,32

ISBN 5—7507—0122—0

© Издательство Ростовского университета, 1989.

Вдруг прошла мимо меня толпа купцов, на которых были видны следы путешествия... и захотелось моей душе попутешествовать и поторговать... Мы переезжали из моря в море и от острова к острову, и во всяком месте, к которому мы приставали, мы встречались с купцами, вельможами царства, продавцами и покупщиками и продавали, и покупали, и выменивали товары.

Синбад-мореход
(XV в.)

А если в писаниях моих усердный читатель усмотрит что-либо, что покажется ему достойным, то пусть за это воздаст хвалу всеблагому провидению, а не моему скудному разумению. А уж когда попадется ему такое, чему трудно поверить и в чем я, по его мнению, уклоняюсь от истины, то, отметив подобное место с должным снисхождением и милосердием, да не попрекнет он меня всуе горьким словом.

Одорико Порденоне
(I четв. XIV в.)

2 руб.

Слабость человека такова, что найдутся лишь немного людей, которые видели бы хоть сколько-нибудь значительную часть земли, и, если не ошибаюсь, ни одного, кто видел бы ее всю целиком. Из тех же, кто в наше время видел достаточную ее часть, большинство составляют купцы и люди, отдавшиеся мореплаванию.

Иосафат Барбаро.
Путешествие в Тану (XV в.)